

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

СОВЕТСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

С О В Е Т С К И Й
Ф О Л К Л О Р

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ФОЛЬКЛОРНОЙ СЕКЦИИ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

С О В Е Т С К И Й Ф О Л Ъ К Л О Р

С Т А Т Ь И И М А Т Е Р И А Л Ы

В Ы П У С К П Е Р В Ы Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК С С С Р
ЛЕНИНГРАД 1934

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Июль 1934 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Ответственный редактор Н. Маторин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из актуальнейших задач советской фольклористики является исследование тех процессов в жизни фольклора, которые происходят в нем под влиянием революции. Дореволюционная фольклористика и фольклористика первых лет советского периода, еще продолжавшая старые традиции, трактовала фольклор, главным образом, как поэзию деревни. Под таким заглавием вышла еще в 1926 г. инструктивная книжка братьев Соколовых; также трактовался вопрос и в аналогичной работе автора настоящего предисловия — „Беседы собирателя“ (1925). Новые записи и новые изучения говорят уже об определенном расширении и даже в некоторых случаях о перемещении интересов.

Наряду с работами и материалами, относящимися к крестьянскому фольклору, огромное внимание обращается на фольклор, бытующий в других социальных группах, особенно же на фольклор рабочей среды. С другой стороны, в дореволюционное время фольклор мыслится только как архаика, — отсюда самый термин, принятый в свое время русскими исследователями „живая старина“. Новейшими изучениями вскрыта весьма четко другая сторона: активное начало в фольклоре и его живая связь с современностью. Новые исследования отчетливо обнаружили, что фольклор связан не исключительно с давно-прошедшими временами, но в нем находит свое отражение современная эпоха в различных ее проявлениях. Яркий пример — частушка. По своей сущности и генезису она восходит, конечно, к глубокой старине, но в то же время она является выражением вполне осознанной классовой борьбы в разных социальных группах. По удачному выражению Ю. М. Соколова „частушка, как и многие другие жанры фольклора, есть одновременно и памятник далекого прошлого и громкий голос нашей современности“.

Огромное значение — фактическое и методологическое — имеют записи фольклора, относящегося к гражданской войне. Первые записи относятся к началу 20-х годов. Видное место в них занимают эсхатологические мотивы. Однако все эти легенды очень односторонне вскрывали процесс отображения в фольклоре революционных событий. Не трудно

определить и ту социальную среду и те настроения, которые вызывали к жизни фольклор такого типа. Этот эсхатологический фольклор явился по существу отражением контрреволюционных сил и выражал антиреволюционные настроения кулацких и близких к ним слоев крестьянства. Наряду с ним создавался и другой фольклор, идущий из иных социальных групп и выражающий не только полное приятие революции, но и ее героизм и пафос. Характерным памятником такого рода является уже достаточно широко известный, записанный в Восточной Сибири „Плач по Ленину“. Этот плач служит замечательным примером использования старых традиционных форм в новых условиях. Конечно, формальная структура „старого причитания“ осталась почти неизменной; но в нем с большим умением и мастерством использованы старые традиционные приемы для претворения в художественный факт нового жизненного явления, глубоко потрясшего и поразившего воображение масс.

Особенно богатые примеры такого сплетения старого и нового дает сказка. Правда, цельных сказок, органически связанных с революционными мотивами, пока еще крайне мало, но уже накопилось большое количество записей, в которых старые элементы сказки тесно сплетены с элементами нового мирозерцания. Так, например, в 1926 г. на Волге была записана сказка на стариннейший сюжет „о золотой (или чудесной) утке“. Но в эту старинную сказку сказитель ввел целый ряд моментов, отражающих самую жгучую современность. В ней упоминаются „перевыборы царя“, „буржуазия“ и т. д. Когда мужик встречается с баринком и последний просит, согласно сюжетному канону, отдать ему чудесную птичку и мужик сейчас же выполняет это, сказитель сопровождает этот эпизод следующим замечанием: „Тогда барину никакого отказа не было“, герой сказки, избранный царем, немедленно же начинает господ „уничтожать“, крестьян же „награждать землею“ и т. д. Иногда революционная современность проявляется в отдельных деталях сказки: зачинах, концовках и т. п. Так, напр., воронежский сказитель Трухачев изобрел такую присказку: „В восемнадцатом году начал белый войну на матушку на Москву. Ленин думать да гадать, красну армию набирать, усех белых потоптать“. Наконец есть сказки сатирического содержания, где действуют „царь Николашка“ и „Распутин“ и др. Примером последних является текст в нашем сборнике, сообщенный Ю. А. Самариним. Еще большее значение имеет фольклор гражданской войны в прямом смысле этого слова. Так, в Сибири был записан ряд песен, сложившихся в партизанской среде во время гражданской войны. Это были частушки, отбразившие внутреннюю жизнь отрядов, походные песни и пр. В общем, все это было также лишь трансформацией старых жанров; впрочем наши материалы в этой области фольклора, к сожалению, очень скудны.

Помимо этой струи, отражающей трансформацию старых жанров и их приспособление к новой тематике, возникли совершенно новые песни и новые жанры. Советские собиратели произвели чрезвычайно важный.

опыт собирания автобиографических рассказов участников гражданской войны и вообще сказаний о последней. Чем больше отодвигались события от их исходной точки, тем более они приобретали легендарный характер, отражая героику революции. Самым интересным памятником таких сказаний явилась, конечно, книга С. Мирера и В. Боровика „Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне“. Книга эта представляется достаточно спорной методологически. Авторы склонны рассматривать как новый фольклорный жанр всякий устный рассказ о революции, не ставя вопроса об их фольклорной специфике, но по богатству материала, по широте охвата темы, эта книга занимает виднейшее место в библиотеке современной фольклористики.

Аналогичные материалы дает и наш сборник. Записи Лозановой (песни), Самарина и Астаховой (устные рассказы) дают в руки исследователя богатейший материал для дальнейших изучений и исследований в этой области. Эти материалы так же, как и опубликованные ранее, наглядно показывают, что мы присутствуем сейчас при зарождении нового фольклорного явления, Принципиально-теоретическую сторону этого вопроса намечает в своей статье А. Астахова: „События еще не настолько ушли вглубь истории, — пишет она, — чтобы воспоминания о них, в массе своей, раскрасились легендой, и в то же время они уже отодвинуты от нас более чем на десяток лет, в продолжение которых рассказы участников и очевидцев, не раз повторяясь, могли отлиться в некоторую устойчивую форму“. Таким образом, мы имеем налицо, по наблюдениям автора, все основные процессы, которые характеризуют фольклорное явление: приобретение устойчивости, отрыв в дальнейшем от автора и первоначального исполнителя, переработка в соответствии с особенностями среды, в которую попадает рассказ, появление различных наслоений.

Все это свидетельствует о том, что на наших глазах уже начал совершаться переход устных рассказов о гражданской войне в фольклорный сказ. Это подлинный фольклор революции, и его внимательное изучение имеет не только глубочайшее историческое и общественное значение, но и огромное теоретическое, заставляя по иному понимать процессы жизни фольклора.

В еще большей степени, с еще большим правом, фольклором революции могут быть названы многочисленные песни о Ленине, Коммунистической партии, о комсомоле, о социалистическом строительстве. С особенной силой и яркостью эта струя выражена в творчестве братских народов СССР. В нашем сборнике они представлены записями Мегрелидзе (Грузия), Карпова, Поделуевского и Шацкой (Туркмения), проф. Поппе (Бурятия). Особенно характерны бурятские песни: их темы — образ Ленина, национальное освобождение, роль коммунистической партии и комсомола, раскрепощение женщины. Особенно замечательны песни о Ленине, отчетливо показывающие, какое огромное место занимают в сознании миллионной массы бывших некогда угнетенными народов,

входящих в наш Союз, имя и образ Ленина. В распоряжении фольклорной секции имеются еще замечательные образцы узбекских песен о Ленине (в записи т. Зарифова-Хады) и казакских (записи т. Маргуланова) — по техническим причинам они не смогли войти в настоящую книжку и будут напечатаны во втором выпуске наших сборников.

В настоящем сборнике не представлена еще одна, весьма характерная для современной фольклористики, новая тема — изучение фольклора рабочих. Мы предполагаем этой теме посвятить специально один из последующих выпусков.

Дореволюционная фольклористика оставляла в стороне эту тему и даже несколько брезгливо отворачивалась от нее. Классовый характер изучений фольклора сказался в этом с особенной силой. В центре изучения стояли, как уже было сказано вначале, крестьянский фольклор, крестьянская поэзия, и в ее образах искали и видели эстетическое мерило для всех видов фольклора. Материалы же, идущие из фабрично-заводской среды, обычно трактовались как неэстетичные, свидетельствующие о разложении старой художественной песни, как поэзия упадка, „лакейская поэзия“ и т. д. В результате материал в этой области фольклора представлен крайне скудно, его приходится буквально извлекать крупными из различных старых фольклорных сборников, из мемуарной литературы, из исторических работ и аналогичных источников. В знаменитом собрании песен П. Киреевского на несколько тысяч песен находится не более десятка, которые можно было бы отнести к разряду фабрично-заводских, да и то с целым рядом оговорок.

В революционное время эта проблема встала с большой остротой. Были организованы специальные экспедиции, опубликован ряд статей и небольших исследований — прежде всего работы проф. Смоленского университета П. М. Соболева, также работы В. Зельцера, проф. Ю. М. Солова. Значительное, хотя, к сожалению, еще далеко недостаточное усиление интереса к этой теме происходит также в связи с грандиозным предприятием, возникшим по инициативе А. М. Горького — созданием „Истории фабрик и заводов“. Наконец, большое внимание обращено и на изучение современного песенного репертуара фабричной среды.

Об итогах пока еще трудно говорить. Эта работа пока еще только начата, но уже в самой постановке темы есть некоторые черты, которые должны быть особо выделены и отмечены. В журнале „Советская этнография“ (1932, № 2) напечатан небольшой отчет о работе бригады ленинградских фольклористов по собиранию и изучению фольклора рабочей среды — результат обследования на нескольких заводах Ленинграда. Этот отчет чрезвычайно характерен для методики современных советских фольклористов.

Современный песенный репертуар, бытующий в рабочей среде, чрезвычайно разнообразен и отображает разнообразие и неоднородность социального состава рабочей массы. Последний включает в себя и по-

длинный пролетариат, и недавних крестьян, и влившиеся в пролетарские ряды кадры городской мелкой буржуазии. Соответственно этому ленинградские фольклористы поставили своей задачей не простое собрание и обследование, но выдвинули ряд задач общественного характера, на основе которых и построили свое изучение. Эти задачи сформулированы следующим образом: „Изучение на материале фольклора идеологических сдвигов в рабочей среде в процессе культурной революции и социалистического строительства, выявление в фольклоре влияний, формирующих сознание нового человека и вместе с тем влияний, идеологически чуждых и вредных, установление путей борьбы с классово-враждебными тенденциями и стимулирование развития идеологически ценных элементов путем активного воздействия на массовый музыкально-поэтический быт рабочих“.

Таким образом, современная фольклористика в своей практике исходит уже не из отвлеченно-теоретических проблем, но из проблем общественного порядка, она исходит из понимания огромной действительной роли фольклора, так или иначе формирующего сознание, и подходит поэтому к фольклорному материалу с точки зрения моментов, содействующих росту социалистического строительства, или, наоборот, тормозящих его. Фольклористика в этом опыте перестает быть только наблюдателем и регистратором фактов, но тесно сплетает задачи научного познания с боевыми проблемами общественного воспитания.

Значение этих новых материалов и наблюдений не ограничивается только приведенными выше соображениями и замечаниями. Они имеют колоссальное обще-теоретическое значение. Наблюдения над фольклором „in Werden“, в его, так сказать, становлении, позволяют осветить новым светом целый ряд этапов его существования и исторического развития. Становится совершенно ясной действительная сила фольклора; становится совершенно бесспорным, что нельзя говорить о фольклоре только как об архаике или каком-то реликтовом образовании. Фольклор оказывается одним из важнейших моментов в общем процессе социальной борьбы и является не только отображением ее, но и одним из ее факторов. Как четко сформулировано одним из современных исследователей „фольклор является ярким отражением происходящих социально-экономических и политических процессов и активным орудием, охотно использовавшимся в развертывающейся борьбе нового и старого быта“. Вместе с тем на материале современного фольклора отчетливо обозначаются различные социальные силы, игравшие и играющие роль в его формировании. Становится уже окончательно невыносимым говорить о фольклоре как о какой-то целостной идеологии одного народа. Единая идеология — не научная фикция. Научное понимание может быть только там, где четко определены и отграничены различные социальные элементы, составляющие в своей совокупности нацию или народ. Отсюда и новые теоретические задачи, стоящие перед исследователями, — в первую очередь: установление отражения социальной дифференциации в фольклоре

и установление — в какой мере он отражает классовую борьбу; отсюда и новая задача перед собирателями. Частичной реализацией этих новых задач является настоящий сборник, предлагаемый вниманию читателей и исследователей. Как уже было указано вначале, мы надеемся опубликовать вслед за этим выпуском ряд аналогичных. Для этой дальнейшей реализации намеченных сборников мы рассчитываем на широкую помощь всех товарищей-фольклористов, особенно же работающих на местах.

Статьи и материалы просим направлять по следующему адресу: Ленинград, Васильевский остров, Университетская наб., д. 3. Академия Наук СССР. Фольклорной секции Института антропологии и этнографии.

Марк Азадовский

А. М. АСТАХОВА

ФОЛЬКЛОР

ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

I

Эпоха героической борьбы пролетариата за власть советов не прошла бесследно для творчества широких масс. Однако к теме „фольклор гражданской войны“ советская фольклористика вплотную подошла только в самое последнее время.

Особенное значение эта тема приобретает в связи с постановлением ЦК Партии о создании „Истории гражданской войны“. Собираение и изучение фольклора гражданской войны выдвигается как обязательная часть работы по истории, так как несомненно, что в области изучения настроений масс, всей внутренней обстановки войны, именно фольклор сможет дать ценнейший материал.

Первое движение по собиранию и изучению фольклора гражданской войны начинается в Сибири, где студентами Иркутского университета, а также студентами рабфака и педфака во Владивостоке произведен ряд записей. В 1924 г. в „Беседах собирателя“, намечая ближайшие задачи собирательской работы в Сибири, М. К. Азадовский особенно подчеркивал неотложность собирания фольклора, связанного с партизанским движением.

„Партизанское движение, — писал он, — нашло довольно богатое отражение в художественной литературе (рассказы Вс. Иванова, Шишкова, Гольдберга и др.), приступлено уже к историческому обследованию его (работы Центрархива, Дальистпарта), но оно еще почти совершенно не затронуто с бытовой и этнографической стороны. Следует обратить особое внимание и на изучение партизанского фольклора“.¹ Далее автор, приведя несколько образцов партизанских частушек, песен и преданий, отмечает срочность этой работы: „Сейчас еще во многих селах и деревнях Сибири живут участники этого, еще столь недавнего, движения, его активные деятели и свидетели. Необходимо разыскать их, побе-

¹ Марк Азадовский. Беседы собирателя. Иркутск, 1925, стр. 61—62.

седовать с ними, опросить и т. д. Нужно торопиться, чтобы и здесь не повторилась упорная старая ошибка сибирского собирательства — опоздание“.¹

Откликом на этот призыв является ряд работ, часть которых публикуется на страницах „Сибирской живой старины“ и других сибирских изданий. Так, в 1926 г. в вып. I (V) „Сибирской живой старины“ помещены статьи А. Поповой „Песни партизан“ и А. Соколовой „Материалы для изучения партизанской поэзии“.²

Приведенные в этих статьях материалы не являются, однако, результатом систематической работы по собиранию фольклора гражданской войны. Так, запись частушек на тему гражданской войны А. Поповой была подчинена основной цели ее поездок — этнографическому изучению быта семейских.³

Не ставя перед собой специальной задачи — собирания фольклора гражданской войны, А. Попова прошла мимо богатого материала прозаического фольклора. По словам самой собирательницы, население непрерывно готово было рассказывать о пережитом в эпоху гражданской войны. Рассказы эти А. Поповой были использованы лишь как материал для освещения фактической истории, но не осознаны как материал, включающий фольклорные моменты.

Записи же А. Соколовой сделаны в процессе работы по собиранию фольклора, связанного с войной и революцией и также не преследовали задачи специального изучения фольклора гражданской войны.⁴

Кроме того, на обеих работах ясно сказывается тот этап фольклористики, когда еще не ставилась задача объяснения собранного, как явления социального, как продукта классовой идеологии, когда не выдвигалось еще изучение функциональной роли фольклора. Так, А. Поповой дается ряд указаний на фактические данные, послужившие источником для записанных песен и частушек; материал классифицируется по тематике и происхождению (связь с определенным событием); но он не осмысливается со стороны его классовой обусловленности.

Поэтому и выходит так, что в третьей группе частушек (девичьи-любовные) в один ряд помещены и частушки, высказывающие явное

¹ Ibid., стр. 64.

² А. Попова помещает 22 частушки и 3 песни, записанные ею во время ее двух поездок в Верхнеудинский уезд Бурят-Монгольской республики для изучения быта семейских. А. Соколова приводит записи двух песен и двух причитаний, произведенные ею летом 1925 г. в Приморье (с. Черниговка Никольско-Уссурийского уезда). Кроме того, следует отметить еще работу А. К. Низовцева, давшего образцы партизанской поэзии („Сибирские огни“, 1924).

³ „Наблюдая и изучая быт семейских, нельзя было пройти мимо народных движений, оставивших глубокий след во всей их жизни, — без детального изучения «партизанщины» многое можно не так уяснить и понять“. „Сибирская живая старина“, 1926, I (V), стр. 30.

⁴ В дальнейшем А. Н. Соколовой собран значительный материал по частушке и устным рассказам на темы гражданской войны; но материал этот еще не опубликован.

сочувствие партизанам, и частушки, обнаруживающие классово-чуждую и даже враждебную идеологию (частушки 18-я и 19-я).¹

Также остается не выделенным и не осмысленным мотив взаимоотношения города и деревни, данный в начале первой из приведенных песен:

Гороцкие задаюца...
Оне конешно говорять,
Им животы поттянула
Оне в сутки рас едят.

Мужиков оне ругають,
Негодяйца такой.
А теперь бы посмотрели
На базаре их с мукой.²

Подобного осмысления материала мы не находим и в статье А. Соколовой. Не отмечена, например, различная социальная функция приведенных ею интереснейших причитаний. Так, несомненна революционизирующая роль первого причитания „по мужу, уходящему в партизаны“, благодаря выделению общественного, революционного мотива в заключительных словах причитания.³ Обратное, второе причитание дает перевес личному началу над общественным. Передавая в традиционных формах скорбь по погибшем сыне партизане, оно не открывает никакого выхода из этой скорби и, наоборот, подчеркивает напрасность и ненужность жертвы.⁴

Ценный материал для суждения о характере партизанского фольклора дают записи, опубликованные А. П. Георгиевским: 10 партизанских песен и несколько частушек („Русские на Дальнем Востоке“, в. IV. Тр. Гос. Дальневост. унив., Владивосток, 1929, и его же „Частушка Приморья“, Владивосток 1929). Однако, записи эти, сделанные студентами рабфака и педфака, страдают в большинстве случаев отсутствием не-

1 Не подсвистывай, миленок, Я на бочке сижу,
Я невиноватая, А под бочкой мышка,
Разлучила нас с тобой Чиридиловка придет —
Встанья проклятая. Семеновцам крышка.

2 А. Попова. Песни партизан. „Сибирская живая старина“, 1926, I (V), стр. 33.

3 Не плачь, жонушка любимая,
Не найду себе я жены другой,
Как я буду забывать тебя
И как деток своих мальих,
А как спросят тебя детушки:
Где наш папочка, аль нет его —
Ты скажи тогда им, жонушка:
Он свободы добивайтца.

4 Да мы же, сыночек, на тебя только и надеялись,
А ты, наш родимый, отказался от нас,
И пошел в лес и горы свободу добывать,
Не добился ты свободушки и смерть добыл,
А нам старикам горя-горести,
Сожгли вороги нас, все разграбили,
И тебя молодого со свету сгубили...

обходимого фактического комментария. Произведены эти записи в разное время и в разных районах и также не являются результатом специально организованной и развернутой работы по фольклору гражданской войны.

В 1931 г. ГИХЛ издана книга С. Мирера и В. Боровика „Революция“, представляющая собрание устных рассказов уральских рабочих о гражданской войне. Записи сделаны собирателями на Урале в 1928 г. Книга включает в себе большой (89 рассказов) и ценный материал.

К сожалению, авторы не ставят перед собой никаких исследовательских задач и предлагают читателям лишь „сырой“ материал.¹

Кроме отмеченного, мы имеем незначительное количество частушек о гражданской войне в некоторых из новых сборников частушек² и затем лишь отдельные немногочисленные записи, случайно сделанные среди записей других фольклорных произведений.³

При этом в сборниках частушки обычно не сопровождаются указаниями, которые помогли бы разобраться в их происхождении. Так, В. Князев, правильно противопоставляя в предисловии к своему сборнику частушки массовые, по его терминологии „подлинно-народные“, „надуманным, наскоро сочиненным для случая куплетам“, сам использует, по собственному признанию, „собрание припевок“ Красной газеты, „кое-что из статей Красной нивы“ и, наконец, два-три десятка песенок из сборника А. Жарова „Тальянка“, хотя о том же сборничке Жарова говорит как о дилетантском и не доверяет фольклорности его записей, причем нигде не помечает, что взято из газеты, что у Жарова, что из личного сбора. Не указано также, из каких мест получена та или иная частушка.

Наконец, в ряду работ, заключающих некоторые материалы по фольклору гражданской войны, следует еще назвать сборник „Партизаны“, в котором, среди других материалов по гражданской войне в Забайкальи, мы находим несколько партизанских песен и стихотворений⁴ и статью П. Гилева „Партизанское движение Бурятии в народном творчестве.“⁵

¹ См. нашу рецензию на книгу С. Мирера и В. Боровика в настоящем сборнике.

² Таковы, например, В. Князев. Современные частушки. ГИЗ, М.—П., 1924, стр. 76. На 261 частушку более 50 на мотивы гражданской войны; А. Жаров. Красная тальянка. Изд. „Молодая гвардия“, М., 1923. На 251 частушку — 24 о гражданской войне. Характерно, что в наиболее значительном по объему сборничке Р. Акульшина (Частушки. „Московский рабочий“, М.—Л., 1929), заключающем свыше 500 частушек, нет ни одной на темы гражданской войны. То же у Захарова-Мэнского, изд. „Огонек“, 1926, 324 частушки.

³ Например у С. Баранова (Народное творчество Львовского округа Ц.Ч.О. Изв. Курского общ. краев., 1928, № 4—6, стр. 49—57), на 57 образцов частушек — 2 о гражданской войне.

⁴ „Партизаны“ — сборник статей партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвященных трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть советов. Чита, 1929, стр. 189—192.

⁵ „Культура Бурятии“, 1932, № 3, стр. 13—18.

Между тем опасение, высказанное на страницах „Бесед собирателя“, как бы не опоздать в деле собирания фольклора гражданской войны, имеет фактическое подтверждение. А. Попова, работавшая в районе, сильно захваченном партизанским движением, говорит об исчезновении партизанской песни и частушки: „События последних лет так быстро менялись, были так важны и значительны, что совершенно вытеснили партизанскую песню и частушку, вместо них возникли новые — с новыми мотивами и иными настроениями“.¹

Подобные же наблюдения сделаны нами в 1932 году в районах Беломорского побережья Карелии и Повенецкого тракта.² Правда, в этих местах масса населения не была так активно вовлечена в борьбу, как в районе, где работала А. Попова: сплошного партизанского движения здесь вовсе не было. Но гражданской войной были охвачены и эти места: здесь имели место интервенция, приход белых добровольческих войск, аресты и расстрелы активистов, мобилизация населения и т. п. Во всех пунктах, где работал наш отряд, мы тщательно разыскивали песни и частушки на темы гражданской войны и в результате имеем на 1870 частушек не более 25 с мотивами гражданской войны и всего несколько песен, которые по тематике можно отнести к фольклору гражданской войны. В то же время мы имеем довольно значительное число частушек на темы пятилетки, колхоза и т. п.

Таким образом, говоря о частушке гражданской войны, можно смело утверждать, что она исчезает, а в некоторых районах уже исчезла из живого бытования, и нужны такие же „археологические“ раскопки в памяти населения, какие в ряде мест производятся в области собирания вымирающих жанров: духовного стиха, былины, исторической песни.

Этим и объясняется тот факт, что при сплошной записи всего наличия частушечного материала в определенной местности могут быть совсем не записаны частушки гражданской войны.³

Такие же специальные „раскопки“ приходится производить и для отыскания песен. Боевые песни, повидимому, жили преимущественно среди самих участников событий, не захватывая широкие слои населения.

¹ А. Попова. Партизанские песни. „Сибирская живая старина“, 1926, вып. I (V), стр. 32.

² Карельская фольклорная экспедиция, организованная Карельским научно-исследовательским институтом при участии Фольклорной секции б. ИПИН (ныне ИАЭ) АН. СССР.

³ Так, например, в статье сибирского поэта Ерошина „Алтайская деревня и город в частушке“ (Сибирские огни, 1926, № 1—2, стр. 232) среди 162 частушек, записанных в Усть-Каменогорском уезде летом 1925 г., лишь одна включает отзвук гражданской войны. Также при сплошной записи частушек экспедицией Государственного Института истории искусств в 1926 г. в районе Шуньгского полуострова мы имеем из количества более 1000 частушек лишь около одного десятка на темы гражданской войны, а при специальных розысках частушек политических, произведенных в 1931 г. гг. Каминской и Тяпонкиной по поручению Карельского научно-исследовательского института и Фольклорной секции АН. в одной только южной части того же района записано более 45 частушек.

Сейчас они полузабыты, отыскиваются с трудом. В районе нашей работы в Карелии нами найдена лишь одна собственно партизанская песня. Сообщивший мне ее партизан не мог вспомнить конца. Другие два члена того же отряда, где эта песня пелась, не могли эту песню припомнить, хотя один из них был даже запевалой отряда. Несомненно, что в местах сплошного партизанского движения песни гражданской войны имеют более широкое бытование, а потому и в большем количестве и лучше сохранились.¹

Что касается ряда других жанров, отразивших гражданскую войну: причитаний, пословиц, поговорок, прозвищ и т. п., старых сказок, включивших отдельные эпизоды или мотивы, — все это нижние пласты в памяти населения, которые с большим трудом удастся разыскать и извлечь.

Иначе обстоит дело с устным сказом, преданием, сказкой, специально созданными на какой-либо сюжет гражданской войны. Здесь нет опоздания. Наоборот, только сейчас наступает время для интенсивной работы по собиранию и изучению этого фольклора. Мы присутствуем сейчас при начальных стадиях зарождения и развития нового жанра. События еще не настолько ушли вглубь истории, чтобы воспоминания о них, в массе своей, раскрасились легендой. В то же время они уже отодвинуты от нас более чем на десяток лет, в продолжение которых рассказы участников и очевидцев, не раз повторяясь, могли отлиться в некоторую устойчивую форму. При этом процессе особенности художественного оформления воспоминаний обусловлены не только индивидуальными свойствами рассказчика, но и тем или иным воздействием аудитории.

Приобретение известной устойчивости и является начальным моментом зарождения фольклорного произведения. Эту стадию в развитии устного сказа мы сейчас и наблюдаем. Такого рода сказы нам самим приходилось записывать, ряд подобных произведений мы находим и в книге С. Мирера.

Следующие этапы — это уже отрыв от автора и первоначального исполнителя, переработка в соответствии с особенностями среды, в которую произведение попадает, возникновение легендарности. Несколько случаев этих последующих стадий, уже зафиксированных записями, говорят нам о том, что на наших глазах уже начал совершаться переход устного рассказа на тему гражданской войны в фольклорный сказ о революции. „Прочитывая внимательно сборник, — говорит Ю. Соколов о книге С. Мирера, — начинаешь подмечать, что некоторые из участников гражданской войны приобретают черты легендарных героев, о которых с особой охотой говорят рассказчики, может быть, невольно придавая любимым образам черты романтической идеализации. Таковы, например, рассказы о Назукине“.²

¹ Так, в колхозах Северного Кавказа А. Н. Лозановой записано 6 партизанских песен, из которых некоторые широко известны в местном населении.

² С. Мирер и В. Боровик. „Революция“. М.—Л., 1931, стр. 18.

Отмеченные моменты состояния различных видов фольклора гражданской войны вызывают следующие соображения о постановке дела собирания и изучения этого фольклора.

Следует широко развернуть работу, проводя изучение путем специальных экспедиций и поездок и, главным образом, путем организации стационарной собирательской и исследовательской работы на местах. Следует вести упорные и тщательные розыски остатков песенного фольклора гражданской войны.

Что же касается изучения новых видов повествовательного фольклора, связанного с гражданской войной, то здесь необходима организация самой широкой и методически поставленной работы по их записи и исследованию. Потому что именно здесь мы имеем тот фольклор, который, вместе с песнями-поэмами о гражданской войне (не приспособленческими переделками, а вновь созданными),¹ является наиболее значительной, наиболее ценной частью фольклора гражданской войны. Создаваемый среди самих активных участников событий, преимущественно среди партизан, этот фольклор является настоящим детищем гражданской войны. В основной своей массе — это новый революционный эпос, яркий творческий памятник героической эпохи, выражение ее пафоса. Это настоящий, подлинный „фольклор гражданской войны“ в самом глубоком и буквальном смысле.

В области устных рассказов участников и очевидцев событий следует проводить сплошную запись всего имеющегося материала, не выбирая лишь явно фольклорные. В большинстве случаев мы еще не можем предопределить дальнейшую судьбу того или иного рассказа: явится ли он источником для фольклорного сказа о революции или, вызванный обращением собирателя, больше никогда вновь повторен не будет, в какой мере такая запись явится ценным материалом для будущего исследователя-фольклориста. Поэтому-то в целях будущего исследования и необходима сплошная запись. В то же время только таким путем мы и сейчас можем вскрывать моменты зарождения и намечать пути развития фольклорного сказа. Здесь особенно важна работа над собиранием рассказов на одно и то же событие, про одних и тех же лиц — от различных рассказчиков: участников, очевидцев, от тех, кто „слышал“, от членов одного и того же отряда, от разноотрядцев и т. д. с самым строгим учетом и социальной принадлежности рассказчика и особенностей той среды, на которую данный рассказ рассчитан. При этом должны быть постоянная проверка степени повторяемости этих рассказов и временами повторная запись, через известный промежуток времени, определенного рассказа от того же рассказчика.

¹ Таких песен в русском фольклоре пока найдено мало. К ним следует отнести поэму о Сорокине, печатаемую А. Н. Лозановой в настоящем сборнике. В революционном фольклоре национальностей они занимают более значительное место.

Наряду с этим необходимо отыскивать фактические письменные документы, касающиеся тех же событий. Записав, например, рассказ о каком-нибудь боевом эпизоде, искать письменных донесений о нем (особенно важно сопоставление тех и других источников от одного и того же лица).

Таким путем несомненно будут вскрыты зарождающиеся или уже оформившиеся фольклорные моменты в устных рассказах о гражданской войне.

Для уяснения путей развития фольклорного сказа и его социальной роли необходимы одновременные наблюдения по линии бытования и исполнения: в какой среде происходит рассказывание, как часто, как реагирует среда слушателей на рассказ, как эта реакция слушателей влияет на само произведение (направляя его тематику и изменяя конструкцию), на исполнительскую манеру и т. п.¹

II

В области фольклора гражданской войны так мало еще сделано, что каждое новое наблюдение, новое, хотя бы и небольшое, собрание представляют уже известное значение. Это и побуждает нас поделиться теми наблюдениями, которые сделаны в 1932 году во время экспедиционной работы среди русского населения Карелии.²

Фольклор гражданской войны был лишь побочной темой в нашей работе. Организовать и развернуть по-настоящему работы в этой области не пришлось. Мы далеко не исчерпали всех возможностей по собиранию фольклора гражданской войны, которые представлялись нам в районах наших изысканий, и не владеем настолько значительным материалом, чтобы делать решительные выводы. Однако и тот материал, который имеется в нашем распоряжении, позволяет высказать предварительные соображения, проверить и подкрепить конкретными данными некоторые положения первой части настоящей статьи.

Работа производилась на Беломорском побережье Карелии от Кеми до Нюхчи включительно, в северной части Повенецкого тракта и в районе Медвежьей горы и Повенца. Кроме того, для суждения о частушке гражданской войны я привлекаю еще материал, собранный в 1926 г. и 1931 г. в Заонежье в районах Сенной Губы и Шуньгского полуострова.³

¹ Первый опыт такой работы проводится в настоящее время А. В. Гуревичем и Н. М. Хандзинским по поручению Фольклорной секции. Судя по первым сообщениям собирателей, эта работа дала уже результаты. Между прочим удалось отыскать интересные образцы фольклора гражданской войны, включенные в рамку „не фольклорного“ устного рассказа.

² Сообщаемые ниже материалы являются результатом работы фольклорной экспедиции, организованной Карельским научно-исследовательским институтом и Фольклорной секцией б. ИПИИ. Основная задача отрядов, работавших среди русского населения, — собирание и изучение фольклора колхозов.

³ Искусствоведческая экспедиция Государственного Института истории искусств в 1926 г., названная выше фольклорная экспедиция 1931—1932 гг. Материалы обеих экспедиций хранятся в архиве Фольклорной секции Института антропологии и этнографии.

Чтобы понять некоторые особенности материала, следует учесть характер гражданской войны в данных районах.

Гражданская война в Карелии, охватив почти всю страну, продолжалась с небольшими перерывами с 1918 до 1922 г. К основным причинам, вызвавшим и поддерживавшим гражданскую войну во всем Союзе, здесь присоединились особые, специфические моменты. Среди них главнейший — стремление финляндских капиталистов к овладению природными богатствами Карелии и к созданию „Великой Финляндии“ вплоть до Урала с „естественными“ границами в области Карелии на юге — по Ладожскому озеру, Свири и Онежскому озеру, на севере — по Белому морю.¹

С другой стороны, Карелия в восточной ее части делается ареной интервентов (англичан и других „союзников“), ведущих свою захватническую политику со строгим расчетом общего ослабления и расчленения России.

Главнейшими этапами этой борьбы являются две финские экспедиции для захвата Карелии, предпринятые в северозападной части весной 1918 г. и в южной — весной 1919 г., затем интервенция союзников,двигающаяся с Мурманска на Карельское побережье Белого моря и оттуда на юг, с лета 1918 г. до осени 1919 г. и, наконец, организация финской буржуазией белобандитского восстания (так называемая „Карельская авантюра“) конца 1921 и начала 1922 г.

По характеру, который приняла гражданская война в местах нашей работы, по степени ее напряженности, мы должны отметить три основных участка.

Наименее напряженным был участок северовосточного угла Карелии: южная часть Беломорского побережья вправо от железной дороги и линия Повенецкого тракта. Интервенты, захватив побережье, прочно удерживают его в течение более года. Вперед, к югу, они продвигаются чрезвычайно медленно и осторожно, поставив перед собой задачу — первоначально укрепить тыл. Со стороны белой власти, в отношении населения, по сравнению с другими участками здесь было проявлено, повидимому, меньше насилий и всяческих эксцессов. Однако расправа с советскими активистами происходит и здесь в ряде мест, причем часто по инициативе и настоятельным требованиям местного кулачества.

Большевики вели подпольную работу, стремясь организовать население против интервентов. Главными организаторами большевизма на местах, наиболее активными и сознательными врагами белой власти являлись, повидимому, солдаты — участники империалистической войны.² Партизанское движение здесь развито не было.

¹ См. Т. Антикайнен. О гражданской войне в Карелии. „В боях за советскую Карелию“, ГИХЛ, 1932, стр. 7; Г. Ровно. Предисловие к книге: „В боях за советскую Карелию“, ГИХЛ, 1932, стр. 2—6.

² У нас имеется ряд указаний активных участников, что на развитие их революционного сознания большое влияние оказали агитаторы-большевики на фронте в период Временного правительства. Помещенный ниже рассказ А. П. Поповой говорит об огромной организационной работе, проведенной И. В. Поповым и его товарищами, вернувшимися с фронта.

Другую картину мы видим на более южном участке, в районе Повенца и в Заонежьи. Это арена яростных схваток обеих сторон. Еще до прихода интервентов в Заонежье действуют только что сформированные отряды Красной Армии против белых частей. Население Заонежья, разделившись на два лагеря, выделяло из своей среды то многочисленных участников красных партизанских отрядов, то активных сообщников бело-бандитов. Ряд деревень переходит из рук в руки. Были случаи сожжения деревни до тла.¹ Иногда все мирное население принуждено бросать свои жилища и скрываться в лесах.

Слухи о приближении интервентов вызывают ряд кулацких восстаний (Шуньга, Толвуя). „Когда пришли в Повенец белые, — рассказывает красный партизан из Повенца И. П. Козырев, — навезли белую муку, галеты, сахар. А у нас что? Ничего не было. Вот Шуньга и восстала. Колонова, председателя комбеда, свои же кулаки убили“. Это контрреволюционное озверелое настроение кулаков и подпавшей под их влияние или обманутой части населения очень выразительно передает рассказ красного партизана П. Я. Локкина из Падан, попавшего в плен к белым. Пленных привезли в Шуньгу. „Ну вот, значит. Когда нас привезли в Шуньгу, повели в центр. Погост, что ли, у них называется. Идем мы, а вольные, знаешь, с вилами идут на нас. Они сено косили, как раз 12 сентября я попал. Чуть не колют, прямо так и идут колоть, бабы и мужики и все. Но эти провожатые не дают“.

Наконец, третий участок, линия железной дороги — место, где были сосредоточены главные действия и регулярных красных частей и партизанских отрядов, а со стороны белых — действия как интервентов идвигающихся с ними русских белогвардейских отрядов, так и белофиннов. Здесь происходят кровавые схватки за каждую пядь земли, за каждый опорный пункт железнодорожной линии. Медвежья гора, переходившая из рук в руки, становится на время опорной базой белых, которые организуют здесь концентрационный лагерь военнопленных. Окрестные деревни принимают активное участие в борьбе. Партизанское движение развивается очень сильно.

Население ряда приморских пунктов (Шижи, Сумского посада, Колежмы), а также Повенца, имело очень значительную кулацкую прослойку, обусловленную развитием рыбных и лесных промыслов. Хозяева рыбопромышленных судов, всевозможные подрядчики, скупщики и пр. держали в экономической зависимости остальную массу населения.² Сильны были идеологические влияния, идущие от кулацких верхушек.

И вот мы видим, что во время гражданской войны кулацкие группы приветствуют приход белых и используют его для расправы со своими классовыми врагами.

¹ Такова, например, судьба деревни Шуньгский Бор.

² „Вся Вирьма у сумлян батрачила“ — слова виремских жителей о бывших взаимоотношениях бедняцкой Вирьмы и богатого Сумского посада.

Очень важно указать, что в дальнейшем, по окончании гражданской войны, развитие новых социально-экономических и бытовых форм, укрепление советских мероприятий, культурная революция и, в настоящее время, коллективизация — вся эта перестройка деревни сильно тормозилась и тормозится оппозицией среди кулацких элементов. Преодоление этой оппозиции в ряде пунктов проходит с большим напряжением (такова, например, ожесточенная борьба вокруг церкви в Сумском посаде, саботажи и факты вредительства пролезших в аппарат колхозов чуждых элементов и т. п.). Вследствие этого еще недостаточно окрепли экономически колхозы. Обследование лета 1932 года констатировало ряд прорывов и в путине и в сеноуборочной кампании. Благодаря косности и общей отсталости населения культурная революция захватывает поморскую деревню медленно.

Необходимо, однако, сказать, что в ряде мест с коренным трудовым населением, с большой бедняцкой прослойкой, как Выгостров (близ Сороки), Лапино (близ Сумского посада), перестройка совершается более быстрыми темпами, имеется ряд значительных достижений, культурные начинания прививаются быстрее и более прочно.¹

Обращаясь к Заонежью, мы прежде всего должны выдвинуть большое, в прошлом, торговое значение Шуньги, куда на ярмарки съезжались продавцы из Поморья, торговцы местными кустарными изделиями и продуктами промыслов и торговцы из средней России. Это способствовало образованию местного иногда довольно богатого купечества.² Для остальной части Заонежья характерны уходы в большом количестве молодого мужского населения на заработки в Петербург. Эти уходы приводили к выделению из среды местного населения торговцев и мастеров, не порывавших связи с родиной и часто в зрелом возрасте возвращавшихся к хозяйству в деревню.³ Приведенные моменты объясняют наличие в Заонежском районе в значительном количестве кулацких элементов и больших классовых противоречий. Старообрядчество, сильное в Шуньге и ряде других мест Заонежья, в свою очередь поддерживало антисоветские настроения. В бедняцкой части, благодаря большей связи с городом и более сильному влиянию рабочих, значительно более, чем в Поморье, развито классовое сознание.

Таковы те характерные особенности районов и специфические черты гражданской войны в них, которые следует учитывать при анализе полученного материала. Само собой разумеется, что это только беглые штрихи, так как развернутой картины во всей сложности социально-экономических отношений дать в настоящей статье невозможно.

¹ Так, в Лапино культурно-просветительная работа значительно выше, чем в соседнем Сумском посаде: уже несколько лет как закрыта церковь и обращена в клуб. В Выгострове большие достижения в колхозном строительстве.

² К. К. Романов. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении. Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Л., 1927, стр. 14.

³ Ibid., стр. 15.

Переходим теперь к рассмотрению самого материала.

Как было уже сказано, частушка гражданской войны в районах нашей работы из живого бытования почти исчезла. Самые тщательные розыски, расспросы среди различных групп населения: самих участников событий, девушек, парней, подростков и т. п. обнаружили, что и в памяти населения сохранилось очень незначительное количество этих частушек.

Прежде всего, почти нет таких, в которых давался бы отклик на определенные события, на отдельные эпизоды, лица и т. п. Предполагаем, что это общий момент, характерный вообще для частушек подобного рода. Связанная с определенным фактом, очень злободневная, имеющая часто узко местный характер, такая частушка и должна была исчезнуть прежде всего, вместе с тем как самый факт ушел в область истории.

Впрочем, разыскания в других местах покажут, насколько правильно данное предположение, и не обуславливается ли отмеченный момент какими-либо другими специфическими причинами.

Мы совершенно не нашли частушек, отразивших какие-либо военные эпизоды в Карелии.

Единичные же случаи занесенных частушек, заключающих отзвуки событий в других местностях, свидетельствуют о переработке подобных частушек, при чем переработка эта идет по линии выбрасывания местной исторической картины. В таком виде частушка теряет явную связанность с вызвавшим её фактом и в восприятии населения может быть даже отнесена к какому-либо из местных эпизодов гражданской войны.

Гораздо больше сохранилось частушек, передающих общую настроенность отдельных групп населения в отношении борющихся сторон. Наиболее часто попадаются частушки с известными зачинами: „Я на бочке сижу, а под бочкой мышка“ и „Пароход идет мимо пристани“ или „Пароход идет, вода кольцами“.

Первый из указанных зачинов, требующий в четвертой строке рифмы „крышка“, дает полный простор для резко противоположных идеологических наполнений этой частушки. Нами записан целый ряд ее вариантов:

Вот один из антикулацких вариантов:

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка,
Скоро красные придут
Капиталистам крышка.

(Колхоз „Выг“ Сорокского района, 1 июля 1932, от группы подростков. Примечания: „старая, теперь не поют“.)

Частушки со вторым из указанных зачинов в наших записях представляют изменение одной из самых злостных контрреволюционных частушек, отразившей все злорадство врага при мысли о грядущем якобы поражении коммунистов и расправе с ними.¹ В той переработке, которой

¹ См. у В. Князева „Современные частушки“. М.—П., 1924, стр. 12. В. Князев относит возникновение этой частушки к Врангелевскому фронту.

она подверглась, частушка не только стала звучать безобидно, но даже совершенно переключила настроение. Вот эти частушки:

Пароход идет
Мимо пристани —
Будем рыбу ловить
С коммунистами.

(Дер. Пиндуши, Медвежегорский район 13 авг. 1932 г. от группы ребят школьного возраста.)

Вариант третьей строки: „Будут сельди ловить . . .“, записанный 1 июля 1932 г. в дер. Выгостров от группы девочек школьного возраста, дает характерный чисто беломорский штрих.¹

Аналогична частушка, записанная в дер. Конда Заонежского района 9 янв. 1932 г.:

Пароход идет
Вода кольцами —
Буду рыбу ловить
С комсомольцами.²

Источником этих частушек явилась несомненно следующая белогвардейская частушка:

Пароход идет
Мимо пристани —
Будем рыбу кормить
Коммунистами.

Некоторые частушки на тему гражданской войны проникли в деревню сверху по линии газетного или эстрадного агитационного материала. Но для нас важно констатировать факт их освоения определенной средой. К этому роду частушек, идущих сверху, уже несомненно относится следующая:

Эх, ты Ванюшка — голубчик,
Ваня славный побратим,
Возьмем, Ваня, по винтовке,
Да на белых покатым.³

(Дер. Конда, 13 янв. 1932 г.)

Из других мотивов в частушке гражданской войны мы встречаем мотив личных отношений, осложненных политическими разногласиями:

Стучит броневик,
Сзади броничанка,
У меня милый большевик,
Я ведь англичанка.

(Дер. Ладино Сорокского района, 1 авг. 1932 г.)

¹ Сельдяные промыслы в путине Беломорского побережья занимают одно из основных мест.

² Варианты этих частушек см. у В. Князева „Современные частушки“, стр. 12).

³ В. Князев, стр. 38.

Частушка эта интересна тем, что тесно связана именно с Северным фронтом, с английской интервенцией.

В той же деревне записана следующая частушка:

Я на бочке сижу,
Да бочка катится,
Скоро белые придут —
Милка схватится.

Это переработка еще довоенной частушки с окончанием:

Теперь миленький не любит
После схватится.¹

В противоположность приведенной, в Заонежье записана частушка, передающая полную гармонию личного с общественным:

Мой муж коммунист,
А я комиссарочка,
На позицию пошла,
Возлюбленная парочка.²

(Дер. Леликово, 8 янв. 1932 г.)

Наконец, интересна еще частушка, сообщающая о тех изменениях, которые вносила война в положение женщины.

Раньше была прачка,
Звать ее Лукерья,
А теперь на фронте
Сестра милосердя.

(Дер. Леликово, 8 янв. 1932 г.)

Идеологическая направленность этой частушки неясна. Ее можно понимать и как выражение одобрения женщине, идущей на фронт, и, наоборот, как издевку над ней.³

Материал, собранный нами, невелик, но он позволяет все же сделать несколько предварительных выводов.

При общем незначительном количестве, сохранившиеся среди русского населения Карелии частушки гражданской войны не дают отклика.

¹ Елеонская. Частушки, № 21, Арханг. губ., 1912 г.

² Ср. у Князева, стр. 34.

Мой миленок коммуна
А я коммунарочка,
На позицию пошлют —
Отчаянная парочка.

³ Частушки, описывающие перемену в личной судьбе, были довольно распространены. Тон их то сочувственный, то язвительный, соответственно социальной среде, их породившей. См. об этом: Юрий Соколов. Что поет и рассказывает деревня. „Жизнь“, 1924, стр. 279.

на определенные, конкретные местные события, а отражают общую настроенность различных слоев.

В большинстве случаев это частушки, известные в ряде вариантов и в других частях Союза, с ходкими зачинами, допускающими различные вариации. По своей идеологической сущности частушки разнородны и резко выявляют ту борьбу, которая шла на идеологическом фронте.

Характерно также то, что Заонежье и Повенец, более бурно захваченные гражданской войной, дали и количественно больше материала и более разнообразную частушку, резко выявляющую настроения противоположных сторон.

Наконец, наши наблюдения говорят еще о том, что, повидимому, в процессе своего бытования некоторые частушки подвергаются изменениям, стирающим их историческую определенность, и часто только при сопоставлении их с другими вариантами бывает возможно установить связь их с определенными историческими событиями.

В области песенного фольклора гражданской войны собранный и зарегистрированный нами материал позволяет наметить следующие линии этого фольклора по его происхождению, характеру и бытованию: 1) партизанские песни, сложенные среди партизан и ими исполнявшиеся, 2) бытующие в среде преимущественно мужской молодежи переделки старых песен, включающие мотивы гражданской войны, 3) новые мещанские романсы приспособленческого характера, использовавшие тематику гражданской войны.

Из собственно партизанских песен нами записана лишь одна от красного партизана С. Г. Леонтьева 40 лет из Повенца, члена отряда тов. Романова. По сообщению Леонтьева, песня пелась в их отряде. Кем сочинена — сказать не мог.

Это переделка очень старой солдатской песни „Ночки темны, тучки грозны“ на взятие Варшавы Паскевичем в 1831 г. Песня была распространена преимущественно среди оренбургских и уральских казаков.¹ Записи ее произведены были также в б. Вологодской губ.² и в Рязанской губ.,³ и в Заонежском районе Карелии. В последнем пункте запись сделана в 1926 г.⁴

Варианты, записанные от казаков, отличаются от бытовавших в крестьянской среде довольно значительными расхождениями в конце песни.

¹ См. „Песни оренбургских казаков с напевами“. Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов, вып. 2, Оренбург, 1913, стр. 60, „Песни уральских казаков“. Записали А. и В. Железновы, СПб., 1899, стр. 40.

² Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской. Истомина и Ляпунов. СПб., 1889, стр. 251.

³ Н. Лопатин и В. Прокунин. Сборник русских народных лирических песен, ч. II, М—П., 1922, № 99.

⁴ Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Заонежье. Academia, Л., 1927, стр. 142; в песенниках вообще эта песня начинает появляться с 1873 г.

В первой же части мы находим лишь замену действующих лиц (в казачьих вариантах — „казаченьки“, в крестьянских — „гренадеры“). Эта первая наиболее устойчивая часть и легла в основу партизанской песни. Приводим для сопоставления данную песню и Заонежский вариант о взятии Варшавы.

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Тучки темны, тучи грозны,
Из-под тучи дождь идет,
Наша храбры партизаны
Со ученьица идут.
Они идут и маршируют
И меж собою говорят:
Трудно, трудно нам ребята,
Нам с белюгой воевать,
А еще того труднее
Нам под пушки подбежать,
Мы под пушки подбежали,
Закричали все: „Ура“.
Распроклятые белюги
Разбежались кой-куда.

(Зап. в Повенце от С. Г. Леонтьева, 40 л.,
17 авг. 1932 г.)

ПЕСНЯ О ВЗЯТИИ ВАРШАВЫ

Ночки темны, тучки грозны
По поднебесью идут,
Наши храбры гренадеры
Со ученьица идут.
Они идут, маршируют,
Сами собой говорят:
Трудно, трудно нам, ребята,
Под Маршавом город взять,
Нам еще того труднее,
Как под пушки подбежать,
Как под пушки с ружьями подбежали,
Закричали все: „Ура“.
Граф Паскевич предводитель
Громким голосом вскричал:
Вы колите, братцы, не робейте...
За морями знают нас,
Знают турки и поляки,
Покоритесь-ка вы нам,
Если нам не покоритесь,
Пропадете, как трава.

(Зап. в Шуньге, дер. Гоголеве от В. И. Хры-
левой, 81 г., 7 июля 1926 г.)

Как видим, переработка заключается лишь в замене чисто внешних деталей, связанных с историчностью песни. Заключительные строки больше соответствуют казачьим вариантам песни.

Например, у Железновых:

Под пушечки подбежали,
Закричали в раз „Ура“
„Ура, Ура“ — город взяли,
Затряслися стены — вал...

В остальном текст не изменен.

Ура-патриотическая песня, насаждавшаяся в солдатской и казачьей среде со специальными „воспитательскими“ целями, и в переделанном виде сохраняет тон молодчества и даже некоторого фанфаронства. Пелась песня на обычный мотив песни „Ночки темны...“

Образование партизанских песен по линии переделки старых солдатских песен или подражаний им несомненно один из наиболее рас-

пространенных моментов в фольклоре гражданской войны, и наш случай является типичным. Об этом свидетельствуют и другие записи.¹

Потребность в песнях, которые давали бы отклик на переживания участников борьбы, которые поддерживали бы в тяжелых условиях гражданской войны воинственный пыл, упорство, бодрость духа, заставляла, повидимому, партизан обращаться прежде всего к старому и хорошо многим известному материалу солдатских военных песен. Отмеченный тон этих песен находил опору в тех настроениях воинственного задора, удалства, которые были присущи некоторым группам партизан. Во всяком случае роль этих песен в свое время несомненно была положительная, революционизирующая, несмотря на их некоторую подчас поверхностность.²

Вторая из указанных групп — переработки старых песен — материал не местный, а занесенный. Он представлен в наших записях широко известными песнями, входящими в основное ядро песен красноармейцев и зарегистрированными в репертуаре рабочих демонстраций. Это песня о Чуркине — „Среди лесов дремучих“,³ „Через поле перешли“⁴ и „Советская коробочка“.⁵ Через Красную Армию они, повидимому, и занесены в деревню, где распространены, главным образом, среди мужской молодежи и мальчиков подростков.

Красноармейский фольклор совершенно еще не изучен, и мы не знаем происхождения переработок. По их же характеру можно предполагать, что они идут по линии самостоятельного красноармейского творчества, возникли или во время самой гражданской войны или в первые годы после нее и, вероятно, среди самих же участников войны.⁶

Наибольший интерес представляет песня „Среди лесов дремучих“, так как она воспринимается в некоторых местах Беломорского побережья как связанная с „Карельской авантюрой“.⁷ Приводим записанный нами текст.

¹ См. 1-ю и 2-ю песни, помещенные в сборнике „Партизаны“, Чита, 1929, стр. 189—190. Также статью А. Н. Лозановой в настоящем сборнике.

² Имеющиеся записи партизанских песен обнаруживают и другую линию переделок и подражаний: источником являются также деревенские и городские романсы: „жесткие“ цыганские и пр. Такова приведенная А. Поповой песня про Семенова „Не вейтесь белые чайки“ под „Варяга“ (Партизанские песни. „Сибирская живая старина“ 1926, I (V), стр. 34) переложение песни „Скакал казак через долину“ у А. Соколовой (Материалы для изучения партизанской поэзии. „Сибирская живая старина“, I (V), стр. 160), „На смерть Погодаева“ и „Гудок паровоза“ — подражание „Чайке“ (сб. „Партизаны“, Чита, 1929, стр. 189—190).

³ Имеет широкое распространение на Беломорском побережье.

⁴ Зарегистрирована в Заонежьи.

⁵ То же.

⁶ Песня „Среди лесов дремучих“ с теми припевами, с которыми она поется сейчас, распространена была в Ленинграде в 1921 г., являясь любимой песней ленинградского студенчества.

⁷ Песня довольно часто попадает в лубочных песенниках XIX в. См., например, „Карие глазки“. Сборник русских песен, М., 1914 г., изд. Е. Коновалова, стр. 56. Бытовала

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
В своих руках могучих
Товарищей несут,

Все пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемет,
Бандиты отступали,
А красны шли вперед.

Все тучки, тучки принависли
И с моря пал туман,
Скажи, о чем задумался,
Наш красный атаман.
Носилки не простые —
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.

Все пушки пушки и т. д.

На них лежал сраженный
Командир наш молодой,
Он весь окровавленный
С разбитой головой.

Все пушки, пушки и т. д.

(Дер. Шижня Сорокского района, 29 июня 1932 г.)

Мы видим, что основной (не законченный) текст „Чуркина“ остается почти без изменений, и лишь в третьем куплете обычные слова „Наш Чуркин удалой“ заменяются словами „Командир наш молодой“. Главным же образом переключает эту старую песню в фольклор гражданской войны припев. Оба куплета припева известны и в ленинградских вариантах этой песни, но обычно перемежаются, а не следуют подряд. Припев подвергся некоторым изменениям, быть может и местным, которые в первую очередь и помогают связать эту песню с местными событиями. Так, 3-я и 4-я строки первого припева заменили собой следующие слова:

Фашисты отступали
Мы двигались вперед.

4-й стих второго припева прибавил к слову „атаман“ эпитет (обычно просто: „скажи наш атаман“).

среди сибирских казаков, где связывалась с фактом покорения Сибири (см. „Песни сибирских казаков“, вып. 1, Изд. Сибирского казачьего войска, П., 1916, стр. 46, № 27). О происхождении песни о Чуркине см. А. Якуб „Современные народные песенники“. Изв. О. Р. С. и С. Акад. Наук, т. XIX, П., 1915 г., кн. I, стр. 64.

Пример „Чуркина“ характерен для целого ряда подобных переделок, поэтому мы его и привели.¹

Аналогичных же чисто местных переработок местных или занесенных песен мы не обнаружили.

Гражданская война нашла отзвук и в продукции классово-чуждых социальных слоев, где наблюдается спекуляция на советской тематике и где революционные темы получают характерное для данной среды преломление.² К такого рода вещам следует причислить песню „Два брата“, записанную нами и на Беломорском побережье и в Заонежье.

Тема о встрече двух братьев, боровшихся на разных сторонах фронта, не раз была использована в советской литературе. В данной песне она получает трактовку, типичную для психо-идеологии мещанства. Приводим текст песни целиком:

Во селеньи в крестьянской избушке
Жили мирно два брата с отцом.
Обожала их вся деревушка,
И хозяйства их был полон двор.
Революция огненным пламенем
Пронеслася над миром грозой,
За свободу и волю народа
И кровь проливалась рекой.
Отобрали лошадку, коровку,
Старший брат в рядовые ушел,
Дали младшему брату винтовку,
Добровольцем он к белым пошел.
Но судьба их была жестока,
В бой идут от пожаров огней,
И сошлись два брата врагами
И узнали друг друга они.
Старший молвил: „Ты белым бандитом,
Ваш девиз был насилье, расстрел,
Не зову я тебя больше братом,
И винтовку он взял на прицел.“

¹ Интересен факт переделки самого текста „Чуркина“, дающий отклик на смерть В. И. Ленина.

Среди Москвы широкой	Носилки не простые
Там Ленинцы идут	Из книжек сложены,
В своих руках могучих	А поперек простые
Ульянова несут.	Слова положены.

(Записано в Ленинграде на заводе „Красный Октябрь“ в декабре 1931 г.)

² Примеры такой „творческой“ спекуляции мы находим в многочисленных халтурных эстрадных номерах недавних годов. Не вполне изжита эта халтура и в настоящее время.

Но курок он спустил неудачно,
Младший брат тут винтовку схватил —
И свершилось ужасное дело:
Штык он старшему в сердце вонзил.
Он смотрел на него как преступник
Перед ним старший брат умирал,
За свободу лихой ведь отступник,
Как ребенок над трупом рыдал.
И лежали на поле два брата.
Вышло солнце на них посмотреть,
„Ты не жги же, горячее солнце,
Труп холодный уже не согреть“.

(Из рукописного альбома-песенника в Сумском посаде Сорокского района, июль 1932 г.)¹

Тема развернута в виде сильной мелодрамы. Основной упор песни на „ужасное дело“ — гибель одного брата от руки другого. Мелодраматизм поддерживается сильно эмоциональной лексикой.

Происхождение песни неизвестно. Варианты ее за последнее время зарегистрированы в ряде мест Союза.² Вероятнее всего мы имеем здесь песню, созданную в целях публичного исполнения и занесенную в деревню из города.³

Таким образом, мы видим, что песенный фольклор гражданской войны в обследованных нами местах чрезвычайно скуден и не является обычно результатом местного творчества. Работа по отысканию песен гражданской войны, продолженная в Карелии и проведенная в других местах, должна будет вскрыть как общие моменты в отношении данного раздела фольклора гражданской войны, так и специфические, местные. Пока приходится лишь констатировать данный факт для мест нашей работы, не пробуя его объяснить.

Потребность же в творческом воплощении героики гражданской войны несомненно сильна среди населения, преимущественно среди молодежной части. Карельские материалы свидетельствуют об определенной тяге к таким песням, идущим сверху, по линии хоркружков и массовых демонстраций, как „Нас побить, побить хотели“, „Смерть комсомольца“, „Конница Буденного“, „Марш Буденного“ и пр. Фольклорист, изучающий фольклор гражданской войны, не может пройти мимо этого материала. Необходим самый точный учет степени проникновения его в массу, ха-

¹ Заонежский вариант дает укороченный и сильно искаженный текст.

² В Ленинграде в репертуаре уличных певцов — в 1931 г.; в белорусском Полесье — экспедицией Академии Наук СССР и Белорусской Академией Наук в 1932 году; А. Н. Лозановой — в вагоне поезда ж.-д. линии на Северном Кавказе осенью 1931 г.

³ Автор уличных песен в Ленинграде Н. А. Ш.-в приписывает создание ее себе. Но, вероятно, ему принадлежит только некоторая ее переработка. Характерен факт исполнения ее слепым певцом в поезде.

рактера проникающего материала, степени его творческого освоения и т. п. Если рабочая среда в Ленинграде и других центрах еще не вытравила из своего обихода целый ряд лже-революционных, приспособленческих песен и употребляет их наравне с подлинно пролетарскими, то тем более это следует сказать о среде колхозников. Мы убедились в этом на примере карельского материала.

Таким образом, здесь стоит прежде всего задача изучения и регистрации этого материала с целью оказания помощи местным руководящим организациям в деле отсеивания идеологически вредных, художественно слабых, халтурных вещей.¹

В то же время следует поставить задачу изучения процесса фольклоризации этих песен. Наши наблюдения в Карелии говорят о том, что большинство из них в своем исполнении еще не отошло от исходного момента — текста определенного автора и мелодии композитора. Но начальные моменты такого отхода мы уже наблюдаем и, прежде всего, по линии музыкальной. Песни все более и более осваиваются воспринимающей их средой, приносящей специфические черты песенной культуры данной местности.² Несомненно, настанет время, когда ряд этих песен мы будем рассматривать как подлинно фольклорные. И уловить начальные стадии их фольклорной жизни чрезвычайно важно, так как нет сомнения, что именно по линии освоения массовой пролетарской песни пойдет оплодотворение и развитие фольклора.

Обратимся к тому разделу, который, как отмечено выше, является в настоящее время центральным моментом в изучении фольклора гражданской войны — к устным рассказам.

Специфические особенности гражданской войны в районах нашей работы определили и характер материала. С Беломорского побережья, где вообще мало активных участников войны и почти нет партизан, мы имеем незначительное количество рассказов. Преобладающая тематика их — движение белых к югу и расправа их с активистами. Военные эпизоды почти отсутствуют. Наоборот, в районе Медвежьей Горы и Повенца сюжеты рассказов — преимущественно боевые столкновения, действия партизанских отрядов. Материала так много, что за десять с лишним дней, проведенных здесь, я далеко его не исчерпала.

В наших записях мы имеем различные стадии в развитии устного сказа о войне. Есть рассказы, впервые возникшие, есть повторяемые, уже имеющие какое-то бытование, отлившиеся в некоторую форму, и, наконец, рассказы, отделившиеся от первоначального рассказчика — их создателя,

¹ Совершенно необходима постановка учета массовой песни на демонстрациях в колхозах подобно тому, который проводится в городах. См. по этому вопросу отчетную статью бригады ИПИН по собиранию и изучению рабочего фольклора в „Советской этнографии“, 1932, № 2, стр. 143.

² В этой области имеется некоторый материал из Северного края, с Пинеги в Фонограмм-Архиве Фольклорной секции ИАЭ Академии Наук.

превратившиеся в исторические предания, легенды, бывальщины, сообщаемые со слов третьих лиц.

Приводим образцы второго и третьего типов, входящих уже в понятие фольклорных явлений.

Первый из помещаемых рассказов принадлежит Анне Петровне Поповой 71 года, крестьянке-колхознице из дер. Нюхча Сорокского района. Сюжет — гибель сына и его двух товарищей, организаторов ячейки большевиков в Нюхче, расстрелянных белогвардейцами в 1919 г., и спасение остальных трех, тоже приговоренных к расстрелу.

Повествование об этом повторялось А. П. не раз. Ее муж, Василий Петрович Попов, к которому я первоначально обратилась с просьбой дать мне рассказ о расстреле, сказал: „Пусть лучше Вам старуха моя расскажет, она это лучше рассказывает“.¹

Действительно, повествование складывалось стройно, с четким, поступательным движением по основной сюжетной линии, без метаний по материалу. При всей своей стройности рассказ был передан чрезвычайно взволнованно, с большой внутренней эмоциональной силой. Иногда в голосе дрожали слезы, слезы набегали на глаза.

Вот ее рассказ:

«Иван пришел со службы большевиком и стал здесь жить. Его и поставили председателем сельсовета, секретарем был Потапов Ларион. К им записалось 17 человек. Вот наш ходил в Сороку, с им шол старший какой-то, вот хоть как ты, комендант. А наш думал, что едет стрелять солдатом большевиков. Он послал с парнями записку, што едет, и штоб записку бросили в печь, которую записались в сельсовете в большевики, штобы не попасть. А етот приехал комендант, сбóрали собрание. А ето на собрание собираются: Кичигин, Федор Иванович, тот уже помер, Попов, Степан Никифорович, тот живёт, бегут на собрание, в дверях тут на собрании говорят, что надо расстрелять. И Павел Никифорович Попов, онь темный старик, сидит на лавке и говорит: „Надо расстрелять“. А етот комендант говорит: „Погледите, ребята, друг на дружку, за што мы будем солдатом стрелять“. Им тут и облэгчило. И опять стали собираться командой большевикам, записываться. И после, как у них разрослось, много записалось. Нашего уш тут сменили, другой стал председателем — Василий Иванович Попов. И потом секретарем военным. Иван Васильевич Пономарев был потом комендантом. А Медведев — начальником отделения на почте. Оны придумали уничтожить большевиков. Вызвали в Оштум-озеро Новожилова, Петра Степановича, говорят: „У нас на деревне большевики“. Вот оны подали в Сороку телеграмму, штобы послали сюда добровольцев, сделали здесь позицию — Попов, Пономарев,

¹ Семья Титовых — бедняцкая. Старик Василий Петрович с 12 лет „ходил от хозяев“. Также работали на хозяев и его оба сына. Рассказчица А. П. неграмотная, с живой выразительной речью и в обиходе. Сказок не сказывает.

Медведев, Мошины. Они послали эту телеграмму, на другой день уш приехали сюда добровольцы с Сороки.

Вот к нам послали: „Пусть отдают винтовки и левольверы, у их, говорят, есь именно“. А у наших не было. Вот оны пришли эти доброво-льцы и стали искать по подполью и везде. „Нам не суть важно“, — говорят, — „это ваше правление посылает“. Хорошие такие мужики были. Маленько посбираются, посмотрят, много не смотрели. И комен-дант с ими: „Бабушка, говорит, не пужайся“. А я испугалась, што книги у его есь, на хлеву. Он говорил, што книги такие, што за каждый листок расстреляют.

Добровольцы сделали у нас за деревней позицию, привезли пуле-мёты, и даже из наших мужиков дежурили, кто даже и винтовки сроду не держал. Уж никто у нас не бывал, ворон не пролетывал в нашу деревню. Мужики наши записались добровольцами, с оружием ходили по деревне день и ночь. Без записки по дрова не пускали, так следили. А наши тайком ходили, советовались, наших в это время скопилось 70 человек.

А после затым приехал Рублевский, другая команда, позлее. А на-ших забирали на позицию на Медвежку. Унтер-офицера были некоторые, так их и брали. Наш — унтер-офицер был. Богатые мужики и говорили Рублевскому: „Надо их арестовать, расстрелять“, оны там советовались. А етот Василий Иванович Попов, как привели некоторых арестованных: Шумилова, Божека, Ворониных двух, Титова, Кичигина — говорит, што Попова тоже надо привести. „А то ты уедешь, он останется так“. Их и арестовали и в казармы посадили.

Вот сын написал записку отцу: „Собери собрание, пусть соберутся, за што нас посадили“. Оны не допустили, Пономарев и другие говорят: „Собрания военная власть не дозволяет“. Оны одного Воронина вы-пустили, Митрия Ивановича, а другой остался там. Вот мы вецером пошли к им с хлебом в казармы, думали, што их повезут в арестантскую. Нас в казарму не допустили. Рублевский стоит на крыльце, и Новожилов Петр Иванович с винтовкой. Говорят: „Вашего сына мы расстреляем“. Мы с невесткою были, с его женой. Я молю, што не расстреливайте. А Новожилов говорит: „Надо расстрелять, оны мучат ребят и женщин насильничают“. Я заплакала, а Рублевский говорит: „На два года по-сажу“. Не сказал, што будут стрелять. Потом вышел сын прощатъця, вывели его. Со мной простилса, с жонкой простилса, на ухо ей шепнул: „Завтра нас будут стрелить“.

А вот оны ночью спали, часовой заснул, в комнате ихней. А Воро-нин то Олександр Иванович придумал, штоб убежать: „У сонных ружье отымем и убежим“. Побудил товарищей, а товарищи говорят: „Не убежим никуда“, и не стали бежать. А Воронин вышел из той комнаты тайком и хотел убежать один. А не смел убежать, думает: „Как убегу, бьют расстреляют их за меня, а так может и не расстреляют“. А Рублевский

с Василием Поповым спускаются под листовку. „Надо расстрелять“, говорит Рублевский. А Попов Василий Иванович говорит: „Надо, лиха трава с поля долой“.

Вот за теми сейчас пришли и говорят: „Ехать надо. Где кони? На казенных повезем“. Их повели 14 человек, а наших 6, кто впереди, кто сзади, кто по боку, поговорить им друг с другом не дали. Вот по реке спустили и выстроили в шеренгу. Выстрел сделали, все пали, а Олександр Воронин завалился будто мёртвым, больше не встал. А те встали. Вот два побежало, Иван Васильевич Титов и Василий Федорович Кичигин. Потом в последних и наш побежал, Иван Васильевич Попов. А Шумилова и Божека тут пострелили, оны тут и пали на месте. А наш сажень полсотни отбежал и нашего подстрелили. А те два, Кичигин и Титов, убежали. Вот оны хотели пролубь высесть и их туда спускать. Потому — закон переступили, не приказано им было стрелять, хотели так, как увезёны. А Воронин лежит и думает: „Живой в пролубь не пойду, лучше вскочу, пускай подстрелят“. Оны высесть пролубь не могли, стали их в снег копать. Сперва Воронина положили в яму в снег. Валенки сняли. Погодушка была, тошно было до того! Божека с кровью наверх, Шумилова редом, а нашего подальше, в особую яму за островом.

Вот и ушли все домой. А Воронин раскопал снег, вытонулся из снега. А оны валенки не унесли, он одел и по снегу пошел дальше. Пришёл домой к сестры, и старушка Оксенья Ильишня Колышнева, нонь ее в живых нет, заперла его в подполье. Он сестры сказал, што Иван Попов убежал.

Вот утром мы пошли проведывать в казарму к Рублевскому. Рублевский говорит: „Увезли в 4 часа“. Вот я забегала и запроведывала: „Кто ехал из Сороки — везли ли? Кто ехал из Онеги — везли ли? Не попадались ли навстрету?“ Говорят: „Не везли“. А в тыи сутки самыи Мошин Михаил Максимович председателем становилса, а Попов Василий Иванович сдавал. Я пошла к Мошину просить, штобы дал мне власть около казарм поискать, может найду где следков. Он говорит, што неделя времени вам ницего нельзя. Тут я опять реветь. После Иван Васильевич Семенов нашол их мертвых — тайно на лыжах скатался — нашего и других. А Божека того украли из той могилы, у него были деньги 3000 рублей при себе, его утонули в сторону и в снег закопали. После его уж там нашли и тут же и закопали и через год уж перевезли к товарищам. Три года там они лежали, ништо не выстлело.

На утро сбрали собрание. И на собрании записку написали: Два из-под патруля убежали, Кичигин и Титов. К кому прибегут, не окажут — того расстрелять, а кто окажут — тому награда 25 рублей. Вот дело то вышло, што Воронин живой оказался, разнеслась весть, што расстреляли. Да тут мертвых нашли. В пятницу расстреляли, а в понедельник нашли. А бумага была раньше, пришла 26 февраля, а расстреляли 27 февраля, што стрелять нельзя. Как разнеслась весть, што пришел Воронин живой, тут больше и не стали брать никого.

Он¹ работал в сельсовете и распорядился пшонкой за товарища. Вот и дает мужику записку, што пойдн к богатому мужику, он даст жыто тебе поле засеять, а я рассчитаюсь ему пшонкой. А им казалось мало пуд на пуд, дешево. Вот на его бранились и ворчали. Вот я ему и говорю. „Вот, Ваня, ты с бедными связался, а тебя богатые расстреляют“. А он: „Э, мама, ты не дело говоришь. Полдела — кабы за бедных расстреляли, и только бы не за богатых. Тогда бы был я памятником“. А я не спросила: „Ваня, каким бы был памятником?“ Вот теперь памятником и стал. Товарищи 3 раза в год ходят и поминают.²»

(Записано в дер. Нюхче 18 июля 1932 г.)

Свою замечательную концовку Попова дала отдельно от рассказа, но непосредственно вслед за ним. Явившаяся в результате естественного стремления подвести итоги революционной деятельности сына и определить его роль, она несколькими штрихами воссоздает перед нами живой образ покойного Ивана Васильевича.

Весь рассказ набрасывает яркую картину классовой борьбы, развернувшейся в Нюхче в первые годы революции. В этом его большая историческая ценность.

Интересно сопоставить повествование А. П. с другим рассказом о том же событии, записанным от сестры одного из спасшихся И. В. Титова.³ Рассказ Титовой более протоколен. Попова вносит такие подробности, как диалог В. И. Попова с Рублевским („худая трава из поля вон“), ночные колебания Воронина (бежать или не бежать) и др. Вообще рассказ А. П. Поповой психологичнее и эмоциональнее.

Следующий рассказ стоит в том же ряду рассказов, неоднократно повторяемых и уже принявших определенную форму. Принадлежит он фельдшеру дер. Койкинцы Кириллу Николаевичу Хребтову 65 лет.⁴ К. Н. сам мне предложил рассказать, когда я обратилась к нему с просьбой указать мне в Койкинцах рассказчика, который мог бы сообщить о занятии деревни белыми. Повествование свое Хребтов сразу начал в тоне, сильно отличающемся от его обычной манеры разговора: в размеренном, плавном, неподнятом, с определенной ритмизацией речи.

«Они собственно прибыли сюда на 250 лошадах, около 500 человек прибыло. Конечно были собственно казенные и крестьянские, которых по пути собирали.

Потом, куда прибыли, рассказывают, здесь был сельсовет. Председатель Марка Константинович Семенов и секретарь Федор Степанович

¹ Иван Васильевич Попов.

² А. П. имеет в виду братскую могилу в Нюхче, где погребены тела казненных.

³ Рассказ от Титовой записан сотрудником экспедиции А. Н. Нечаевым.

⁴ К. Н. Хребтов работает фельдшером с 1895 г.; в Койкинцах с 1909 г. Беспартийный.

В колхозе не состоит. Сын его был в годы гражданской войны секретарем сельсовета в соседней дер. Карелострове.

Богданов, Иван Лукич Осипов, член сельсовета. Коуда слышал — их собственно председателя теща увидела, что белые. К ей на квартиру пришли. Она разбудила председателя и говорит, что приехали белые. Ну вот тоуда как председатель, секретарь и побежали на Сегежу. А члена тут его на квартире у крестьянина поймали. Арестовали у доме Харина. Сын Харина ныне видишь секретарь колхоза. Как член, так и крестьянин — сын Гаврила Харин. Выхода из подполья было два, две скважины у доме. У одной скважины стоял часовой, о другой не знали. В это время этот крестьянин и член воспользовались и бежали. А часовой охранял эту скважину. Вот коуда пришел другой часовой сменить, посмотрели арестованного, оказалось — нет.

Тоуда они взяли, вся это белогвардейская администрация, взяли лошадь у купца Константина Кириковича Михелева, пустились у погон. Коуда их нагнали, верст 5 они убежали. Стали их обстреливать. Они вробели, больше не стали побежать. Тогда их забрали белогвардейцы. Привезли их сюда в Койкинцы. Опросили Гаврила Харина. „Почему ты сбежал, как ты не арестован?“ Он им ответил, „что белые пришли и всех расстреливают. Я испугался и убежал“. Спросили тогда священника Ольского Александра: „Он не большевик?“ Ольский подтвердил, что он не большевик: „Даже у меня на клиросе подпеваает. Служит у меня как псаломщик“. Тоуда офицер ему сказал: „Ты, негодяй, не бегай никогда и не агитировай“. Члена Ивана Лукича Осипова повели и на этой вот ламбине, на озере этом, вот тут расстреляли.

Марка Семенов прибежал у деревню Ловище в свою деревню, не рассчитывая, что такая большая армия белых пришла, взяу винтовку, патроны, зацтитилси непроницательно пулям песком и рассчитывал встретить белогвардейцев, которых банда будет итти по дороге.

Вечером началась большая вьюга, метель. Белогвардейцы значит пошли в наступление на Сегежу. Коуда вступили в деревню Ловища, то Марка Семенов председатель не удрал из деревни, остался у деревни. Рассчитывая, что в собственном его доме найдут, он вошел у бедной вдовы Ириньи Ивановой в подполье, куда к.его несчастью забрался в эту избу целый белогвардейский штаб офицеров. Вот тут рассчитывал председатель, что ему конец.

Теперь будем говорить о Богданове. Коуда Богданов прибежал в Сегежу, объявил всей администрации Сегежи, что в Койкинцы вошли белогвардейцы. Тогда организация Сегежи отправила 24 человека рабочих с Богдановым в Ловище навстрету.

Коуда подъехали рабочие, тогда 4 человека пустилося в разведку узнать, что есь ли белогвардейцы в Ловище. На лошади Фаддея Никитича Осипова и с им же вместе. Но как были партизаны Архангельской губернии, они все друг друга знали во время сплава не только как звать, но имя и фамилию. Когда они подъехали, стояли часовые белогвардейцы и спрашивают: „Павел, куда ты идешь?“ „Белых битъ приехали“. „Ухо-

дите поскорей по добру по здорову. Белых 500 человек и заберут всех“. Разведчики бросились кто куда попало, спрятались под рыбалоские лодки.

Крестьянин Фаддей Никитич Осипов как раз въезжает домой. Спрашивают белогвардейцы: „Откеда ты мерзавец приехал? Говори сейчас“. И подносит револьвер на нос. Осипов отвечает им: „С работы, рабочей артели“. К несчастью его оказалось на санях брошены разведкой две винтовки. „А это, мерзавец, где ты винтовки взял?“ Рассеялся тогда Осипов, не знаю, что сказать. Коуда его ахвицер ударил, спрашивает: „Коуо ты вез, скажи чистосердечно. Он и говорит: „Убивай на месте, а сказать не могу“ (он был красный). Тогда начал его бить и отсек один голову, пополам разрубили ему голову.

В это смятенье воспользовалси коуда все господа ахвицеры бежали к Осипову, то Семенов Марка вышел из подполья, подал ему крестьянин отец Иван Савельев Осипов лыжи, он стал на лыжи и ушел на кладбище. Так что были собаки сыщики. Он оробел и взобрался на высокую ель и пробыл целую ночь. Когда въехали белые в наступление на Сегежу, то он ушел на лыжах верст 20 в Калистрово и пошел на Повенец.

Белые, пришедшие в Сегежу, забрали, расстреляли 50 человек китайцев. Поставили их всех в шеренгу и из люганы расстреляли.

Когда прибыл ишелон красных полководца Спиридонова, он действительно их стал обстреливать с легкой пушки. И белые заколыбались, не знали, что делать. Отступать, бежать? В какую сторону? К несчастью Спиридонова была разобрана линия белыми, так что действовать броневик не мог. Были по обе стороны засады белых с пулеметами. Стали перекрестным огнем крыть по поезду по красным и поранили Спиридонова полководца. Что пришло отряду назад воротиться. Оставшись один полководец Солунин, каковой металси во все стороны с Сегежи и не мог спасти сам себя. Забралси в рабочий барак, где его белые поймали и расстреляли. Вся Сегежа была арестована, все были, малые и старые, на допросе белогвардейцев.

Когда кончились аресты, стали выпускать по деревням крестьян. И в этот момент евился секлетарь Койкиницкого совета Федор Степаныч Богданов, попросил коменданта белогвардейских войск пропуск в деревню Койкинцы. Комендант спросил: „Кто ты такой есть?“ „Я секлетарь Койкинского сельсовета“. „А мы тебя, голубчик, три дня ищем! Иди в этот барак“, указал ему. Когда Богданов пошел, то тогда ахвицер спустил с пулемета, и Богданов прекратил свою жизнь. Ну вот».

(Записано в дер. Койкинцы 6 авг. 1932 г.)

В рассказе прежде всего бросается в глаза замечательная композиция его. Расположение материала продумано. Повествование идет по трем линиям, соответственно судьбе трех действующих лиц, осложняясь в середине введением четвертого, эпизодического лица, Фаддея Осипова. Доводя развитие одной из сюжетных линий до высшей точки напряжения, рассказчик оставляет ее на время и переходит к другой линии („Вот тут

рассчитывал председатель, что ему конец. Теперь будем говорить о Богданове“ и т. п.).

Сопоставление данного рассказа с рассказами обоих действующих лиц М. К. Семенова и Г. Харина¹ еще более вскрывает особенности Хребтова, как рассказчика. Семенов вводит мотивацию некоторых своих действий, например, почему он остался в Ловищах. Харин вносит ряд подробностей о таких деловых моментах, как прятание документов и пр. Для Хребтова на первом плане стоит драматическая ситуация. Все моменты, наиболее насыщенные драматизмом, он выделяет и подчеркивает. Так, например, Семенов лишь кратко сообщает о том, что Богданов расстрелян на Сегеже. Тогда как для Хребтова важен именно момент неожиданности в гибели Богданова: все уже успокоилось; казалось, Богданову ничего не грозит, он спокойно является к коменданту за пропуском.

В целях художественного эффекта Хребтов прибегает также и к выразительным диалогам.

Хребтов гиперболизирует: 40 подвод и 70 человек пришедшего в Койкинцы отряда вырастают у него до 250 подвод и 500 человек.

Рассказ Хребтова, эпически-приподнятый, литературно отделанный, представляет рядом с внутренне взволнованным рассказом Поповой уже образец другого повествовательного стиля.

Далее мы помещаем три небольших рассказа, включающих несомненные фольклорные элементы. Все они идут со стороны — рассказчик передает их со слов других. Первый из них — рассказ о смерти на Врангелевском фронте тов. Романова, командира одного из карельских партизанских отрядов — представляет фрагмент из большого обстоятельного рассказа красного партизана Ивана Петровича Козырева 36 лет о действиях Романовского отряда. Образ Романова вырастает в этой части рассказа в легенду.² Здесь зачатки легендарного эпоса о героях гражданской войны.

¹ Записаны А. Н. Нечаевым.

² Краткие сведения о смерти тов. Романова мы находим в книге „В боях за советскую Карелию“. ГИХЛ, 1932, стр. 128: „Т. Романов был направлен на южный фронт и там погиб: он застрелился, окруженный белыми и не желая им сдаваться“. К сожалению, более подробными сведениями об обстоятельствах этой смерти для сопоставления с данным рассказом мы пока не располагаем. М. Г. Романов был командиром партизанского отряда, организованного В. Т. Гурьевым весной 1919 г. Отряд действовал в районе Кяпсельги. Все воспоминания о Романове говорят о том, что он действительно воплощал в себе черты настоящего героя. См., например, характеристику его в речи В. Т. Гурьева, комиссара отряда, на Конференции красных партизан 5—6 авг. 1930 г.: „Нельзя не отметить особо т. Романова. Он был участником империалистической войны, был уже до этого контужен, ранен и, когда шел, у него скрипела нога, тем не менее он всегда был первым и с поразительным хладнокровием, которое подобает иметь каждому бойцу, стойко и бодро вел нас в бой. Я припоминаю один случай, когда т. Романов в дер. Фоминой остался в цепи один для того, чтобы поддерживать огонь и тем дать возможность отступить ребятам, а сам потом один прибежал через поле, которое было под обстрелом. Я хочу подчеркнуть то, что это такой парень, который боялся потерять лютого из нас, но себя не жалел и был беззаветно предан делу революции“ („В боях за советскую Карелию“, стр. 50).

Рассказ И. П. Козырева: ¹

«Первая стрелковая дивизия была вся растрепана под городом Ореховым; но часть была собрана, пополнена дивизия опять, отправлена была в Никополь, где, по слухам, т. Романов со своим отрядом налетел на танку, атаковал ее, где стал выкидывать машинистов и пулеметчиков за шиворот.

Но не удалось взять, потому что подоспел эскадрон белых. Часть была порублена, а т. Романов был взят в плен, где т. Романову было предложено остаться командиром полка, как слышанность была у белых о его храбрости.

Но он говорит: „Если мы в одном полку господин полковник с тобой служить будем“. Тот согласился. „Давай на этом правую руку“. Тот протянул руку. Романов вытаскивает свой потайной браунинг, выстреливает в висок полковнику и потом себе в висок. Жисть покончена на Врангелевском фронте.

О Романове от партизан слышал, рассказывали. Вот он какой у нас был. Романов и на фронте всегда стоя. Его и пули не брали, точно заколдованный. А вот своя взяла».

(Записано в Повенце 19 авг. 1932 г.)

Следующие два рассказа записаны от красного партизана Сергея Григорьевича Леонтьева, 40 лет: это, во-первых, эпизод о „Ваньке-Каине“,² тоже несущий в себе черты легенды, и, во-вторых, рассказ на тему о братьях, встретившихся на фронте:

„В Кандалакше действовал отряд Ваньки Каина — вплоть до Мурманска. Когда белые были здесь, Ваньки Каина отряд работал там. Он тоже там не стеснялся. Взрывал мосты, где налет сделает, где продовольствие захватит. Каином его прозвали, когда он был рабочим на железной дороге, а Иван — его собственное имя было.

Наконец, донес ли кто, но их открыли и разбили. Кого поубивали, кто разбежался, а Ванька Каин скрывался у лопарей. Действительно, ему хорошо было скрываться, потому что на лицо он такой же, как и лопарь.

¹ Иван Петрович Козырев родом из дер. Уница, сын чернорабочего на лесопильном заводе, воспитан беднячкой бабкой. Участник империалистической войны. Ушел с фронта при Керенском, был добровольцем в Красной Армии, затем становится членом партизанского отряда т. Романова. В настоящее время в колхозе. Беспартийный. Грамотный.

² „Ванька-Каин“ — Иван Константинович Поспелов, начальник партизанского отряда, действовавшего в северных районах Карелии. По полученным нами сведениям он скрывался не у лопарей, а среди карел. В основе последнего эпизода лежит следующий факт: по ликвидации Мурманского фронта И. К. Поспелов, приехав в Мурманск, посетил тюрьму, где находился помощник генерал-губернатора Ермолов. Командир бронепоезда, на котором прибыл тов. Поспелов, железнодорожный рабочий, в шутку, взяв под козырек, отрапортовал перед Ермоловым: „Имею честь представить Ваньку Каина. Разрешите получить 20 000 фунтов, обещанные Вами за голову Каина“ (сообщено самим И. К. Поспеловым).

Как в одежде лопаря, так и не отличить. Ну и лопари подошли такие, что его не выдали. За него давали большие деньги, чтобы его голову принесли или живым привели.

Когда фронт ликвидировался, он явился в Мурманск к бывшему начальству белогвардейскому арестованному и говорит: „Давай мне деньги, которые обещал солдатам за Ваньки Каина голову. Я сам пришел и голову на плечах принес“.

(Записано в Повенце 17 авг. 1932 г.)

«На Карельском фронте такой случай был. Только деревню забыл. Один брат был у белых золотопогонником, другой — в красных, ротным ли командиром или взводным. Вообще был краскомом. Встретились они во время боя у изгороди. Один лежит по одну сторону изгороди, другой — по другую сторону. Смотрят и в конце концов узнали, стали разговаривать. Один: „Ты к нам переходи“. А другой: „Нет, ты к нам переходи“. И который не согласен переходить на ту ни на другую сторону. Тогда красный говорит этому белому золотопогоннику: „Ты утекай, пока мои ребята не заметили, а то возьмут на мушку, так как вообще солдаты не любят золотопогонников“. Он и утек, а свою команду оставил без командования. Что было далее — не знаю. Скорее всего, что тоже утекли, так как без команды остались».

(Записано в Повенце 17 авг. 1932 г.)

Последний рассказ дает новую, своеобразную трактовку темы о двух братьях. Мы уже видели, что песня дает эту тему в плане мещанской мелодрамы. В данном рассказе столкновение получает неожиданное комическое разрешение: утекает золотопогонник, напуганный братом и бросивший свою команду, которая бежит вслед за ним. Развернутый диалог, характерный для сказки, бывальщины, анекдота, сообщает рассказу черты сказочного повествования. Здесь уже другой стиливой тип сказа о гражданской войне, по сравнению с двумя предыдущими.

Приведенные рассказы ясно свидетельствуют о всем значении этого фольклора. Передавая порой в живой, одушевленной и яркой форме события и обстановку гражданской войны, рисуя образы героев, показывая лицо врага, вскрывая те подводные течения в деревне, которые выливаются в первые годы революции в ожесточенную классовую борьбу, рассказы эти дают массам новый художественный материал большого революционного значения. Поэтому особо важен и значителен вопрос о бытовании этого материала. По имеющимся данным мы в праве утверждать, что рассказы о гражданской войне действительно бытуют среди населения. А. П. Попова, Леонтьев, Козырев рассказывают свои воспоминания в семье, своим детям и внукам. На этих рассказах, таким образом, воспитывается подрастающее поколение. Леонтьев, Козырев и др. передают уже ряд рассказов, слышанных ими от других. И вот замечательное свидетельство Леонтьева: „Как приходится в артелях разных работать (на лесозаготов-

ках или других), вечером товарищи просят: „Расскажи нам, как вы воевали“. Многие, конечно, не знают это. Ну и рассказываешь. Другой под рассказы и заснет. Утром и спрашивает: „Ты на каком месте остановился?“ — „На таком-то“. — „Ну да я уже и слышал“.

Здесь мы определенно видим, как бывшая бытовая функция сказки захватывается новым революционным фольклором. В этом социальная роль сказа о гражданской войне. Аналогичные наблюдения сделаны в Сибири А. В. Гуревичем и Н. М. Хандзинским, работающим в настоящее время по данной теме в Забайкалье.

Разумеется, эта социальная роль не равноценна в связи с различиями в идеологической направленности и целевых установках самих рассказов. Это мы видим даже на приведенных примерах. Изучение повествовательного фольклора должно, конечно, идти по линии его идеологической дифференциации. В то же время одна из наших очередных задач — поддерживать и стимулировать создание, развитие и широкое распространение нового подлинно революционного эпоса.

Декабрь 1932 г.

А. Н. ЛОЗАНОВА

ПЕСНИ
О
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКИХ
КОЛХОЗАХ

Изучение гражданской войны ставит задачу сбора и исследования фольклора эпохи военного коммунизма.

В настоящее время устное творчество о гражданской войне оформляется, главным образом, в виде рассказов-воспоминаний; сравнительно с этим материалом песня о гражданской войне занимает гораздо меньшее место.

Большая работа по собиранию песен о гражданской войне и прежде всего по районам действующих фронтов еще только предстоит.

В настоящем очерке мы имеем в виду охарактеризовать песни о гражданской войне, записанные в колхозах Белореченского района (Северный Кавказ).¹

Имеющиеся в нашем распоряжении песни о гражданской войне получены, главным образом, от красных партизан и их родственников, от бойцов, которые действовали сначала в пределах своих родных селений, затем сливались с более крупными красными отрядами и затем в громадном своем большинстве, войдя в регулярные войска Красной Армии, оставались в строю вплоть до окончания военных действий.

Экономические преимущества коренных казаков перед иногородними элементами, расслоение самого казачества, а также иногородних на кулацкую верхушку, с одной стороны, и бесправную, безземельную (нередко даже и в казачестве) эксплуатируемую массу, — все эти условия создали твердое ядро бойцов против кулацкой контрреволюции. Сейчас красные

¹ Все приводимые ниже материалы собраны автором во время экспедиции по исследованию труда и быта колхозов Северного Кавказа, организованной Институтом по изучению народов СССР (ИПИИ), летом 1931 г.

партизаны Северного Кавказа в своей массе (особенно те, которые влились впоследствии в регулярные красноармейские части) выполняют на местах ответственную работу и стоят в передовых рядах борцов за колхозы.

Для изучавшихся нами колхозов Белореченского района также следует подчеркнуть, что из местных сил ведущая роль сплочения колхозов и артелей и далее их организационно-хозяйственного укрепления принадлежала непосредственным участникам гражданской войны — красным бойцам и членам их семей — женам, сыновьям и т. д.

Колхозы, изучавшиеся экспедицией, входили в линию фронта гражданской войны. За это время многие селения Белореченского района переходили несколько раз от белых к красным. Поэтому среди населения на каждом шагу можно встретить рассказы и воспоминания об эпизодах гражданской войны. Песни о гражданской войне также не считаются редкостью. Часто не знают точного и полного их текста, но все же слышали о них и охотно указывают, кто их может спеть.

Песни о гражданской войне нам удалось записать в двух наиболее крупных пунктах Белореченского района, именно в колхозе имени Ленина, находящемся в с. Многокурганном с прилегающими к нему хуторами, и в колхозе „Октябрь № 2“, расположенном в самой районной станице Белореченской; кроме того, одну песню мы записали в колхозе „Красный флаг“, организованном выселенцами из той же районной станицы.

Конечно, самые селения по своей социальной сущности в прошлом и теперь и, следовательно, по той питающей среде и окружению, в котором живут песни, далеко не одинаковы. Естественно, что и встреченные нами песни также различны, как по своей эмоциональной окрашенности, так и по степени распространения в различных слоях и группах того или иного колхоза.

Из песен о гражданской войне наиболее широкой известностью среди красных бойцов Белореченского района пользуется песня о Сорокине. Командир южной армии Сорокин сумел завоевать особое доверие красных. Исключительно силой убеждения, почти безоружных, он направлял их в атаки. Но бойцы неожиданно убедились, что Сорокин предает их. Его выследили в Краснодаре; там в гостинице он имел, будто бы, свидания с белым генералом Корниловым и систематически выдавал ему все военные тайны красных. Было обнаружено, что Сорокин совершенно сознательно губил красных бойцов. Съезд красных командиров решил расстрелять предателя. Тот пытался скрыться с небольшим отрядом. Но всех их во-время захватили. Подробную повесть обо всех этих событиях представляет собою широко известная между красными партизанами песня о Сорокине:

Спомним, славные кубанцы,
Про свободный наш Кавказ,
Как враги народной воли
Предавали нас не раз...

Был главком у нас Сорокин,
Ну изменщиком он был,
Расстрелял вождя он атамана,
Жизнь его он погубил.
Долго, долго исполняли
Мы Сорокина приказ,
Без снарядов и патронов
В наступленье гнал он нас.
Нам снарядов не хватало,
„А врагов, — говорит, — бей — не жалей“.
Но мы бились, отступали,
Не забыли мы тех дней.

Однако намерения Сорокина были обнаружены:

План Сорокина мы узнали,
Почему он отступал,
И в Невинке¹ съезд собрали,
Тогда он в Ставрополь бежал.
Шайку он собрал, предатель,
Думал скрыться без помех,
И в погоню мы пустились,
И поймали их усех.
„Смерть предателю“ — кричали,
Как поймали мы его.
И за смерть бойцов тех смелых
Погубили мы его.

Последующая часть поэмы говорит о трудностях, какие приходилось переносить красным отрядам после расправы с предателем, перечисляет все лишения, пережитые в походах:

Командиры все старались
Войско красное спасти.
Трудно было, нет подмоги,
И куда ж его вести?
Но дошли мы до Кизляра,
Взорван был снарядный склад.
Разорвался взрыв патронов.
Тут стал крик и мрачный ад.
Но не мало, товарищи,
Нас было храбрецов.
И везде царил хавос.
Тут и рвали, все бросали,
Верст на двести шел обоз...

¹ Станица Невинномысская.

Шли с Кизляра мы песками;
Нет селений, городов —
И везде, везде пустыня,
Жизни нет совсем следов.
Шли вперед с отважной мглою,
Кто с понятной головою,¹
А кто в песках нашел могилу,
Не увидит край родной.
Долго, долго мы ходили
По проклятым тем степям.
Ни воды, ни мяса, хлеба
Не имело войско там.

Эта песня о Сорокине известна почти всем белореченским партизанам, которые принимали участие в операциях под Краснодаром. Она была нами записана после общего собрания красных партизан всей станицы Белореченской. За несколько дней перед тем нам было сообщено начало этой песни в колхозе имени Ленина. Красные бойцы все утверждают, что об этой песне слышали все, кто ходил против Корнилова, но текст ее (и тем более полный) помнят далеко не все. В среде не партизанской поэма о Сорокине известна по-наслышке; точного текста ее не знают. Эта поэма, как нить воспоминаний о пережитом, соединяет товарищей по походам; она вызвала ряд воспоминаний, обмен мнений.

Среди бойцов, действовавших против белых отрядов в районах горного Кавказа, была известна (по отзывам самих бойцов) другая песня, в которой так же, как и в песне о Сорокине, главный мотив — трудности походной жизни и лишения, которые стойко переносил красный полк.

Вот фрагмент этой песни:

В горах скалистых и обширных,
Где голод царствовал кругом...
Как по тем горам скалистым
Шли лабинцы молодцы.
Долго, долго мы ходили
Сквозь по ущельям и горам,
Днем мы отдыха не знали,
Ночь стояли во цепи.

Эта песня прочно ассоциируется у белореченских красных партизан с походами Красно-Лабинского полка, однако по своей основе она представляет собой переделку казачьей военной песни, именно о взятии Апшеронским казачьим полком крепости Геок-тепе 12 января 1881 г. Приводимый ниже текст военной песни о взятии Тепе с ясностью показывает источник новой песни о переходах по Кавказским горам Красно-Лабинского полка.

¹ По поводу этой фразы певец сказал: это комсостав.

Вот песня о взятии крепости Геок-тепе:¹

В степи Текинской и широкой,
Где голод царствует везде,
И по той степи пустынной
Апшеронцы шли в Тепе.

Ничто там жизнь не дышит,
В природе даже смерть видна.
Там звука ухо не услышит,
Как в могиле глушь одна.

Долго, долго мы ходили
По той пустынной, мы, степи;
Днем воды мы не имели,
Ночь не спали мы в цепи.
Народ отчаянный и смелый
Много сделать зла успел.
Наказать его царь белый
Примерным образом велел.

Но зато и мы пожилы,
Усмиривши дикий бунт.
Спирт казенный вдоволь пили,
В сутки ели мяса фунт.
Громом пушки застонали
Двенадцатого января;
Геок-тепе мы штурмом взяли
По воле белого царя.
Первым был убит Магалов,
Поручик Готто, Чикарев.
Там же был смертельно ранен
Подполковник граф Орлов.
Величина тройного вала,
Как бы природная скала
Апшеронцев не сдержала,
Когда неслися на ура.

В горах скалистых и обширных,
Где голод царствовал кругом,
Как по тем горам скалистым
Шли Лабинцы молодцы.

Долго, долго мы ходили
Сквозь по ущельям и горам.
Днем мы отдыха не знали,
Ночь стояли во цепи.

Но зато нас пожалели:
Отразившись басурман,
Спирт казенный вдоволь пили:
Мяса ели по фунту.

Первичную основу полковых песен царской России подтверждает традиционное самодержавно-православное название врагов — „басурманы“. На вопрос, кто подразумевается под басурманами, партизан и член правления колхоза имени Ленина в с. Многокурганном, тов. Слаутинский, передававший песню, заметил, что это белые — старое казачье название врагов.

Ура-патриотическая песня, специально сочиненная для казачьих войск полковыми поэтами, и, без сомнения, прошедшая одобрение и редактор-

¹ См. Сборник Кавказских военных песен. Собрал М. П. Колетилин. Тифлис, 1907, № 57.

скую цензуру полкового начальства, в новом оформлении и новой среде, превращаясь в песню красных отрядов, теряет свои ура-патриотические строфы и сохраняет лишь картины самой походной жизни.

Значительной эмоциональной действенностью обладают песни о гражданской войне, возникшие из песен об империалистической войне лишь с незначительной переделкой одной-двух строф. Хотя нередко их первоначальная основа и известна даже самим исполнителям, но они все же более ассоциируются с эпохой гражданской войны. Такова, например, довольно известная лирическая солдатская песня о переживаниях воина, разлученного с семьей. Здесь заменены лишь некоторые слова в первой строфе, которые переиначивают ее содержание. Вот, что дает параллельное сопоставление начала той и другой песни:

Песня о германской войне:

Ой боже, ой боже, ой что за германец,
Зачем объявил ты войну...

Далее текст совершенно одинаков в обеих песнях. И вот полностью песня про „кадетов“, где только слово германец заменено словом „кадет“:

Ой боже, ой боже, ой что за кадеты,
Зачем объявили войну!
С женой молодою меня разлучили,
Разбили семейную жизнь.
Лежим мы в окопах сырых и холодных
И с часу на час бою ждем.
Как грохнутся руби, (т. е. „грохнут с орудий“)
Той сердце забьется, забьется в груди молодой,
Зачем санитары меня подобрали,
Поклали меня в лазарет.
Лежу в лазарете и тяжело вздыхаю...
— Сестрица, подай мне воды!
Подай-ка, сестрица, перо и бумагу,
Родным я письмо напишу.
Родные получают, письмо прочитают,
Зальются горячей слезой.
Жена молодая останется вдвоем,
Забудет она скоро меня.
А детки, когда воспитают,
Да-й спросят тогда про меня:
„Мамаша, мамаша, а где ж наш папаша?
А где ж наш родимый отец?“
„Отец наш родимый давно уж в могиле,
Присыпан разлучным песком“.

Эта песня исполняется с большим чувством как мужчинами, так и женщинами. Конечно, она привлекает прежде всего своей лирической окрашенностью и жалостливым содержанием, особенно это относится к тем, кто потерял своих близких в империалистическую или гражданскую войну. Лирическая песня дает готовое словесно-художественное и вокальное оформление горю и тоске по утраченном дорогом человеке. Вдова красного партизана, погибшего в гражданскую войну, Арина Захаровна Жарикова, два раза исполнявшая по нашей просьбе эту песню, не могла петь ее без слез. „Песня правильная, про жизнь, как на войне народ калечили“ — сказала она.

В колхозе имени Ленина (с. Многокуртанное) довольно широко известна лирическая песня-стихотворение о гражданской войне, распеваящаяся не только красными бойцами, но, главным образом, колхозной молодежью. Она возникла, вероятно, уже несколько лет спустя после гражданской войны и, возможно, сочинена поэтом, не участвовавшим даже в военных действиях. При наших расспросах красные бойцы говорили, что они больше любят песню о Сорокине или „В горах скалистых и обширных“... Об этой песне говорил нам один из бойцов: „Эта песня про Самарскую дивизию — мы там не были. Слышать-слыхали“.

Эта песня записана от работника сапожной мастерской Якова Михайловича Онучкина в колхозе имени Ленина. Он знает ее от своего брата, Петра Михайловича Онучкина, слыхавшего ее в красноармейских казармах. Сам исполнитель нигде в военных частях длительно не служил. Эта песня отличается от всех остальных, записанных нами песен, ясностью стихового размера, точностью рифмы и строгим соотношением частей.

Много бед и невзгод испытала
 В непрестанных боях наша часть,
 Много в ней наших братьев не стало, }
 Защищавших Советскую власть. } 2

Украина, Кавказ и Киргизия
 В своих песнях вспомнут про нас.
 Там, как сокол, седьмая дивизия, }
 На врагов налетала не раз. } 2

Астраханская степь нам расскажет,
 Где цепь подвигалась по ней,
 А дорогу, как вехи, укажут }
 Кости павших коней и людей. } 2

Особняком среди песен о гражданской войне стоит „анекдот“ о Махно, как его называл исполнитель:

Вот перед нами злато поле,
 Туда пошел наш эскадрон —
 С махновцами воюет он.

Вот два красных хлопца
Ведут махновца,
А он мальчишка —
Ему здесь крышка.
А там на горке кавалерия,
Позади хлыщет артиллерия;
Трещит, смеется пулемет,
Бегит панический народ.
Пули щелкают и убивают,
Клинки сверкают и настигают.
Обоз — три ряда.
А пушки, ядра — все три разряда.
С них брызжут по полю кусочки,
Довольно сытные кусочки, —
Парочку возьмешь —
Свободно месяц проживешь.
Бежали мы до самой ночи,
От устали слипались очи.
Кричат все: „Каменску даешь!
Дальше Каменского не уйдешь!“¹
Кто не сдавался, —
Тот наслаждался
Теплом, уютом и неразумным.

Мы натолкнулись на эту песню в старообрядческом местечке, где выселившиеся в 1929 г. из станицы Белореченской 60 казачьих семейств организовали ТОЗ, который зимой в 1931 г. принял устав сельскохозяйственной артели (54 хозяйства). Ближайшее ознакомление с колхозом показало, что колхозное строительство не вошло еще органически в это объединение. Еще не развернута в достаточной мере воспитательная работа. Нет пока ни клуба, ни радио, ни оборудованной избы-читальни, ни стенной газеты; религиозные традиции пока еще в силе. Правда, результаты работы школы ликвидации неграмотности уже сказываются.

В песенном репертуаре колхоза преобладает лирическая протяжная и обрядовая, песня. Военные казачьи песни известны не только среди мужчин, но и среди женщин и даже среди молодых девушек. Уроженец станицы Белореченской, 32-летний казак, теперь член правления колхоза „Красный флаг“, Иван Иванович Базалеев, от которого мы, в числе других прежних военных песен, записали этот „анекдот“, говорил, что он выучил эту вещь в Донецкой области, где жил с 1918 г. по 1924 г.

Вариантов к этой песне нам нигде встретить не удалось. Разъяснений к содержанию ее исполнитель тоже не дал, и на вопрос, чем же заканчивается песня, он упорно отвечал, что дальше не помнит. Между

¹ Каменское — опорный пункт красных войск.

тем все содержание песни по своему тону ироническое, что подтверждает и название ее „анекдот“; рисует настроения политически неустойчивых социальных элементов, формировавшихся во время гражданской войны в вооруженные отряды. Для них на первый план выступала не борьба с контрреволюционными силами, но самая удаля боя, радость захвата добычи и мечта о бесшабашном, разгульном отдыхе.

Необходимо коснуться еще частушек о гражданской войне. Они имеют более широкую известность не только в кругу красных бойцов, но и среди мужской и женской молодежи. Некоторые из частушек связаны с местным районом, например:

На Некрасовской горе
Пулеметы видно.
Товарищи наступают,
А кадетам стыдно.

Конечно, эта частушка возникла здесь, на месте. Нам даже показывали Некрасовский холм, на котором стояли орудия и захват которого был очень важен для той и другой стороны.

Известны среди колхозной молодежи частушки о Врангеле, несомненно литературного происхождения. Они исполняются под балалайку, но считается, что „сейчас мода на них уже прошла“.

Ах экипаж мой, моя эскадра,
Барон германский, российский Врангель!
Скучают пушки, скучают ядра,
Ах экипаж мой, моя эскадра!
За Русь, за веру, за кость поляжем.
Продам эскадру и с экипажем.

Широким кругом молодежи исполняются также песенки, известные из песенников или листовок, по своему ритму очень схожие с частушками. Такова, например, следующая песня, записанная нами в колхозе имени Ленина вечером на улице. Она исполняется, главным образом, мужской молодежью под импровизированный аккомпанимент балалайки:

По команде атамана
Затрещали барабаны,
По команде царских слуг
Все собрались мы вокруг.
Говорит, братцы, начальство:
„Завтра нам придется драться,
Мы коммуны разобьем
И по прежнему заживем“.
Словно дикие индейцы,
На конях белогвардейцы.
За Деникина идут,
Буржуям помощь несут...

.
Славно пушки засвистели,
Рвутся бомбы, шарапнели,
Бьется трудовой народ
С красным знаменем вперед.

Таков отрывочный и в общем разнохарактерный репертуар, который нам удалось встретить в колхозах Белореченского района. Экспедиция не имела специальных заданий разыскивать этот материал; мы собрали лишь то, что было легко обнаружить.

Весь записанный репертуар как бы распадается на две группы. Первая — это песни, известные почти исключительно в кругу красных бойцов, например, типа песни-поэмы о Сорокине или „В горах скалистых и обширных“. В песнях этого рода на первый план выдвинуты события и переживания, которые волнуют непосредственных участников походов. Здесь каждое слово, каждое имя и географическое название, хотя бы даже и вставленное в готовый штамп, все же живет и эмоционально воздействует. Но песни этого разряда известны и бытуют лишь в своем узком кругу красных бойцов. Иногда случается и так, что песня известна, ее слышали много раз, но самого текста не помнят. Например, песня о Сорокине, записанная нами после общего собрания красных партизан станицы Белореченской, известна всем партизанам и бойцам Белореченского района, которые действовали под Краснодаром. Разница только в том, что некоторые, зная, о чем поется в песне, не могут воспроизвести ее текста. В среде не партизанской песня известна по наслышке, точного текста ее не знают.

Вторая группа — все остальные песни; они известны более широким кругам населения. Они заучиваются и распеваются колхозной молодежью через товарищей, от красноармейцев и краснофлотцев, черпаются из песенников. Лирическая песня о гражданской войне, переделанная из солдатской лирической песни, держится главным образом в кругу родственников красных бойцов и часто среди женщин. Например, песня „Ой боже“... была зарегистрирована 6 раз и из них 4 раза от женщин.

Необходимо отметить, что песни о гражданской войне известны среди наиболее передовых и активных участников колхозного строительства и особенно в районах фронта гражданской войны. Так, в самом передовом из всего Белореченского района колхозе имени Ленина, занимающем едва ли не первое место в отношении развития хозяйства, в настоящее время насчитываемом из состава всего мужского населения до 70% красных бойцов, в селении, которое принимало участие почти поголовно в гражданской войне на фронте красных, мы записали все виды приведенных выше песен о гражданской войне, за исключением „анекдота“ о Махно. В другом колхозе, „Октябрь № 2“, с населением по преимуществу старообрядческим и в подавляющем своем большинстве казачьим, в селении,

где в течение полутора лет держались белые и где, по сравнению с мужицким колхозом имени Ленина, гораздо труднее протекает процесс социалистической перестройки, было записано три песни о гражданской войне (о Сорокине, „Ой боже“... и „Много бед“...) и все непосредственно от красных бойцов. В общей массе населения еще пока чувствуется репертуар дореволюционной военной и казачьей песни, который, правда, в последнее время заметно вытесняется прежде всего красноармейской боевой песнью, вливающейся в репертуар колхоза, главным образом, через призывников.

Характерно, что в районах казачьих станиц, из которых комплектовались кадры бывшей личной царской охраны, в пунктах наиболее отсталых, ни одной песни о гражданской войне нами обнаружено не было.

Какие моменты следует подчеркнуть относительно происхождения песен о гражданской войне?

Без сомнения, основным питающим источником их, особенно в русских районах Северного Кавказа, где с самого начала заселения края всячески укреплялись военные традиции и военный дух, — в этих районах основной питающей почвой песен о гражданской войне является дореволюционная военная и солдатская песня. Новая песня (о гражданской войне) зарождается из старой (военной или солдатской) путем замены и переделки. Берутся готовые формы, подчас штампованные строфы, державшиеся в памяти, может быть, бессознательно десятки лет, и в них вставляются, к ним присоединяются новые имена, новые события.

Характерно в этом отношении начало песни о Сорокине („вспомним, славные кубанцы, про свободный наш Кавказ“) — таково начало многих военных песен; или приведенная выше песня о походах по Кавказским горам Красно-Лабинского полка, целиком составленная из отдельных частей старинной военной песни о взятии Апшеронцами крепости Геок-тепе, или песня „про кадетов“ („Ой боже, ой боже“), по своему тексту и основным мотивам (принудительное отправление на войну, разлука с женой молодой, длительное лежание в окопах, орудейный бой и т. д.) являющаяся песней об империалистической войне; также и отдельные, готовые уже выражения вроде:

Долго, долго мы ходили
По проклятым тем степям...

(песня о Сорокине)

или в песне о Красно-Лабинском:

Долго, долго мы ходили
Скрозь по ущельям и горам...

или в песне о взятии Геок-тепе:

Долго, долго мы ходили,
По той пустынной мы степи...

или уже готовые строфы, как например:

По команде атамана
Затрещали барабаны,
По команде царских слуг
Все собрались мы вокруг...

Все эти данные ясно подтверждают, что походная песня о гражданской войне вырастает из дореволюционной военной и казачьей песни.

Хотя в иных случаях и ясна прежняя канва, на которой составился рисунок новой песни о гражданской войне, тем не менее и самими исполнителями и слушателями эти песни воспринимаются и эмоционально связываются с событиями гражданской войны: они распеваются как совершенно новые. И собиратель не может и не должен отнестись к ним иначе.

На вопрос, когда именно создаются песни о гражданской войне, красные бойцы почти в один голос отвечают, что песня о гражданской войне в боевой обстановке не создавалась. Она творилась уже после, когда проходило горячее время, когда наступало затишье и длительный отдых. Некоторые из бойцов прямо утверждают, что должно пройти даже несколько лет, чтобы события гражданской войны уложились в песню.

Конечно, вопрос о происхождении не может быть разрешен для всех видов песен о гражданской войне одинаково. Нам думается, что наиболее ранние по времени своего возникновения — это песни типа о Сорокине, в основе которых лежит яркое событие (в данном случае факт измены). Оно поражает и может дать начало песне — исторической кантилене *ex tempore*. Песни подобного рода могут возникнуть быстро, уже через несколько дней после происшедших событий. Также во время походов складываются, вероятно, и походные песни типа „В горах скалистых и обширных“. В основе этих песен лежат в продолжение недель, месяцев повторяющиеся изо дня в день явления (голод, холод, лишения, трудные переходы). Все эти факты, на основе длительного и постоянного их повторения, могут быстро уложиться в готовые уже формы и таким образом отлиться в новую песню.

И, наконец, самые молодые по времени своего создания это, по нашему мнению, лирические песни — стихотворения о гражданской войне типа „Много бед и невзгод испытала“..., которые в своей отделанной форме могут возникнуть и не один год спустя после ярких событий гражданской войны.

Ноябрь 1932 г.

Ю. А. САМАРИН

УКРАИНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР

(По записям, произведенным в 1930 и 1931 гг. в колхозах Остерского района на Черниговщине)

I

Собранный нами материал ни в коем случае не может претендовать на такую полноту, которая охватывала бы весь фольклорный репертуар той или иной социальной группы, среди которой проводилась запись;¹ но, несмотря на неполноту, все же приводимые образцы дают некоторое новое представление об украинском фольклоре — представление, безусловно более близкое к сегодняшнему дню, чем многие прежние собрания фольклора Украины.

Записи были произведены в колхозах с. Борки, с. Одинцы Остерского района, около р. Десны летом 1930 г. Этот год был для данного района, как и для большинства районов Украины, первым „колхозным годом“.

Колхозные интересы порождали новые частушки, коломыйки, песни и устные сказы, возникавшие как непосредственная реакция на те или иные общественно-политические события общего или местного масштаба. И их фиксирование становилось особенно необходимым, поскольку новые темпы жизни приводили к тому, что отдельные произведения, бывшие еще популярными вчера, забывались и уступали место новой тематике сегодняшнего и завтрашнего дня.

Передовые колхозные творческие силы черпали тематику для себя не только из революционного настоящего, но и из прошлого, из воспоминаний о героической борьбе с эксплуататорами в эпоху царизма.

В колхозе „Надія“ около с. Одинцы во время обеденного перерыва на поле, в дни жнитвы, была записана старая песня.

¹ Записи производились во время научной экспедиции, основной целью которой была работа по материальной культуре.

ОЙ, НАСТУПИЛА ТА ЧОРНА ХМАРА

Ой, наступила та чорна хмара,
став дощ накрапать;
ой, там збиралась бідна голота
до корчми гулять.

Темна хмара наступила,
Став дощик іти:
„Благослови, отамане,
намет нап'ясти“.

Ой, нап'яли козаченьки
червоний намет,
та п'ють вони горілочку,
ще й солодкий мед.

Усі пани, усі дуки,
у наметі сіли,
наше браття сіромашня
та й не посміли.

Наше браття сіромашня
та й не посміли, —
взяли квартиру горілки з жарту,
та й на дощі сіли.

Іде багач, іде дукач,
п'ян валяється
из нашої голотоньки
насмихається.

Ой, як крикне наш отаман
на свою силу;
„Візьміть, візьміть превражу дуку,
вибийти в шию“.

Один бере за чуприну,
другий дула б'є:
„Не йди, не йди превража дуко,
де голота п'є“.

Пішов багач, пішов дукач
-і не оглядавсь —
десятому заказував,
щоб не насміхавсь.¹

Высказывания отдельных колхозников об этой песне — по происхождению, конечно, старой — говорят о том, что в сознании поющих она отнюдь не осознается как только воспоминание о прошедшем. Резкие выпады против „багача и дукача“, призывы на борьбу с ним осознаются

¹ Сб. „Цвіте Червона Україна“, Харьков, 1931.

как непосредственные и живые призывы против кулаков, срывающих и вредящих колхозному строительству. Осовременивание этой песни в сознании певцов и аудитории придает ей большую классово-заостренную зарядку.

Там же записана старая, известная по ряду сборников, песня, относящаяся к эпохе Гайдамачины (XVIII ст.). В исполнении колхозников, из которых некоторые были красными партизанами 1918—1920 гг., в эпоху интервенции, эта старая песня звучит по-новому. Имя забытого теперь атамана Гонты заменено именем вождя Красной Армии, покойного наркомвоенмора М. В. Фрунзе. Эта замена, заключающаяся лишь в одном имени, сразу изменяет и приближает к нам и весь смысл песни. Приводим ее в том виде, как она была записана.

Ой наварили пани пива
Та й нікому пити.
Взяли собі Україну
та й ніде прожити.

Ой, наварили вони пива
та и не шумували
взяли собі Україну
та й не панували.

Ой ви пани недовірки
годі ж панувати
Фрунзе іде недалечко
дасться він вам знати.

Царская рекрутчина, которая противопоставлялась отдельными колхозниками с. Борки службе в Красной Армии, ярко отражена в песне „А звечора уночі“, в которой очень ярко выражены социальные противоречия дореволюционной украинской деревни.

А звечора уночі
сходилися багачі,
стали раду радити —
кого в некрути взяти.
— Є в удови два сини,
то віддаймо восени.
Взяли-би ся багача,
то не буде орача;
А озьмімо бідного,
буде плачу немного,
як віддамо сироту,
то збудемось клопоту.

Прийшла сестра, дає знати,
що-би хутко утікати.

А брат сестри не слухав.

— Так ще й я ся не взував.

Прийшов соцький, прийшов вийт,

Застав мене без чобіт.

Тікав-же я в корчму,

біжить соцький за мною.

Тікав-же я попід стріх,

впав на мене житній сніп;

прийшов соцький, прийшов вийт,

зняли з мене житній сніп.

Стали мене в'язати.

Стала мати вмлівати,

тільки мене зв'язали,

та й у підводу загнали.¹

Большой интерес имеют устные рассказы колхозников о прошлом, которые были также записаны в Остерском районе и которые раскрывают всю картину дореволюционного быта крестьянства и первые проблески революционных бурь.

Устный сказ, как жанр, по правильному выражению проф. Ю. М. Соколова, „стоит на периферии фольклора“. Но несмотря на это, устный сказ в отдельных своих образцах дает очень ценный материал, чтобы делать выводы о возникновении поэтического начала из не имеющей художественного значения словесной массы.

Нами приводятся как раз такие образцы устного сказа, которые, как это удалось выяснить, неоднократно повторялись рассказчиком и приобрели более или менее твердую структурную форму. Помимо этого, значение устных сказов, как исторических документов, не может подлежать сомнению. Приводимые примеры устных сказов относятся по темам в большинстве к эпохе революции 1905 г. и последующей эпохе реакции. Они раскрывают яркую картину социального гнета, в условиях которого жило крестьянство в этом районе и который привел к целому ряду выступлений революционного характера. Хотя Остерский район и не являлся характерным для большинства Украины районом с крупными помещичьими латифундиями, но все же и здесь, при большом безземельи основной массы крестьянства, существовали значительные по размеру помещичьи экономии. Существовавший мизерный земельный надел не давал возможности полностью использовать трудовые ресурсы. Отсутствие какой-либо развитой отрасли промышленности не давало исхода безработной части крестьянства. Зажиточная часть крестьянства „куркули“ или „дукари“, имевшие

¹ Сб. „Цвіте Червона Україна“, изд. ДВОУ, Харьков, 1931.

матеріальну можливість платити за аренду, пользовались землею помещичьих економік і завдяки цьому розвивали і своє сільськогосподарське господарство і садівництво і технічні культури, підтримували торгову зв'язь з капіталістическими шарами міських центрів і в першу чергу з Києвом, від якого знаходилися в 100-верстному відстані. Друга, більша частина населення цих можливостей не мала і, користуючись своїм ничтожним наділом, влачила жалке існування.

В колишній поміщицькій садибі с. Борки, розташованій на березі р. Остра біля живописного соснового лісу, дуже рідкого в цій місцевості, знаходиться тепер сільськогосподарська артель. Артель існує вже з 1923 г., в ім'я колишнього графа Коновниціна. Камінені колгоспні будівлі — це колишні „служби“ поміщика. В поміщицькому будинку, частина якого була знищена денікінцями і тепер відреставрована, — колгоспний „будиночок“, т. є. читальня і клуб.

В цьому самому клубі після жнив вечір, коли вже темно, при світлі керосинової п'ятилінійної лампи в білій мазаній кухні, від колгоспників мною було записано кілька наступних усних оповідей:

РАССКАЗ О 1905 ГОДЕ

крестьянина Саввы Дропача Пятого с. Одицы Остерского района, Черниговщина

Усе село у нас стихійно поділилося на три партії: Червоні були й чорні. Червоні були ми, незаможники: у кого ні землі, ні худоби не було. Ми навчилися співати пісень, здебільшого усе „нагайочку“ співали.

У нас того року бібліотекар був, він нам заборонену літературу привозив, і всі читали. Хто неписьменний, тим читали, і всі слухали — хто розумів, а хто і не розумів. Ми тоді, всі червоні, віри зрелися, до церкви перестали ходити. Своєї у нас не було — до міста були приписані. Аж тут наші багаті почали підписи збирати, щоб у нас в Одицях свою церкву збудувати. Ми всі, як один — не треба нам попа і без нього жили, і жити будемо. Василь Трохимович Орендаренко перший приклад показав — він член партії, мав партійну назву Зуев — тепер у Москві в ДПУ працює — він сина не хрестив. На нього чорні почали наступати, а він свого держиться: „не хочу і кінець“.

Були в селі чорні. Це все куркулі разом з попом із міста та з панським підбрехачем латишем-орендатором. Вони свої збори влаштовували завжди так: приїде піп, почне „благословен бог“, потім проспівують „спаси, господи, люди твоя“, і піп починає навчати дурнів, що бог у писанні наказує, щоб царя шанували. Ми всі, звичайно, те писання самі колись у школі вчили, пам'ятаємо, та тільки тоді в нас зародилася ідея: чи потрібне нам це? Чи не брешуть попи на свою користь? Який там у чорта цар, коли він перед своїм дворцом тисячі беззахисних робітників розстріляв?

Раз якось у нашій організації запальній ми змовилися, що коли чорні зберуться в школі, ми прийдемо на збори і викинемо одну штуку. На-

рочно, ми почали ширити чутку, що ми не проти царя і навіть у релігії за всіма законами віруємо. Поширили цю чутку. Чорні зраділи. Мені розповідали на тім кутку села, у крамаря піп хвалився, що це він своїм піклуванням блудних овець христових знов на праведну путь навернув. І коли прийшла партія нової літератури, піп її з Київ-Печерсткої лаври від Союзу руського народу одержував, то піп після служби в церкві об'явив, що у школі збори з туманними картинами. Ми всі пішли, нас четверо було, кармани повні відозв і метеликів. Ну, прийшли. Піп і вчитель — він тож чорний. Ось він і почав, як Христос сказав, що радість за овечку, яка повернулася, велика буде. Це нас прирівняв до овечок. І потім цілим хором — учитель голос подав — ну співати „спаси, господи, люди твоя“. Ми цього ждали. Паче змовилися, разом почали своє: „Отречемся от старого мира“, а сіли нарочно, позаду у різних кутках. А знаєте, тут заради туманних картин людей зібралось багато, мало чорних, а більше так молодь. Звичайно, всі знали наш робітничий гімн і почали нам допомагати. Чорні свистіти почали. Одні співають, другі свистять. Піп, як рак, почервонів. Бігає, увесь труситься, очки витирає, а робітнича пісня гремить.

Тут ще по змові ми з різних кутків через усю школу почали відозви розкидати, а піп і з ним ще дехто поставали біля ікон у кутку: піп хрестом на всі боки хрестить і молитву читає, а ті співають.

Найшлись хлопці — взяли палками стекла бити почали. У царицинім портреті скло розбили.

Наш товариш тут вихолився на стіл, промову казати про те, що досить терпілі бідні трудящі. Ми вимагаємо припинити війну, вимагаємо, щоб було скликано Установчі Збори для всіх рівні. І багато що говорив. Потім знов почалося заворушення — учитель зібрав своїх, із паличчям прийшли, а ми тоді хто куди, кому палицею попало, кому чим. Мені одна баба в руку вчепилася, до крові укусила. А ми, як були, — на коні та за ворота і просто в ліс. Так у лісу ховалися ми не один день, а потім нас таки забрали і в тюрмі я шість місяців, а інші товариші по року сиділи. А одного Іванчина-оратора вислали до Костромської губернії.

Ось за це нас, червоних, „штундами“ прозвали. Тоді ж і бібліотекаря заарештували. А урядник щотижня приїздив до старости узнавати, який політичний настрій.

Революційна хвиля притихла. Усі боялися. Тільки незабаром 1907 чи 1908 року, коли повернувся з тюрми Михайло Гнатюк, він почав провадити розмови і збирати гроші на організацію Споживчого товариства. Знайшлося сім чоловіка, найактивніших, написали статут і спочатку влада дала дозвіл. А потім наш місцевий крамар підкупив пристава за 25 карбованців, а пристав виказав губернатору, що організатори, оті сім чоловіка, непевний політичний елемент. Іх знову заарештували. І так до 1915 року не було споживчого товариства.

(Записано от крестьянина Антона Пилипчука с. Одинцы Остерского района,
Черниговщина)

Ляоянський бій не забудеш, якщо там побував. Після Ляояну я три місяці в Іркутську лежав у шпиталі. У тім шпиталі ми з товаришем уперше почали замислюватись над політичними справами. Мене тоді у шпиталі за тверезість наприкінці нагородою відзначили, видали мені, oprіч амуніції, ще шапку й чоботи у власність. Такий був у нас хороший там товариш, а не лікар тільки, Первих Сергій Семенович. Він нам і книжки приносив різні, і все пояснював про політичний стан. Тільки раз, я ще і сьогодні пам'ятаю, приходить до шпиталю санітар і каже, що приїде губернаторша нагороджувати нас. Ми думаємо собі, нехай хоч губернаторша, а нам що?

І приїхала перед обідом така собі здоровенна бабище з хлопчиком і з дівчинкою, за ними санітар несе ікон повні коробки, а вона ходить по палатах, сама підходить до нас, а дітям усе по-французьки щось каже. Мені потім Сергій Семенович пояснив, що вона гидувала нас і не веліла дітям підходити до нас, бо забруднити можемо. А чим забруднити? — Ми всі чисті, до лазні водять справно. А сама все до нас: „Ах, салдатики милие!“... І сестри з нею, кожному іконку начіпляє, а нам сестра наказала, щоб їй руки цілували, коли благословить нас. Тьху ти, думаємо ми, хіба вона піп?.. А Сергій Семенович ще й сміявся з нами: „А ну лиш, — каже, — Пилипчук, як генеральші ручку цілувати?“

Ми потім усі сміялися, а я сам собі думав: мабуть у генеральші така должність? Нехай собі чіпляє святих, а нам що?

Тільки коли ми вже назад їхали — мене, зважаючи на мою ногу, тоді у ратники перевели і пустили з білетом до дому — ми чули, що цар у Петербурзі звелів на робітників стріляти. І про це, тільки де зберуться, так і шепочуться — і в вагоні, і на станції. Усі бояться, а шепочуться. Тоді я три дні у Москві побув, на все подивився, як живуть у Москві, і, здалося мені, гірше, ніж у Києві. Потім поїхав і за тиждень був дома.

Дома у нас усе на інакший лад пішло. Як я приїхав, до мене прийшли хлопці. „Ти, Антипе, що в Москві чув, чи буде воля?“ А я їм кажу, що як мені учений чоловік розказував, то коли ми самі не будем вимагати, то і цар і пани нам ніколи волі не дадуть.

Я слухав і дивувався — звідки взялося у наших хлопців таке завзяття! Одинець Василь — він тепер від нашої округи член ВУЦВК'у — агітував проти самодержавної влади. З Полтавщини приїхали до нас два студенти, збиралися з людьми по хатах і агітували „за землю і волю“. Головно, чого навчали, — у графа землю забрати і користуватись нею самим. Це у нашій місцевості було найголовніше.

От, наче тепер, пам'ятаю: сидимо в хаті у Петра Небагатька — його потім на війні у Галичині вбили — і гомонимо. Я про війну розповідаю, як нас цар погнав на війну, а за що ми, наприклад, воюємо, гаразд і не-

знаємо. Годі, кажу, такої справи, не барани ми більше, щоб за панів ми свою кров віддавали, а потім щоб нас губернаторські жінки дощечками нагаждали. А той студент із Полтавщини ще й жару піддає. Пояснювали нам, що непотрібний нам зовсім цар, а потрібна радянська влада, своя, робітничо-селянська.

Усі, хто був, погодилися з нами. Тільки тут з нами сидів паламар наш, Явтух, він, сволочь, за пляшку і себе, і жінку, і дітей чортові продасть, він, мабуть, і побіг тоді до волосного старшини, а волосний старшина злітав на коні за козаками до міста. Тільки нам встигли гукнути, — ми хто куди, хто за клуню, хто в комору — а тут і козаки приїхали. Дивляться, а хата Петрова пуста, тільки його жінка замітає піл.

„Де тут народ?“ — „Не знаю“. — „Та кажи, все одно знайдемо“. — „Та я ж не знаю. Були, та всі геть пішли“. — „А багато було?“ — „Та, либонь, дюжини чотири самих чоловіків“.

Ото дурна здуру сказала. Ми з Петром ховалися саме на печі та й слухаємо. Волосний писар до нас: „Ви чого тут?“ — „Ми нічого тут. Бачте, я до кума прийшов“. А він до нас: „Злізайте!“

Злізли. А що вони з нами зроблять? Нічого — при нас жодного метелика не було. Усе прибрали, а студента Мишу з проклямаціями заховали в клуні у баби Нечипоренкової — баба живе одинока, убога, сама не знала, що у неї гість, а на неї староста і паламар Явтух і не подумали. Миша там три дні сидів. До нього наші хлопці бігали — хто коржиків, хто ще сиру понесе.

Потім уже почали збори влаштовувати не по хатах, а в лісу, або в яру. Увечері після роботи, як повечеряємо, — усі було в яр. Багаття запалимо і почнемо говорити. Миша, або ще другий, привезуть з собою проклямації і всім нам роздадуть. Уже ніч було, півні співають, а ми все сидимо та гомонимо між собою. І все про одно — як вільніше, з царем чи без царя? І, звісно, всі, хто не за багатих, той і проти царя. Василь Одинець навчив нас і пісні співати. Про „нагаечку“. Я її тоді у Москві так само чув, у хлопців на станції переписували один в одного, і там ми її всі розучили і співали.

У нас тоді добра організація налагодилася. Дружно вся голота до неї пристала, а незабаром було призначено вибори до Державної Думи. Ми тоді всіх своїх кандидатів провели, а найперше Василя Одинця. Списки надіслали до міста. Але в земстві, звичайно, самі буржуазні засідателі сиділи і наших кандидатів усіх там провалили. Коли вибори відбулися, то зараз же до нас справник з козаками приїхав. Оточив увесь наш край — його тоді за червоний вважали, ми всі дружно жили і проти зарічних куркулів та попових родичів ішли. Діялося це серед ночі, зима була, у кожную хату по козакові озброєному і за списком викликати почали. „Ти Нечипоренко?“ — „Я“. — „Ходім“. Дружина голосить, діти повставали, плачуть. Нічого. Ведуть просто до Небагатька Петра в хату і всіх туди

позводили. Привели й мене. Бачу, аж там уже сидять: Одинець Василь, Лука Шевченко і сам Петро. Руки й ноги мотузками поскручені. А справник — щоб йому й тепер чорти до віку стругали, — Маклієнко був такий, бугай, сидить. Петрова жінка до нього в ноги: „Пане, не чіпай Петра! Пане, ми ж не злодії! Нічого не крали“. Дурна, не розуміла, що можуть і не злодія забрати. А він її тільки ногою: „Тікай“, каже. А ті пов'язані стоять і два стражники їх вартують із голими шаблями. Мене привели. „Ти, Антип Пилипчук?“ — „Ну, я. Так ти ж мене, пане, знаєш, на великдень зі мною горілку пив у Зінька“. А Зінько був у передмісті на Юзькій Греблі у мене кум. „Ах ти, сучий син, — каже, — ти, туди твою матір, навчав хлопців проти царя?“

„Ти, пане, не турбайся, — сказав я, — ти послухай, я не проти царя, а проти царських чиновників“.

Та вже там у снігах парився Хлопун, то й мене разом з ним вербою відчухрала до крові і на сніг кинули. Тут, хоч козаки всіх проганяли, люди прибігли до хати — темна ніч, а я бачу там, ще лежить Максим Зубатий, там Тодос Ривкин і ще був у нас крамар — жид Самойло Лашук. А той дяк Явтух усе ходить п'яний та глумиться: „От били жида, Юду проклятого, і ногою його, і в спину, і в обличчя“. А Самойло обличчям у сніг зарився, лежить і тільки плаче. Тут баби збіглися, плачуть, голосять. Потім бачимо, як нас повели: Одинця, Петра і Луку Шевченка — усіх до Остра їх потім вислали.

На другий день уранці, тільки-що повставали, біжить до нас хлопець один і каже: „Дядьку Антипе, ви не бачили, що Явтух повісився“. „Де?“ — „А там у церкві під дзвоном“. — „Ого, щоб його розірвало!“ Ну, а сам думаю: „Юда — і помер по-юдиному“.

Йти туди боїмося і хлопцям своїм наказали, щоб дома сиділи. Потім уже опівдні прийшли жінки і розказали, що до нього п'яного прийшло троє чортів і повели з собою до церкви, а там його головою у петлю встромили та й пустили. А він, наче б п'яний, так і повис.

Тепер то можна сказати, що не чорти то були, а три парубки наші, члени революційної громади, і так вони то учинили, що й досі не знаємо, хто такі ті сміливці були. Його за зраду було покарано.

І знов на ніч до нас — справник і козаки. Тільки ми всі уже знали, що буде, і з півдня чоловка сорок усі в ліс, там у лісу і ніч ночували, а потім звідти в Козелець і на Київ. Так що більше не били, а у нас у селі і дідів і тих били, хто залишився. А того Самойла у острог забрали, хату його спалили з усім його барахлом. І де він подівся — не знаємо. Казали, буцім його розстріляли. Такий тихий був жид, горілки не пив, не палив, ну просто не жид, а дівчина сором'язлива. Я тільки через вісім тижнів додому приїхав на весну, коли все затихло; але й тоді у нас наглядач жив, і всі боялися. Як тільки вечір, з роботи повертаємось і всяк до себе в хату, і світло світити боїться. І всі кажуть, що неписьменні, і читати не вміють. Так було цілий рік.

РАССКАЗ О 1905 ГОДЕ

(Записано от Председателя Сельрады с. Одинцы Остерского района на Черниговщине
Г. Дробязко)

У нас становище було таке: хто куркуль — у того і худоба, і земля, і хутір, і садки кращі. А хто бідняк — у того сама хата, землі немає, худоби немає і яблуні не посадиш — ніде.

1906 року ще зовсім малим хлопцем був. Мій брат Іван — його зарубали козаки під містом — тоді до партії пристав і у нас на селі усім рухом керував. Він учився в Києві, туди їздив і звідти багато різних книжок привозив.

Пам'ятаю я, як вечір зимою, так у нас у хаті збирається все село аж тісно. Усі слухають, а він читає та пояснює, що настав час, коли з хуторами боротися треба і за Установчі збори голосувати треба. Я не розумів тоді, що це таке Установчі збори. А Іван мені все пояснив, і я затамив та почав теж читати його книжки. Тільки наша мати все ті книжки від мене забирала, бо там було і проти бога написано. Про Івана вона казала, що він все одно пропадає душа, а мою душу треба охоронити. Ну, звісно, вона темна, не розуміла. Адаже таких темних і тепер ще порахувати, так багато-багато по селах є, а надто жінок. А тоді всі до попа ходили, а піп у них усе випитував на сповіді і приставу виказував усе, що робиться і хто що каже.

Ціле життя я ті ночі й вечори помню, як Іван читав і пояснював, а ми співали. І от, після його, та ще інших агітацій, наша сільська громада постановила відібрати землю у місцевих куркулів-хуторян і поділити рівно. Ще наша громада постановила і поміщицьку землю забрати. Ті, звичайно, про це виказали, а управитель сусіднього поміщика виказав, хто головні агітатори були. Приїхав до нас справник і 18 чоловіка козаків. Справник із гусарів був, такий красивий поляк. Як приїхали, забрали всю літературу, заарештували селянина Бажатку, у якого вона була захована.

Коли приїхали козаки, дядьки всі були на полі. Як узнали, то всі поприбігали і пруться у двері. Справник заявив: „Зараз сікти будемо. Починайте, хлопці, із дідів!“.

Дядьки захвилювалися. А становий, хоч був і гусаром, а боязкий. Він злякався та й каже: „Коли старших (і показує на куркулів) не будете слухать, молоді дурні, село знищу і всіх вас до одного“.

А ззаду від дверей, хто сміливіший, гукнули: „харциз“, „барбос“.

А ті, хто на вулиці стояв, раптом як грякнуть: „Отречемся от старого мира“.

Ну, тут і пішла тоді баталія. Усіх сікли підряд, і дідів і бабів. Я тоді з братом Іваном устиг утекти просто за річку в кущі і там залишилися. І, пам'ятаю я, цілу ніч потім слухали, як шомполами та нагаями лупцювали, у селі стояв стогін, мов виття собаче.

Рано вранці я повернувся в село, буцім із кіньми. Пішов до однієї хати, до другої, від брата дав знати, щоб до нього збиралися в ліс за

річку. Мене козаки чомусь почали пильнувати, піймали, побили і посадили під замок. Я до вечора сидів, потім попросився начебто надвір, а сам через вікно та тікати, і знов до брата в ліс.

А там уже з різних сел голота почала збиратися, чоловіка по над 50 з рушницями та шаблюками і салдати, що з Манджурії повернулися. Уночі постановили не здаватися, а йти на місто визволити тюрму, де політичні сиділи. До ранку ще із Семиполківської волости надійшли, ми всі й рушили.

Ще темно було. Та на нас виказали. Тільки на поле вийшли, як позаду козаки і—пальба. Наші теж палити почали, чоловіка 12 козаків поклали. Наші з-за кущів стріляють і наших побили чимало.

Мені брат велить додому тікати, уб'ють, каже, а я йому кажу: „ні, не піду“. Тільки він це мені сказав, саме два козаки на конях на нас налетіли. Іван одного з рушниці звалив, той упав, а другий шаблюкою його ззаду. Він упав. Мене нагаєм ударив, я теж упав непритомний. Потім, коли я до пам'яті прийшов, бачу там уже кінець поля козаки б'ються і женуть ще наших. А Іван лежить тут недалеко і стогне. Я поповз до нього, а він так тихо-тихо говорить: „Грицьку, прощай, брате! Ой, болить мені“. Я йому з калюжі водою рану помочив, що в нього за вухом була, мов червоний шлях, і сам увесь у крові. „Іванько, Івасю, та ти що! Нічого, ходім захираємось!“ ... „Ні, уже пізно, — сказав він. — Ой, козаки, Грицьку, за волю нашу і вмирати гарно“. Як це сказав, так увесь пополотнів, витягся і, мабуть, помер. Я його почав трясти: „Івасю, Івасику, прокинься!“ Ні, мій Івась не чує. Я почав плакати, а він мертвий. Ми з товаришем його так під явором і поховали там, на полі, вночі. А сами потім жили у лісу. Коли я додому ходив, то з товаришем, він старцем одягнеться, а я поводитим. Так і прийдемо. І потім не жили дома ще довго, поки все не затихло.

Коли радянська влада запанувала, так тут у місті на честь брата школу назвали.

Очень живым и интересным — как по тематике, так и по художественной значимости — представляется нам нижепомещаемый рассказ крестьянина А. Мороза из деревни Карпиловка того же Остерского района.

В рассказе, относящемся к 1912—1913 гг., живо ощущаются феодально-крепостнические традиции, которые до самой революции продолжали существовать на Черниговщине.

РАССКАЗ КРЕСТЬЯНИНА А. МОРОЗА

(с. Карпиловка Остерского района, Черниговщина)

У нас у селі була школа і в тій школі нас усіх учили всяких наук а головне навчали священої історії. І вчив нас диякон, а йому допомагала дочка нашого пана Катерина Іллічна. Пам'ятаю, з дитячих років нам

показували ліхтарем картинки і на тих картинках було ось що: імператор Олександр Миколайович з дружиною і дітьми по Росії їдуть і всім, і кожному по дорозі допомагають — усім бідним, хорим і сліпим.

Та справа була не в тім — диякон наш Панас він завжди, а надто, коли вип'є чарку, тоді починає все розповідати, що в усім винні жида, тобто євреї, і що вони Христа вбили, і що вони й царя Олександра вбили, і що вони проти всіх божих і людських порядків. Раз так учив, то й вірити ми мусили. Ну, а як не повіриш людині письменній? А надто священикові. Усі вірили.

Тоді, я ще зовсім малий був, у нас у селі на Спаса був ярмарок великий. Як служба у церкві відправиться, — а тоді саме приїздив з Чернігова архієрей, — то всі пани з нашим паном кіньми в кабріолетках повз усе село вигоном до річки, де ярмарок стояв, — і їдуть. А там усі хлопці, дівчата, усі дядьки вже зберуться і сидять. Коли під'їдуть, вийде із кабріолетки сам граф с графінею, піп з дияконом у ризи вберуться і посеред ярмарку молебень співають та ходять з водою свяченою в кожную полатку, а їм — попові з дияконом — за те із кожної полатки дарують. Іде паламар з кошиком. Той дає ситцю, той полотно, а хто погано торгує, той макітру чи горщик — нічим не гребували. Ще було й горіхів і коржиків давали, а попад'ї ситцю на сукню. А граф з панами сидить у кабріолетці, музику слухає. Дівчата ходять, співають, танцюють, парубки на баяні чи на скрипці грають, а граф їх усіх на фотографії здіймає.

А ще ось що, може вам цікаве. Приїздили щороку на той час до нашого села сліпці із Сосницького повіту. Вони сядуть на піску під соснами і на лірах грають. Багато тоді їхньою старовиною цікавилось, а іншим навіть вона, та старовина, подобалася і в пам'ять западала. Діди співали про Богдана Хмельницького, про гетьмана Дорошенка, та про Саур-могилу. Я тоді навіть деякі з тих дум запам'ятав і записав.

У пана графа і пані графині гості з дітьми тут бували. Сиділи всі на кабріолетках і фаетонах, зонтиками закривалися від сонця. Зонтики тоді і в наших селянок у звичай так само почали входити. Хто багатший і значніший, той зараз собі зонтику, і з зонтиком у свято іде, мов панна. Наші дядьки глузували з них: „Дивіться, наша Ганна, наче панянка графівна яка стала, теж з зонтиком ходить“. Зонтики почали на ярмарок євреї із Києва привозити. А під один ярмарок, ось послухай що було, розскажу я тобі і ти запам'ятай усе, як є, по порядку.

Того року у Києві був суд і суд той був відомий, на цілу Росію прогремів. То була справа Бейліса. Звичайно тепер то ясно і точно, що то було. Мабуть, і тоді всім ясно було, та тоді про те нікому в голос не скажи. Коли ти не знаєш, то я скажу. Державі, імператору, панам, усім предводителям і суддям звичайно треба було євреїв перед народом зашельмувати, він і вигадав, хитро обробили справу. Буцім то євреї є такі хитрі, вороги християнам і ауцім вони таємно п'ють кров православному. Знайшли одного нещасного — жертву Бейліса, київського єврея-бідняка

і обвинили його, що ніби він у маленького хлопчика кров спустив і випив. І з приводу цієї справи отакий суд учинили. А після суду, хоч і не пощастило його засудити — він виправдався всеж-таки — після суду що більше все селянство почали наvertати, щоб євреїв нікуди не допускати. І в школі навіть нас того року вчителька все проти євреїв навчала.

Так от і на ярмарку у нас був єврей-музикант, на скрипочці награвав. Його Адиком звали. Так усі й гукають йому: „Адику, Адику“, — по-нашому прізвище, а по-їхньому ймення. Ми, хлопці, його дуже любили. Він на всі багаті весілля до нашого села приходив, а жив у місті, та більше мандрував. Такий страшний, чорний і маленький увесь був. Він тоді на ярмарку грав. Теж дуже п'яний. Він грав, хлопці та дівчата танцювали і йому хто п'ятак, а хто й копійку дасть. Ну, а граф і писар ходили, та і побачили його. Граф покликав урядника та свого оконома і під'їхав до того кутка, де Адик на скрипці грає. Тросткою своєю, з гадюкою вона була, він на Адика вказує, а сам каже: „Ви чого ото дивитесь на хлопця? Адже це жид, христопродавець, свої пісні чортівські, бісів виродок, тут грає, а ви, чортули, вуха поразвішували та слухаете. Гнати його, Юду, треба“. І сам кулаком стукає, червоний увесь зробився, так стукає, що вся кабриолетка трясеться. „Я напишу про вас просто до преосвященного і до губернатора, князя Куракіна, він мені приятель!“ „А колись було як?“ „Раз пан що сказав, так і робити треба“. А тут ще до них трое наших хуторян, куркулі, підійшли, теж п'яні. І давай горланити:

„Правильно, ваше сиятельство, кажете. Гони, бий жиду!..“

І на Адика того всі наступили. Хлопці, дівчата всі розбіглися. А він тоді сам залишився. Скрипку свою тримає, стоїть перед клунею, плаче, увесь труситься. „Та пане добродію, не треба, я ж не буду, пустіть, я ж так само в Ісуса Христа вірую“, — і христився, і кланявся в землю, а потім утекти хотів. „Візьміть усе, гроші всі заберіть, та не бийте мене, я більше не буду“.

А ті хуторяни п'яні з усіх боків його оступили. А пан граф з урядником стоять у фаєтоні, сміються. Біжить оконом панський і велить: „Ну, морда жидівська, становись!“ і р-раз, і два, йому по щоках. Збив його з ніг, а тут і хуторяни його теж: „Ось тобі за Христа“, — і р-раз його по спині, і палицею, і ремінякою, і ще, й ще... Скрипку взяли та скрипкою його і по спині, і по голові, і по руках. „Оце тобі за Христа, оце тобі за пісні, оце тобі за нашу кров християнську“. А він лежить і тільки плаче. Потім усі пішли, а він все лежить. Так і залишився лежати, а підійти до нього всяк боїться. Нікого у нього немає рідного. Потім уже вночі одна бабуся його пожаліла і відвела додому. А потім уже, як він плакав, та все за своєю скрипкою.

Приводимый далее рассказ представляет собой очень интересный пример устного былевого повествования, которое в стилевом отношении смыкается с фольклорным жанром реалистической сказки былички.

„СКАЗ ПРО ЦАРЯ НИКОЛУ И ХАРИЦУ САШКУ“, записаний от колхозника с. Борки Михайла Гудзь, имеет в своей основе два исторических факта. В нем нашло своеобразное преломление в фантастическом пересказе событие „Кровавого Воскресенья“ (расстрел рабочих в Петербурге 9 января 1905 г.). Кроме того, в этом же сказе нашло отражение и местное событие, заключающееся в имевшем место проезде в 1906 г. через с. Борки черниговского губернатора, к которому крестьяне с. Борки обратились с просьбой об увеличении им земельных наделов. Крестьяне, пришедшие с этой просьбой, были разогнаны по приказу губернатора сопровождавшими его стражниками.¹

Рассказ „Про царя Миколу“ является примером контаминации исторических событий, претворенных в поэтическую форму. По отзывам местных жителей, этот сказ является излюбленным развлечением крестьянской аудитории и Михайлу Гудзю часто заставляют его рассказывать.

„Жив був у Росії цар Миколка. Була у нього жінка Сашка і не було у нього сина. Скільки Миколаша і Саша не старалися, а що рік, то в їхньому господарстві — бичок у корови, жеребчик у кобилки, а у Саші дочка за дочкою. Так півдюжини дочок народили. Миколаша й думає: що дочки? Толку з них ніякого, тільки заміж віддавати. Мабуть і царів та королів на світі не вистачить, а віддавати своїх дочок по закону йому було велено тільки за царів та королів. І приданого треба готувати, не наготуєшся, — так ще доведеться цілу Росію-неньку за дочок у придано віддати. Сина треба! А то кому корону після себе надінеш?

До речі, Миколка від хлопів уже лисіти почав, а сина все нема та й нема.

От він і порішив: поїду з Сашкою разом на прощу. Узяли та й поїхали до Київa до Печерських святих. Узяли з собою 40 урядників і кожний урядник по два пістолі начепив. Бо люди у нас лихі та голодні. Ну, що як пограбують на великім шляху?

Повезли ще ченцям до Київa подарунки, щоб пильніше за Миколашу з Сашою молилися. Головному архимандриту бочку коньяку для причастя, а всій братії по пляшечці з золотою голівкою.

І ось потяг той рушив у путь. Ну, їхали, їхали, доїхали до міста. Ну, хоч, наприклад, до нашого міста Остра. Уже вечоріло. Сашка стомилася та й каже: „Давай відпочинемо“. А Миколаша з Сашчиними покоївками гуляв п'яний. „Гаразд, каже, давай“. Гукає головному урядникові: „Стій“. Зупинилися. Біля самісінького нашого села. Розставили палатки, поставили варту. Сашка сидить гроші лічить, а Миколаша з Сашчиними покоївками п'є та гуляє, аж дим стовпом устає. До подарунків уже добираються.

Посилає Миколаша свого козака до нас у село по горілку. „Ти піди і скажи там земському начальнику що ми, божою милостю, Миколай II,

¹ Подлинность этого события подтверждается архивными документами, хранящимися в Чернигове в Истпарте, а также и рассказами очевидцев.

імператор всеросійський, ми їдемо на прощу до Печерських святих і хочемо у вас горілки дістати“. „Слухаю, ваша імператорська величність“.

Приходить козак до нас у село, і саме вчасно прийшов — у нас у селі саме мітинг зібрався. Приїхали з Порт-Артуру три хлопці з війни, кричать і всім пояснюють, що геть війну, не треба нам царя та панів, а давай землю і волю. Козак стоїть, слухає, а наші дядьки розкричалися: „геть панів“, „підемо заберемо собі панські землі, поділимо на їдців і будемо користуватися, а в місті проголосимо республіку!..“ А один ще сміливіший у нас був, селянин Павло, так той і гукає, що й царя нам не треба, нехай здохне разом з своєю Сашкою. А дядьки кажуть: „Ні, цар Миколашка свій брат, ми з ним помиримось і разом панів проженемо, а землю він нам віддасть“.

Козак із земським бачать — справа погана, пошепотіли між собою та й кажуть: „Ось що: його імператорська величність тут за городами разом з 40-ма урядниками стоїть, проїздом на прощу до Печерських чудотворців, ходімте до нього, подасте йому прохання, і він зараз вам усім землю віддасть і волю на додачу“. Дядьки й думають: „Ну, цар Миколашка свій брат, він не обдурить“.

Покликали попа, вдарили в дзвони. Піп ризу надів що найкращу, із червоного шовку і з хресним ходом пішли.

А діялось це проти ночі. Цар Миколашка з покоївками нагулявся і прийшов до Сашки. Тільки-но спати ліг до неї під ліжник та тішитись. Звелів уряднику себе розбудити, коли козак ще вина принесе: „не допив я ще, мовляв, порції свое ще не добрав“. А пив він, як дідько, багато.

Вот чує здалеку люди йдуть. Він перелякався, велить: „урядники, козаки, рятуйте! Йдуть мене з престолу скидати“. З постелі схопився, звелів своїм 40 урядникам із двох пістолей кожному враз на народ стріляти.

Вони як стали, як націлились, коли люди беззахисні наблизилась, вони раз-раз, хто одного, хто двох, а хто трьох разом положили. А сам цар, як був без штанів, ухопив Сашку за сорочку та бігцем через городи на шлях, київським шляхом просто до себе до Петербургу побіг і про прощу забув, і про подарунки отцу архимандриту так само забув, усе розгубив.

А наші почали побитих лічити і їх понад сто чоловіка виявилось.

Ось який бій учинився. І відтоді наші дядьки перестали в царя вірити.

Ця чутка про розстріл по вій Росії пішла і люди від того разу зятамили, що то є цар і що в сто разів краще без царя обходитися.

Тут з тієї ночі Сашка завагітніла, тільки не сина Миколашке породила, а на ганьбу дитину хлопчика безрукого, безокого і безногого — усе з переполоху вийшло. А народ увесь, як почув про те, що цар Миколашка людей розстріляв, так потім на сходах усі постановили прогнати Миколашку з Сашкою і настановити владу робітничо-селянську“.

II

Переходим тепер к тому фольклорному матеріалу, який непосредственно характеризує послеоктябрське п'ятнадцятиліття.

Здесь следует отметить значительное количество переделок старых украинских песен, в которых сохраняется прежний мотив, и к нему механически присоединяется новое словесное содержание, отвечающее запросам современности.

Таковы песни: „Шли полки червоної“, которая поется на мотив „Копав, копав криниченьку“.

ШЛИ ПОЛКИ ЧЕРВОЇ...

Ой, ішли полки червої

Та й через село...

Ой, як тоді на серденьку

Весело було.

Ой, був, був

Козаченько,

Пішов бить воріженьків,

Пішов бить воріженьків,

Дівчину забув.

Покохала щирим серцем,

Душу віддала,

А восени козацького

Сина привела...

Ой, що ж, що ж

Тепер буде,

Як батько не прибуде,

Як батько не прибуде,

Ой що ж тоді, що ж?...

Прийшла чутка-листівочка,

Що батько живий —

Хоробро десь рубається

Козак молодий.

За край, край

Свій радянський

Б'ється з лютим панством,

Б'ється з лютим панством —

За радянський край.

Стало легше на серденьку,

Крила відросли,

Ждали з сином коханого

Та й добре жили.

Ой, де ж, де ж
Ти літаєш,
Щодня чи згадаєш —
Як у бій ідеш?

Пройшла зима, пройшла люта,
Настала весна...
Живе влада радянська,
Скінчилась війна.

Ой день, день
Пролітає,
Другий наступає,
Другий наступає —
А козак не йде...

Уже ж полки червоної
Волю здобули
Та й в Радянську Україну
Із війни прийшли

Ой рік, рік
Ще минувся
Козак не вернувся,
Козак не вернувся
У бою поліг...

Песня „Ой, по конях“ поється на популярний мотив тоже старої
песни „Засвистали козаченьки“.

ОЙ, ПО КОНЯХ

Ой, по конях сіли хлопці
Волю здобувати,
Посмутились сіві батьки
І любі дівчата...

Гримлять громи, гримлять громи
У степу журному...
Ой, не всі ж ви повернетесь
Із бою додому.

Не один та й у дорозі
Коник іспіткнеться,
Не один з вас, соколята,
Кров'ю обіллеться.

Ой, годі вам сумувати,
Годі вам плакати,
Усміхнеться — легше буде
По степах літати.

Вие буря, вие сива,
Ліси нагинає...

Гей, гей.

Іде військо казацькеє,
Степами співає.
Отамани на кониках,
За ними червонці.

Гей, гей.

Охристили степи вільні
Козаки молодці.
Ріжуть степи воронії,
На кониках грають...

Гей, гей.

Ляшки-панки оглянуться
Та швидше тикають.
Наганяли, гей, козаки
Панів аж на Сяні.

Гей, гей

Частували, не вернуться
Пани препогані.
Не журіться. Ми поборем
Панство оте сите
І повернемось додому
Волею сповіті...

А загинемо — вітри хай
Повіють степами,
Та й розкажуть, як ми славно
У борні вмирали.¹

Обе эти песни принесены в колхоз красноармейцами. Автор новых текстов мне неизвестен, но эти песни с незначительными вариациями есть в красноармейском песеннике (издание ДВОУ).

Интересна переделка известного „Шумел, горел пожар Московский“, где место Наполеона занял Деникин.²

Записано от колхозника, бывшего красного партизана, в с. Одишцы. Пел он ее по-русски.

¹ Эта песня в несколько измененном виде напечатана в песеннике „Пісні Червоної Армії“, ДВОУ, 1931.

² Несколько иной вариант этой песни с Деникиным опубликован в сборнике „Песни Донбасса“. Кроме того, переделка этой же песни с заменой Наполеона Колчаком записана мною на Урале в 1931 г. Там она начинается так: „Колчак, презренный царь Сибири, хотел Россией завладеть“.

Козачий генерал Деникин
 Хотел Украиной владеть
 Зібрал полки из офицеров
 Пошел Советы покорять.
 Подлец до Киева добрался
 С козацкой сворой на конях
 Он шел, на панов опирался
 И хлеб топтал в своих ногах.
 Стрелял селян он без пощады,
 Рабочих в тюрьмы он сажал
 И все буржуи были рады,
 Что он Советы разгонял.
 Но наш рабочий класс великий
 Узнал про темные дела,
 Винтовку взял он вместо пики,
 И кровь козачья потекла.
 — Зачем я шел к тебе Украина,
 Кубань и Дон держав в руках?
 Знать суждена моя могила
 В твоих раздолыстных степях.
 Сказал и дал приказ казакам,
 Скорей как можно отступить,
 Связал награбленное платье
 И стал с Украины убегать.

На место новогодней обрядовой песни „щедрівки“ в колхозе с. Борки записана „Червона щедрівка“,¹ призванная заменить традиционный жанр.

Ой над Дніпром, на Лиманом
 Припев: Щедрий вечір, добрий вечір
 Нова влада вставала (припев)
 На бідноту покликкала „
 Йдемо ворога рубати „
 Усіх бідних визволяти „
 Сонце глядає у віконце „
 Наша радість нечувана „
 Що у нас немає пана „
 Небо з нами звеселилось „
 Всі на селі дуже раді „
 Що у нас панують ради „

¹ Получила распространение из письменного источника, см. „Ой над Дніпром“ в нотном сборнике „Червоний юнак“, изд. Книгоспілка, музыка Богуславского, слова Г. Епика.

Ета переделка традиционного жанра — книжного происхождения; правда, если сравнить ее с тем вариантом, который имеется в напечатанном виде, то записанный нами текст упрощен и несколько видоизменен. „Червоні щедрівки“ распространяются через школы. Приводимый пример записан от двух школьников.

На Украине до сих пор живы воспоминания недалеких еще лет гражданской войны, когда Украина была плацдармом, где происходила ожесточенная борьба Красной Армии с белогвардейцами, интервентами и бандитами. Живость этих героических воспоминаний и то непосредственное участие, которое принимали в борьбе украинские бедняки и середняки, в большинстве своем выступавшие вместе с Красной Армией, приводят к тому, что песни эпохи гражданской войны и теперь еще очень популярны в украинских колхозах.

Примером этого является устный рассказ о войне с белополяками.

РАССКАЗ О ВОЙНЕ С БЕЛОПОЛЯКАМИ В 1920 ГОДУ

(Записан в совхозе Лелев Чернобыльского района на Киевщине от рабочего Совхоза
Николая Гуленко — члена ВКП(б))

„Наше місто глухе, культури тут і раніше зовсім мало було. Я змалку тут живу і пам'ятаю все, як на долоні, можу всю історію розповісти з перших років революції. Були тут білі, гетьман, так само Петлюра, але найбільше в пам'ятки далися білополяки. Від них ми найбільше зазнали лиха та смутку.

Після білих у панській садибі школу влаштували. А потім незабаром знов війна почалася з білополяками.

Спочатку тільки чутки були, що поляки йдуть, чути було, як гримали гармати десь далеко на Овруч, на Мозир, туди по Прип'яти вгору. Та одного дня рано вранці до нашого Лелева приплив пароплав з гори і на пароплаві польське військо — два пароплави до Чорнобиля припливало, а один у Лелеві причалив.

Хто боявся, той заховався, а хто сміливіший, то ті всі вийшли на берег і дивляться.

Були тут у нас куркулі, так ті зараз таки повибігали на берег і чекають. Бачимо на берег висідає польський батальон салдат з офіцером на чолі і разом з ними знайома особа — панський оконом, якого від нас прогнали, коли заступила радянська влада урядувати. Оконом з куркулями цілується, дохто з куркулів з радощів плаче, а польський офіцер тут таки усім, хто на березі був, розказує нашою українською мовою і пояснює, що ця земля ще з історії польська земля і що тепер польське військо прийшло до свого рідного міста, що Чорнобиль кілька віків був польським містом і що його тільки москалі силою забрали. Офіцер ще казав, що поляки — брати українським селянам, що у нас тепер буде республіка і що нам тільки треба всім боротися разом проти жидів і більшовиків.

Ми тоді на горі сиділи і я чую, як дядько Панас питає мого батька — небіжчика: „Яка ж це республіка, коли панський оконом приїхав? Адже коли республіка, то проти панів буде!“

Ну, тільки він це сказав, а тут уже офіцер говорить кінчив і туди ж на місток вийшов сам панський оконом — Василь Терентевич Бобошко, і теж почав казати нам, що ми всі, як були, так і будемо вільні громадяни, що українська республіка вступила в союз з Польщею, що Польща — сестра Україні і що вся Україна тепер Польщі, та польській армії в ноги вклониться, бо вона прогнала і жидів і комуністів.

А про землю він сказав так, що має від його вельможности графа, свого пана, наказ, що граф тим громадянам, котрі не йтимуть проти нової влади, згоден землю продати в розстрочку.

Як тільки він це казав, тут я усе й зрозумів, що то за справа: що то все буржуазні слова, що нам, значить, треба не з ними, а з радами йти проти них, і що землю треба тримати й не віддавати. А ми тільки но зідхнули цілою громадою: перший рік після війни засіяли панські лани, зняли з панських земель покоси, а то раніше у нас була земля — самі піски та болота.

А оконом, Василь Терентевич, я чув це, кричить: „Віват польська армія! Хай живе союз Української Народної Республіки з великою Польщею!“ І йому у відповідь польський загін та ще дехто з куркулів кричать „віват“, а інші більше мовчать. Може одні так само, як і я, зрозуміли, ну, а інші, несміливі, боялися.

Ми потім пішли по хатах, а загін і офіцер, разом з окономом, зараз таки до панської садиби пішли — там порвали усі радянські картини, шкільні парти паламали — і всі там ночувати розташувалися. А ввечері прийшов наказ із Чорнобилю, що польський офіцер призначається на коменданта Лелева, а його помічником Василь Терентевич Бобошко. І того ж таки вечора, тільки ми повечеряли, бачили по селу пройшов польський кавалерійський загін і зупинився біля кооперативу, посеред села.

Батько нам нікому не велів з хати виходити. Ми сидимо і ждемо, що буде. Бачили тільки, що поляки повели чоловіка з десять з зав'язаними очима просто на гору до берега і там потім чули стрілянину — це розстріляли червоних вояків та трьох євреїв з Чорнобилю. Іх вони піймали, коли ті тікали від поляків до Дніпра.

Аж уночі вже до нас прийшли з польського загону і принесли наказ від Василя Терентевича, щоб кожне господарство давало норму покорму коням, по два пуди борошна та ще молочних продуктів і крупів по пуду. Прийшли озброєні. Батько звелів мені з матір'ю йти до клуні та в комору. Пішли, відсипали, віддали.

Думали — тепер відчепиться. Аж ось на другий чи на третій день знов під розписку із Чорнобиля наказ: здати за нормою знов і м'яса, і хліба, і фуражу. Знову здали.

А польський загін тут уже партизанів почав шукати. Полякам повідомили, що у нас у селі ховається партія червоних. Це куркулі донесли Василю Терентовичу, щоб грабувати зручніше. Приходили до кожної хати, всюди трусили і все, що було, забирали. Ну, просто сказати, грабували.

Ми всі в ті часи так і жили: як день, встанеш уранці, так якийсь новий наказ, щось віддавати треба. Скоро ще прийшов наказ від пана — стягти з селян гроші за користування землею, за два роки по 450 карбованців з десятини. А хто не сплатить, тих під арешт. Люди в той час уже стали такі, що дехто сплатити не міг — поруйновані. Тих почали сажати під арешт, у панську конюшню, і примушували по 18 годин на добу копати шанці. А гнали шанці копати під вартою, за 20, за 30 верстов і майже без харчів, тільки хто що з собою візьме з дому.

Отак нас грабували більш, як два місяці, і наші селяни нишком поміж себе уже без розбору почали гомоніти, що це не влада народньої республіки, а гірша за царську. Надто всіх обурювало й те, що польський загін до наших жінок чіплявся і жовніри силоміць дівчат заганяли спати до панської садиби. Пішли у нас балачки про те, що так жити не можна. Нишком між собою, але гомоніли, що скоро ми всі повстанемо проти білополяків.

Старосільські селяни приходили до нас змовлятися, вони ще гірше потерпіли, у них трьох партизан знайшли і за те їх покарали — спалили п'ять господарств і з збіжжям і з пашнею. Ну, значить, п'ять сімейств старцями пустили.

Одного вечера ми сиділи отут. Уже споночіло. Раптом чуємо — у віконце тихенько хтось стук-стук. Я подивися, наче нікого немає. А потім знов. Я вийшов знов і тільки чую, що в панській садибі музика грає, білополяки бенкет справляють. Раптом з темряви мене хтось вхопив за руку. Бачу це наш тут один — Колішук Гнат, що з червоними втік. „Здоров, Миколо!“ „Ти звідки?“ „А в мене до вас завдання від нашої частини: зараз іде наступ Червоної Армії на Київ, так отут ви повинні zorganizувати свій загін, щоб допомогти нам білополяків вибити.

Я з ним пішов до клуні, там він у мене і ночував і мені всі інструкції передав. Тоді ми почали обережно організовуватися. У чоловіка моєї сестри влаштували склад зброї і щось вроді штабу. Зорганізувалися, і коли червоні погнали поляків, ми їм теж на допомогу стали.

Перебили тих бандитів чимало, а того Василя Бобошка у нас два чоловіки своїми руками на дубі повісили за його бандитські діла. Поляки геть пішли і тоді радянська влада укріпилася.

Ще довго тут були всякі непорядки. Тільки минулого року, коли організували радгосп, тоді побачили ми, що таке наука й техніка. Були такі, що трактора вперше побачили у нас, так тричі плючали. Дівчат з трактористами знатись перестали. Тільки тепер начебто всі звикли, коли зробився радгосп зразковим. Коли люпинізацію почали запроваджувати, так стало так, що заробили премію на виставці у Києві.

І тепер наш радгосп зробився велетнем, 25 тисяч га, перший на цілий район та, мабуть, на всю Київщину. Такого що зразкового радгоспу, як наш, не знайти.“

Епоху гражданської війни відображає ряд песен, записаних в с. Борки. Приводим деякі з них:

ДОНЕЦЬКИЙ ПОЛК

Гучно пісня в поле летіє —
То Донецький полк іде;
свої славні перемоги
на знаменах він несе.

Заплатити за образи,
За нужду, за кров, за гніт
всі із чорних шахт Донбасу
дружно вийшли ми на світ.

Знають білі кровососи,
хто такий Донецький полк,
і поляків білих згряя
пам'ятає наш урок.

І бандитам всім відома
слава нашого полка, —
пан Петлюра не забуде,
що таке 132.

Всі шануємо наш прапор,
бережем його всякчас.
Наш прапор, залитий кров'ю,
не одбить нікому в нас.

Хай же знають білопани,
білі ворога полки,
що завжди готові бити
їх — Донецькії полки.

ЗНАЙ — БОГУНІЯ ІДЕ

Де трава схилила низько
на степах лице руде,
там, де тиша, мов на бурю,
знай — Богунія іде.

В даліні, де хто не гляне,
слід ворожий не знайде,
знай, що бурею-грозою
там Богунія іде.

Табір... жура... і Дніпрове
море криги не тверде...
Як же Київ нам одбити.
Глянь — Богунія іде.

Хай дрижить під нами крига,
ворог хай шрапнеллю б'є,
Київ — наш... Біжиш, Денікін.
Знай — Богунія іде.

І завжди, де смерть гуляє,
в полі крицею гуде,
де полки катів тікають,
знай — Богунія іде.

ГЕЙ, ЩО СОЛНЦЕ НЕ ВСТАВАЛО

Гей, що сонце не вставало
Із-за синьої гори,
Як з-за гаю вилітали
Сизокрилі соколи.

Налетіли ті соколи
Та на хижих на круків,
Тай посипалося долу
Чорне пір'я з хижаків.

Не так, браття молодії,
Сизокрилі соколи,
Як ті стрільці червонії
В бій на ворога йшли...

Обскубали чорну галич —
Військо панства, догола...
Щоб в країну нашу вільну
Шляхта й стежки не знайшла...

Щоб міг вільно працювати
Робітник і селянин
І новий світ будувати
З робітництвом всіх країн...

На тему о колхозе не удалось записать песен, но это и понятно, поскольку записи производились в большинстве в 1930 г., в первый год, когда проводилась на Украине широкая коллективизация. В 1931 г. из с. Борок была прислана песня про колхоз, которая там приобрела большую популярность среди колхозной части села. Происхождение ее, вероятно, книжное.

Гей у нашому селі
посмутились куркулі

Гей, гей, гей, посмутилися куркулі.
Комнезам разбагатів
бо з'єднався в колектив
Гей, гей, гей господарський колектив
І голота, і чабани
Орють трактором лани
Гей, гей, гей колгоспні лани
Що на вибір кожний сніп
З десятини двадцять кіп
Гей, гей, гей
З десятини двадцять кіп.

Борьба нового со старым нашла свое отражение и в коротеньком, несколько протокольном рассказе о первом тракторе:

О ПЕРВОМ ТРАКТОРЕ

(Рассказ коммунара деревни Лелев Чернобыльского района, Киевщина)

„1930 року на весняну сівбу до нашої комуни привезли першого трактора. До того ми про трактор тільки в книжках та в газетах читали.

Приїхав з міста з Райвиконкому товариш — промову сказати, і поїхали заорати першу борозну. А по селу пішла негарна чутка — куркулі почали масу агітувати та проти колективізації підбурювати. Головне, проти трактора, звичайно. А весною посуха була. Наші вийшли організовано, з піснями, з прапорами, а куркулі та одноосібники на своїм полі впорядили молебень з попом. Вони були люті на нас, бо нам кращу землю відрізали.

Коли молебень кінчився, — а воно нам видно було з нашого поля, — і коли ми так само всі геть пішли, залишився тільки наш тракторист та два механіки, що в нього вчилися, — тоді куркулі підмовили дядьків піти з дрюччям. І пішли, просто на наше поле п'яні йшли, горланили, та просто до трактора йдуть та кричать: „Ходімте, розіб'ємо, хлопці, цю машину!..“ Та тут наш тракторист револьвера наставив і кричить: „Не підходь!..“ Вони в сторону, назад, урозтіч. А він їде трактором далі. Револьвера злякалися, він двічі в повітря вистрілив — вони й розбіглися.

Потім ще пробували приходити. Дуже хотіли куркулі трактора спортити. Наш тракторист так і з револьвером перші часи і їздив. Ну, а потім привикли. Хоч і темні, і серце мають на комуну, проте бояться і мовчать.

Массовое распространение хоровых кружков при клубах и сельбудинках приводит за последние годы на Украине к очень быстрому и богатому росту самодеятельного искусства.

Колоссальное повышение политического и культурного уровня колхозной молодежи приводит к тому, что почти в каждой деревне появляются свои поэты, которые наполняют своим творчеством стенгазеты, сочиняют целые литмонтажи или отдельные произведения на злобу дня.

Эти произведения, по своей тематике близкие и понятные окружающим, разучиваются колхозной молодежью, входят в быт и вытесняют

старые традиционные песни, а также устаревшие и политически не актуальные коломыйки.

Кроме того везде встречаются песенники, как, например, „Цвіте Червона Україна“, „Пісні Червоної Армії“ и другие. Помещенные там песни и коломыйки в нетронутom, а также в переработанном виде можно встретить почти в каждом колхозе, где имеется сельбуд и где ведется культурно-массовая работа.

Помимо этого, то постоянное общение, которое растет на Украине между городскими пролетарскими центрами и колхозной деревней, ведет к тому, что репертуар колхоза начинает проникать все больше и больше, как постоянный элемент, репертуар советской эстрады.

Если колхозная тематика не нашла еще своего выражения в 1930 г. во время записей в песнях, то в „коломыйке“ тема колхоза распространилась уже и тогда очень широко. Украинская коломыйка не только фиксирует быт, она явно агитирует, направляет общественное мнение и организует его. В колхозной среде она является иногда могучим орудием борьбы за колхоз и средством борьбы с его противниками.

Колективно — зерно сієм
колективно — хліба жнем,
колективна хлібні лишки
до зсиппункту повезем.

Хай кричать по дуплах сови,
не страшний нам їхній крик:
в творчих буднях перебором.
Маєм розум, силу й хист.

Вийшли в поле — меж не стало.
Підемо в бій — не стане й вас,
хто посміє стать на шлях нам,
всіх, хто піде проти нас.

Кожен день — бої за нами,
не схибить рука бійців,
в нас сьогодні бій за пляном:
за черговій наш засів.

Вчасна оранка й посів наш —
перший удар по куркульні.
Ширмо ж розмав соцзмагання,
всі за темпи посівні.

В нас вагань не може бути —
запорукою весна.

Довели ми всім невірам,
як працює кожен з нас.

Ворогам ніяк не снилось,
щоб з колишніх схудлих нив

взяв сам двадцять урожаю
переможець — колектив.

Час не жде, хвилина лине,
на засів усі мерщій.
Геть прогули. Геть простої.
Геть з колгоспу ледарів.

Першу осінь більшовицьку
зустрічаймо як весну,
Стійте, хмари. Грій же, сонце.
Починаєм знов сівбу.

Скрип возів по косогорох,
гуркіт трактора внизу...
Пригривай же, сонце пізне,
колективну борозну.

* * *

Гей, пан та куркуль —
Однакова пара,
Бо то буде однаково —
Чи туман, чи хмара.

Гей, пан за Петлюру,
А куркуль за пана,
Бо обидва деруть шкуру
З мужика Івана.

Чи Іван, чи Степан,
А коли біднота,
Жив з твоєї праці пан
І із твого поту.

Ой, Іване-Іване,
Не будь ти ледащий
Уставай же битись з паном,
Бо ізгинемо ні за що.

Лише раз умирать,
Так берись до зброї,
Нехай згине лютий ворог
Від руки міцної.

Откликается колхозная частушка-коломыйка и на международные события.

Гострять на нас зуби
Франція і папа.
Ми їм зуби поломаєм
ще й одріжем лапи.

Гей, ви польське панство-шляхтство,
румунські бояри,

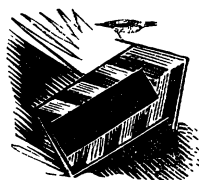
не минути вам за розбій
рабочої кари.
Гострить зуби капітал
та на п'ятирічку;
панські пляни пролетар
поріже на січку.

Нами приведені приклади колхозного усно-поетического репертуара з революційної тематики. В колхозній деревні на Україні, так же, як і в інших районах СРСР, в селянській середі існує деяке кількість усних творів частушок-коломыек, пісень, пародій, які або явно контрреволюційні або представляють собою замасковані вилазки класового ворога, що намагаються через фольклор вести свою агітацію проти Радянської влади і її заходів. Боротьба з усіма такими проявами буржуазної ідеології, вираженої в фольклорі, — справа, яку повинно бути обов'язковим для кожного культработника в селі, для кожного свідомого громадянина нашої Радянської Союзу.

Як приклад селянського фольклору наведемо оригінальний „Заговор проти раскулачівання“, повідомлений нам в с. Морівське Остерського району. Записаний він від селянки-середнячки і за її словами написаний одним місцевим кулаком, колишнім хуторянином, тепер висланим в Північний край. За словами селянки, повідомившої цей заговор, він „зберігав свою дію“ і „охраняв“ кулака від усіх нещасливих, поки він сам за неосторожності не проболтався і не передав його своїй жінці, а вона не передала його іншим кулакам в селі, і тоді заговор „втратив силу“.

Не сам я іду
На ведмідє еду
Жабюю одеемся
Гадюкою подпережусь
И вас совецька власть не боюсь.

З наведеного прикладу видно, як кулак використовує традиційний і реакційний жанр заговору. Слухами про „дійсності“ заговору кулак діє на культурно-відсталі шари селянства в контрреволюційних цілях.

Н. Н. ПОППЕ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ
ПЕСНИ
ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО
ПЕРИОДА¹

Если каждая эпоха в истории того или иного народа, характеризующаяся особенно глубокими социальными сдвигами, находит свое яркое отражение в таких областях, как поэзия, то с тем большим правом мы можем ожидать этого от эпохи пролетарской революции, принесшей бесчисленным угнетенным и поработанным народностям царской России освобождение, выведшей их на путь социалистического строительства и культурной революции и обеспечившей каждой народности создание социалистической по содержанию и национальной по форме культуры.

Бурят-монголы принадлежали в прошлом к наиболее угнетенным народностям России: испытывая жесточайшую эксплуатацию со стороны своего нойоната и кулачества, к которому нужно прибавить еще духовное поработение со стороны ламства и шаманов, бурят-монголы, сохранившие многочисленные феодально-родовые пережитки, подвергались также тяжкому национальному угнетению со стороны царского правительства, всячески тормозившего проведение каких бы то ни было мероприятий, способствовавших поднятию экономического и культурного уровня бурят-монгольских масс, и усиленно проводившего руссификаторскую политику и колонизацию Бурятии.

Для бурят-монголов Октябрьская революция открывает такую же новую эру, как и для всех других наиболее угнетенных народностей России.

Новые времена — новые песни.

В зависимости от того, о каком периоде истории бурят-монголов мы будем говорить, мы можем установить, что более или менее каждой круп-

¹ Для настоящей статьи использованы исключительно собственные записи автора из поездок к бурятам в 1928 г. и 1930—1932 гг.

ной эпохе соответствуют свои специфические виды народного творчества. Эпоха родового строя, многочисленные пережитки которого сохранились у бурят-монголов до самого последнего времени, характеризуется в области народного творчества высоко развитой и чрезвычайно богатой шаманской поэзией.

На почве первобытного мировоззрения шаманистов, всецело соответствующего низкой стадии развития производительных сил родового общества, создались многочисленные легенды и сказки о могущественных боже-ствах покровителях и враждебных человеку мифических злых существах, а также величественные гимны и песнопения в честь тех или других богов.

Родовой строй начал распадаться у бурят, особенно у восточных, давно, и буряты начали уже несколько сот лет тому назад подвергаться сильному влиянию со стороны монгольского феодализма. Последний принес с собой и свою идеологию — ламаизм, который успел пустить среди восточных бурят очень глубокие корни.

Эта новая эпоха, характеризующаяся преобладанием в ряде местностей Бурятии элементов феодальных — нойонат, ламство — существенно отразилась и на народном творчестве бурят-монголов. Прежде всего в этой области следует отметить глубокие изменения в области эпической поэзии, в области героического эпоса. Древний эпос бурят-монголов впитал в себя многочисленные новые элементы, характерные именно для эпохи феодализма: прежние легендарные герои — вожди племен и отдельных родов в эпических произведениях, в так называемых улигерах, предстают перед нами уже в образе нойонов, князей, обладающих несметными богатствами и бесчисленным количеством подданных, и все события, развертывающиеся в этих улигерах, совершаются на фоне таких общественных отношений, которые являются характерными именно для феодального или во всяком случае феодализирующегося общества. Многочисленные буддийские элементы, проникшие даже в эпос шаманистов западных бурят, еще больше подтверждают сказанное. Изменяется и форма таких эпических произведений: торжественный и возвышенный тон повествования, высоко развитая рифма, книжные обороты и слова — все это выдает сильное влияние со стороны монгольской литературы. Некоторые эпические произведения, как, например, „Девять колен Гэсэра“, являются даже переработкой книжной версии Гэсэриады, проникшей к монгольским народностям из Тибета.

Эпоха капитализма, породившая в Бурятии свое национальное кулачество и сравнительно очень малочисленную и не успевшую окрепнуть буржуазию, своего ничего не дала в области народного творчества. Эта эпоха может быть названа эпохой падения, вернее частичного исчезновения национальной культуры, подвергавшейся постоянным гонениям со стороны обрусителей миссионеров и чиновников.

Если оставить в стороне исключительно отрицательные явления во всей жизни бурят-монголов этой эпохи, отрицательные в первую очередь

в том смысле, что все бурятское национальное просто-на-просто начало исчезать, мы в области народного творчества можем отметить там, где вместо простого исчезновения наблюдалась в более редких случаях замена старых элементов новыми, проникновение в тот же эпос, поскольку он не успел исчезнуть совершенно и местами прекрасно сохранился до настоящего времени, новых элементов эпохи капитализма. Так, например, описываемый в той или иной былине дворец героя обрастает пятиглавым собором и базаром, а сам превращается в хоромы с горницей (обозначаемой даже русским словом) и крыльцом (kerensee — русское крыльцо). Описываются купли, продажи и т. д., т. е. все то, что является характерным для дореволюционной русской деревни. В народных песнях того времени можно наблюдать тот же самый налет.

Наше время у бурят-монголов не порождает новых эпических произведений или сказок. Эти виды народной словесности уступают, естественно, место художественной литературе, более отвечающей запросам масс, стоящих на совершенно ином, неизмеримо более высоком культурном уровне. И было бы напрасным трудом искать вновь возникающих былин о битвах славных легендарных героев со стоглавными чудовищами и т. п. Новая былина, если бы она возникла в Бурятии, возможность чего не исключена, несомненно воспевала бы подвиги героев социалистического строительства, но это была бы не былина-улигер, а поэма.

Для послеоктябрьского устного творчества бурят-монголов особенно характерно мощное развитие песенной поэзии. Песни существовали, конечно, и раньше, вследствие чего самый факт наличия или особенно распространения их не представляет собою чего-либо принципиально нового. Но что же нового наблюдаем мы в этой области?

Прежде всего новой является тематика, новым является содержание песен. Носителями новых песен и создателями их являются трудящиеся массы Бурятии, колхозники, и пока еще немногочисленный национальный пролетариат. Контингент носителей песен и их творцов, являющихся строителями колхозов и активными борцами за социализм, стоящие перед ними задачи социалистического строительства, задачи в области культурного строительства, — все это вместе взятое резко изменило облик бурят-монгольской песни, вложив в нее совершенно новое классовое содержание. Послеоктябрьские песни являются прямой противоположностью дореволюционных песен, воспевавших только такие вещи, как любовь или иногда красоты природы, не говоря уже о старых песнях, сложившихся в ламско-феодалной среде, встречавшей со стороны царского правительства всяческую помощь и поддержку, когда дело касалось воздействия на массы. В результате этого нередко бывали патриотические песни, сложенные ламами, о царе и великих щедротах и милостях его (см., например, А. Позднеев. Образцы народной словесности монгольских племен. СПб., 1880, стр. 207). Встречались также в большом количестве песни религиозные (см. там же, стр. 213 и сл.).

Иной является тематика бурят-монгольских песен в послеоктябрьский период.

Октябрьская революция принесла с собой прежде всего освобождение бурят-монголов от национального угнетения. Этот факт ярко отразился на тематике песен; и песен о национальном освобождении у бурят-монголов можно встретить очень много. В качестве примера назовем песню селенгинских бурят (Коммуна „Искра“, 1931 г.):

buriaad mongol bidende

byren erke mandaba

У нас у бурят-монголов взошло полноправье.

В другой песне, записанной там же, говорится:

kaanta zasagiin yjede

karankui buriaad bidener

kartai bajad nojodto

kaşagdan darlagdan baisanbdi.

В эпоху царизма мы темные буряты

были притесняемы и угнетаемы

зловредными богачами и нойонами.

В этой песне мы видим уже, что трудящийся бурят-монгол совершенно правильно понял, что эксплуатация со стороны кулачества и нойоната является одним из явлений, совершенно закономерных и неизбежных в условиях царизма.

Вместе с освобождением от гнета царизма и национального кулачества и нойоната Октябрьская революция принесла с собой раскрепощение бурятской женщине, являвшейся в прошлом совершенно бесправным существом. Этому вопросу, вопросу раскрепощения женщины посвящен целый ряд песен и между прочим следующая, три строфы которой приводятся в переводе (Коммуна „Красная звезда“, лето 1931 г.):

Последуем по пути просвещения,
бедные мы женщины,
самым тяжелым образом угнетав-

шиеся

из всего рода человеческого.

Внесем исправления и устраним,
товарищи наши революционеры,

капиталистов, нас угнетавших

и причинявших нам тяжкие страдания.

Мы, многочисленные женщины,

отсталые в науке и просвещении,

непрерменно, товарищи, последуем

за руководством всемогущей и светлой власти.

Трудящиеся Бурятии прекрасно осознали громадную роль партии как организатора борьбы за социализм и ее вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина. О Ленине существует целый цикл песен. Рисуя его как

организатора и вождя пролетариата, многие песни обращают на себя внимание трогательным отношением к болезни и кончине Ленина.

Приводим строфы из двух песен о Ленине (Коммуна „Искра“, 1931 г.):

өргөн jike Sebiirte
өngiin şobuu jirdeg şуу,
өбөгөн багша Leeninmnai
ygii keleed өngөрçөө.

В широкую, великую Сибирь
прилетают ведь разноцветные
птицы,
старичок учитель Ленин наш
слово сказал и скончался.

kabtagai jike Sebiirte
kaluunii şobuu jirdeg şуу,
kairtai bagша Leeninmnai
kariuugaa keleed өngөрçөө.

В плоскую, великую Сибирь
прилетают ведь птицы жарких
стран,
любимый учитель Ленин наш
ответ свой сказал и скончался.

cekeken koşoo orşogço
Selenge mөrөniі gaikaltai geeçe,
Seseseeriin bagша Uljaanovii
çileerkeed baikani kairtai geeçe.

Как замечательно прямое на север
течение реки Селенги,
так печальна болезнь
учителя СССР Ульянова.

Если в этих песнях для нас важна, так сказать, эмоциональная сторона и важно отметить, какие чувства возбуждает в трудящихся память В. И. Ленина, то в следующей песне (Аларский аймак, улус Элзэтуй, лето 1928 г.) нас интересует другое, а именно пронизывающая ее мысль о громадном значении Ленина и Сталина для масс и строительства новой жизни:

ulaan gali көгзөлгө
uula sasiuur kojorhoo,
ulad zoni көгзөлгө
Uljaanov Staalın kojorhoo.

Разгорание красного огня
от трута и огнива,
развитие народа
от Ульянова и Сталина.

В деле всей перестройки экономики Бурят-Монгольский АССР застрельщиком и организатором является партия и ее смена — комсомол. Роль партии и комсомола нашла яркое отражение в новых песнях бурят-монголов. Кто бывал и работал в деревне, в частности бурят-монгольской, тот знает, что сеноуборочные, посевные, различные политические и культурно-просветительные кампании проходят при деятельнейшем участии комсомола, ликвидирующего прорывы в самом начале обнаружения их. Роль комсомола нам хотелось бы особенно подчеркнуть и ука-

зять, что наряду с партией и комсомол является одной из главных тем песен бурят-монголов.

Колхозники бурят-монголы прекрасно поняли политику партии и ее заботы о коллективизации сельского хозяйства и о поднятии его всеми доступными ей мерами. Это прекрасно иллюстрирует следующая песня (Селенгинский аймак, коммуна „Красная звезда“):

Для черного хлеба	Для серого хлеба
поперек распахали мы гору,	поперек распахали мы сопку,
благодаря Коммунистической партии	благодаря большевикам
убрали мы с престола хамбо.	мы все вступили в коммуну.

Приводим еще другую песню:

Вырастившее серый сандал —
это благо кипящего источника,
улучшившее жизнь всех —
это благо большевистской партии.

Что касается комсомола, то прежде всего приведем песню-призыв вступить в комсомол:

Черное море волнуется,	Решительно выступая вперед,
засушливый туман набухает,	разольем блеск молодежи.
ступая ровнехонько по коммунисти-	Ребята, юная гвардия,
ческой линии,	мы дети трудового народа.
станем все комсомольцами.	

(Коммуна „Искра“, 1931 г.)

(Там же.)

О роли комсомола в деревне мы узнаем из песни, записанной в Эхирит-Булгатском аймаке (Коммуна „Путь Ленина“, 1932 г.):

Туман на вершине горы
рассеял черный вихрь,
смятение всего народа
уладил союз молодежи.

Громадное количество песен посвящено вопросам колхозного движения и механизации сельского хозяйства. Такие песни можно наблюдать во всех частях Бурятии. Приводим в переводе несколько песен, записанных в Селенгинском аймаке летом 1931 г.

Проложив дорогу через гору,	Объединяя раздробленное хозяйство,
стали мы со стучащей машиной,	соединим хозяйства всех.
свалив царское правительство,	Объединяя все свои мысли,
стали мы с Коммунистической вла-	последуем за линией большевиков.
стью.	

(Коммуна „Искра“.)

(Там же.)

В лесу на западной горе
постоянно не будут же волки,
все мы коммуною стали,
не будет богачей-кулаков.

(Коммуна „Красная Звезда“.)

Двадцать плугов возьмем
и двадцать десятин распашем,
двадцатью дворами объединимся
и станем артелью-коммуной.

(Улус Хандагай Эхирит-Булгатского аймака,
1932 г.)

Классовая борьба в деревне, сопротивление кулачества коллективизации, выливающаяся местами в бандитизм, не менее ярко отразилась на песнях бурят-монголов:

namagaar kēndөлөн tabikaigaa
namdag borodoo naidanam daa,
naanaas bandiіid kēdlөө bol
namiigaa ceregteе naidanam daa

Скакать поперек через болото —
надеюсь я на своего Намдаковского
серка,
если задвигнутся отсюда бандиты,
я надеюсь на войско своей партии.

(Коммуна „Искра“.)

Дерево, вырастая в лесу,
в небо не упирается,
собираясь в лесу бандиты,
Советской власти не задавят

(Улус Хандагай Эхирит-Булгатского аймака,
1932 г.)

За последние годы произошли в Бурятии значительные сдвиги по пути освобождения масс от влияния религии ламаизма и шаманства. Одной из наиболее характерных черт современной бурят-монгольской песенной поэзии является обилие антирелигиозных песен.

Антирелигиозных песен очень много как в восточной, так и в западной Бурятии. Образчиками таких антиламских песен являются следующие:

kadandaa baisan kandagaigaa
karbazal caa᠑iini unagaagiit,
kanandaa baisan burkaniigaa
kambataini caa᠑iini unagaagiit!

Сохатого, находящегося на скале,
застрелим и свалим подальше,
бурхана, находившегося на стене,
вместе с хамбою свалим подальше!

(Коммуна „Красная звезда“.)

Другой отрывок:

Для овсяной муки
распахали мы пеперек гору,
в силу того, что стали мы красными,
устранили мы с престола Оточи Гэгэна

(Коммуна „Искра“.)

Аналогичные приведенным выше антирелигиозные песни можно встретить и в западных аймаках Бурятии. Особенно любопытны там антишаманские песни, более соответствующие специфическим особенностям западной Бурятии:

koinoo baihan gerөөһији
karbaad saašiin unagaajii,
kanadaa baihan ongoiji
galdaad saašiin kariuuljii!

Оленя, находившегося на севере,
застрелим и свалим дальше
онгона, находившегося на стене,
сожжем и спихнем туда.

(Коммуна „Путь Ленина“, Эхирит-Булгатский аймак, 1932 г.)

Говоря о песнях на злобу дня, часть которых носит антирелигиозный характер, следует указать, что в песнях получили свое отражение все более или менее крупные события последних лет.

Прежде всего и в первую очередь интересно остановиться на песнях, посвященных событиям на КВЖД 1929 г. Эти песни отчасти были сложены участниками боев, бурят-монгольскими красноармейцами:

Davuuriin urdaki Manzuurta
dailaldaan bolsoni sonintoi daa,
dabtamal bolod selmiigee
dalaigaad cabçasani sonintoi daa

В Манчжурии, что на юг от Даурии,
произошли бои, что интересно.
Коваными стальными саблями
размахивая, рубили, что интересно.

(Коммуна „Красная звезда“, 1931 г.)

В связи с этими песнями следует указать вообще на большое распространение песен, воспевающих мощь Красной Армии. Такими военными песнями являются, например:

Черную, цветами покрытую землю
исчертивший, вспахавший трактор,
китайцев, дорогу оспаривавших,
коловшая и подавившая Красная Армия.

(Коммуна „Искра“, 1931 г.)

Наряду с механизацией сельского хозяйства в песнях играет большую роль также военная техника. Так, например, целый ряд песен посвящен вопросам военной авиации:

Растет трава на горном крыже,
блекнет в бледном инее,
аэроплан СССР
на небо ясное взлетает.

(Коммуна „Красная звезда“.)

В некоторых из таких песен проводится параллель между растущей мощью СССР и общей депрессией капиталистических стран в эпоху кризиса:

bodood kursaar niideke
ulaan gyrnei somolood,
uha uruugaa niideke
Çemberleenei somolood.

Быстро вверх летящий
самолет красного государства,
вниз в воду летящий
Чемберленов самолет.

(Улус Хандагай, Эхирит-Булгатский аймак, 1932 г.)

Примеров разных песен, возникших в советских условиях, можно было бы привести бесконечное множество. Ограничиваясь приведенными, укажем лишь, что в течение последних лет лингвистическими экспедициями Академии Наук СССР и Института культуры БМ АССР было собрано в числе прочих материалов свыше 600 разных песен, которые могут быть разбиты на следующие категории:

- 1) Песни о гнете царизма и о свободе, дарованной Октябрьской революцией.
- 2) Песни из эпохи гражданской войны.
- 3) Песни о колхозах.
- 4) Классовая борьба и кулачество.
- 5) Коллективизация сельского хозяйства и механизация его.
- 6) Специальные песни о тракторе.
- 7) Песни о Ленине, Сталине, Блюхере и Ворошилове.
- 8) Песни о Красной Армии.
- 9) Песни сатиры о Чемберлене.
- 10) Антирелигиозные песни.
- 11) Песни о партии и комсомоле.
- 12) Песни о школе и просвещении.
- 13) Песни о раскрепощении женщины.
- 14) Песни о пятилетке и т. д.

Коснувшись вопроса о тематике песен послеоктябрьского периода, следует отметить, что, получив новое содержание, песни сохранили до известной степени старую форму. Прежде всего сохранился размер стихосложения.

Бурятские песни в большинстве случаев построены по принципу равноударного тонического стиха с большим или меньшим преобладанием семисложной строки в каждом четверостишии, например:

kula morin tyrgedze,
kodoog tergee endelbe,
kulaaji kybyyd tyrgedze
Turkaan teeᡑe zaruulba.

/' ~ / ~ / ~ ~
~ / ~ / ~ ~
/' ~ (~) / ~ / ~ ~
/' ~ / ~ / ~ ~

Сохранилась полностью и аллитерация начальных строк каждого четверостишия.

Характерной чертой современных бурят-монгольских песен является чрезвычайное распространение одной и той же песни вскоре после ее появления. Если раньше в дореволюционной Бурятии для каждой местности были характерны свои песни и свои мелодии, то теперь, наоборот, новые песни, едва успев возникнуть, распространяются с молниеносной быстротой по всей Бурятии. Этому способствует, прежде всего, то обстоятельство, что в колхозах сплошь да рядом можно встретить работников родом из совершенно иных местностей, и особенно учащихся, направляемых в большом количестве из разных местностей учиться в Верхнеудинск и на разные аймачные курсы. Большую роль в этом деле играют и красноармейцы, приносящие домой песни, услышанные ими в бытность на военной службе.

Благодаря оживленным сношениям бурят-монголов запада с восточными бурятами, наблюдается не только взаимный обмен песнями, но также проникновение западно-бурятского йохор'а (своего рода хоровода с песнями) к восточным бурятам, которым он еще лет десять тому назад не был известен.

Все это вместе взятое сильно влияет на песенную поэзию в смысле образования большого количества общих для всех бурят песен в противоположность к прежнему.

Заканчивая статью, можно таким образом установить, что за пятнадцать лет в этой области произошли громадные перемены: образовался новый тип песен, приобретающий уже характер не местный, но общий для всех трудящихся Бурят-Монголии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Чтобы не загромождать статью выдержками и отрывками, целиком приводимые песни отнесены сюда, в приложение. Песни приводятся в переводе. Что касается бурятских оригиналов их, то часть их имеет выйти в свет в специальных сборниках образцов бурят-монгольской народной словесности.

1

Краснеет по вершинам скал —
Это жаркое желтое солнце.
На общее старается
Любимый Ленин-Ульянов.
Краснеет по хребта вершинам —
Прохладное желтое солнце.
Для селения старается
Мудрый Ленин-Ульянов.
Краснеет по вершинам гор —
Это красно-желтое солнце.
На всех старается
Владимир Ленин-Ульянов.

(Коммуна „Красная звезда“.)

2

Мир яркосолнечный,
Остроконечная звезда,
Советов власть возвысивший
Учитель славный Ленин.
Мир златосолнечный,
Златоконечная звезда,
Аратов власть возвысивший
Благой учитель Ленин.

(Там же.)

3

Стремительно текущая Уда
Со скал высот исток берет,
Компартия, что массам власть дала,
От Маркса начало ведет.

Разрушим быт эксплуатации,
Быт коллективный укрепим!

Струясь текущая Уда́
С высот горы исток берет.
Компартия что массам власть дала,
От Ленина ведет начало.
Разрушим старый быт
Быт массовый мы укрепим.

(Там же.)

4

Распускаются цветы и зелень,
Прохладу в грудь вливают.
Становится СССР,
Мысль мою украшает.
На вершине серой скалы
Бурлит и выходит источник.
Становится власть большевистская,
Всеобщее обучение становится.

(Коммуна „Искра“.)

5

Горы, горы украшает
Многоцветный сад,
Жизнь массы улучшает
Умный комсомол.
Скалы, скалы украшает
Многоцветный сад,
Быт колхозный улучшает
Твердый комсомол.
Горы, горы украшает
Розовый цветник,
Быт селенья украшает
Мыслями прекрасный комсомол.
Сопки, сопки украшает
Семи цветов цветник,
От ничтожества избавивший
Необузданный комсомол.

(Коммуна „Красная звезда“.)

6

Над Верхнеудинском летит
Цветной аэроплан.
Из масс растет
Конституция.

Над городом Читой летит,
Стекланный аэроплан,
Из сельских масс растёт
Власть СССР.

Над городом Москвой летит
Моторный аэроплан,
Из масс монголов растёт
Наша власть.

(Коммуна „Искра“.)

7

Одна шестая земного шара,
Стал красным СССР.
Все мы сверстники —
Крепко взявшиеся друг за друга комсомольцы.

Одна шестая мира,
От края красный СССР.
Мы юное поколение —
Без бреши взявшиеся комсомольцы.

Одна шестая земли,
Один стал красным СССР.
Только мы одного лишь поколенья —
За руки крепко взявшиеся комсомольцы.

(Коммуна „Красная звезда“.)

8

В лесу на западной скале
Стаи волков не будет,
Все мы станем коммуной,
Богатеев кулаков не будет.

В лесу на северной скале
Двадцати волков не будет.
Сплошь коммуной станем мы,
Жадных кулаков не будет.

В лесу на южной скале
Многих волков не будет,
Массою коммуной мы станем,
Прежних кулаков не будет.

В лесу на восточной скале
Разных мастей волков не будет,
Сами коммуной станем,
Противников — кулаков не станет.

(Там же.)

ЛИТЕРАТУРА

1. А. К. Бадмаев. В. И. Ленин в бурятской песне. Бурятоведч. сборник, вып. I, Иркутск, 1926, стр. 72 и сл.
2. Р. С. Мырдыгеев. Песни аларских бурят. Там же, стр. 69 и сл.
3. Б. Ванчиков. Интернационал (на языке западных бурят). Там же, стр. 83.
4. А. Улаханов. Песни бурят Аларского аймака. Там же, вып. II, стр. 72 и сл.
5. Т. А. Бертагаев. Новые песни бурятской молодежи. Там же, вып. II, стр. 31 и сл.
6. Д. А. Абашеев. Новые песни бурятской молодежи. Там же, вып. VI, стр. 55 и сл.
7. Сборник бурят-монгольских революционных песен. Сост. П. Берлинский и Г. Нацов. Верхнеудинск, 1930.
8. Г. Санжеев. Песнопения Аларских бурят. Зап. Колл. востоков., т. III, стр. 459—552 (содержит между прочим некоторое количество революционных песен).
9. С. П. Балдаев. Ленин и Октябрь в фольклоре бурят-монголов Советская Этнография, 5—6, Лгр., 1932, стр. 15 и сл.

Г. И. КАРПОВ и А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ

ОТРАЖЕНИЕ
ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ТУРКМЕНСКОМ
ФОЛЬКЛОРЕ

Устное народное творчество является одним из важнейших источников, позволяющих изучать настроение широких народных масс в годы великих исторических сдвигов. Если это положение справедливо по отношению ко всякой стране, то по отношению к Туркмении оно справедливо вдвойне, так как, несмотря на быстрый рост просвещения (до революции процент грамотных туркмен не превышал двух, в настоящее же время он достигает 35), все же устная литературная традиция является для туркмен и по сейчас монополистом художественного слова.

К сожалению, конкретная обстановка в области изучения туркменского фольклора такова, что разрешение стоящей перед нами задачи — проследить отражение Октябрьской революции в устном словесном творчестве туркмен — представляется довольно трудным. Причин несколько. Одна из важнейших — это недооценка роли и значения фольклора как художественного творчества преимущественно классовых низов туркменского общества, являющегося поэтому во многом прямой противоположностью своему антагонисту — старо-литературному художественному творчеству поэтов прежнего времени (во главе с Махтум-Кули, Сеиди, Зелили и др.), идеологически обслуживавшему запросы феодально-родовой, клерикальной и отчасти буржуазной верхушки туркменской нации. Следствием этой недооценки явилось почти полное отсутствие каких-либо изданий по туркменской фольклористике.¹

¹ За время существования Советской власти изданы лишь „Сборник пословиц и поговорок“ М. Гельдиева в 1925 г., монография А. П. Поцелуевского „Стихотворный ритм гокленских народных песен“ в 1928 г., ряд статей и заметок был опубликован в журнале „Туркменоведение“ (1927—1931); в 1928 г. А. П. Поцелуевским составлен сборник женских песен (214 номеров), однако последний не издан до сих пор.

Другой, не менее важной, причиной является то, что огромные количественно фольклорные материалы, которые собраны кабинетами литературоведения и языкознания б. Туркменкульта (в общей сложности до 200 печатных листов), крайне мало и недостаточно отражают послеоктябрьскую эпоху в жизни Туркмении. Недостаточность эта во многом объяснима, конечно, своеобразием той природной, общественной и хозяйственной обстановки, в условиях которой совершалось победное шествие Октября по необозримым туркменским пустыням: достаточно сказать, что сама советизация некоторых отдельных, наиболее изолированных географически районов произошла всего лишь несколько лет тому назад (так, например, Атрек и Хивинские районы советизированы в 1926 г., окончательная советизация Каракумов датируется серединой 1929 г.), но, разумеется, основная вина ложится на прежнее научное руководство б. Туркменкульта (в том числе и на пишущих эти строки), следовавшее отжившим традициям старой фольклористики, бережно собиравшей все, что относится к „старине“, и, если не пренебрежительно, то равнодушно смотревшей на устное художественное творчество современных как аула, так и города.

Впрочем, даже тех немногочисленных фольклорных материалов, живописующих преломление Октября в туркменской действительности, которыми мы располагаем, вполне достаточно для того, чтобы иметь возможность, хотя и в общих чертах, но вполне конкретно судить о настроениях, стремлениях и симпатиях различных классов туркменского общества в годы революции.

Все произведения фольклора, находящиеся в нашем распоряжении, представляют собою продукт творчества аульной, т. е. деревенской массы; произведений, отражающих идеологию и быт городского пролетариата, а равно городской мелкой буржуазии, нет совершенно. Это не должно нас удивлять, если вспомнить, что в силу политики царизма, стремившегося завоеванный огнем и мечом Закаспийский край закрепить навсегда за собой в качестве своей колонии — страны отсталого аграрного типа, процент туркмен — жителей городов был совершенно ничтожен. Мало того, специально принимались меры к тому, чтобы закрыть местному основному населению всякий доступ к работе на таких крупных предприятиях, как, например, Среднеазиатская железная дорога. Усиленный приток рабочих и работниц туркмен из аула в город, на фабрики, начался года 3—4 тому назад, с момента развернутого строительства фабрик и заводов по Туркмении. И за этот небольшой период, естественно, еще не сложился быт доподлинно рабочего, последний не порвал своих связей с родным аулом. Традиции веков над ним, хотя и в слабой степени, все еще довлеют, новое воспринимается и усваивается не так быстро, рабочий и работница из туркмен и нацмен приспособляются ко всему новому в зависимости от получаемой закалки на производстве и делают пока первые шаги в направлении развития своего устного поэтического пролетарского творчества. Учитывая все эти особенности роста пролетарского

устного творчества в Туркмении, мы в своей статье, не ограничиваясь произведениями анонимными, успевшими стать достоянием большинства народной массы, будем ссылаться и на произведения отдельных певцов и стихотворцев — самородков из туркменских классовых низов, поскольку, с одной стороны, эти певцы и стихотворцы не принадлежат к категории печатаемых и читаемых работников современной литературы, и, во-вторых, поскольку в их индивидуальных произведениях отражаются подлинные массовые настроения широких кругов трудящихся, в первую очередь — батрачества и колхозников.

Чрезвычайно интересной темой для отдельной самостоятельной работы явился бы также разбор устного творчества байско-феодалных слоев туркменского общества (сюда относятся, например, басмаческие песни и т. д.), но к этому мы приступим в недалеком будущем.

При переходе к непосредственному ознакомлению с интересующей нас областью туркменского фольклора, наше внимание сейчас же привлекается рядом произведений, с несомненностью говорящих о том, что революция в Туркмении не явилась чем-то извне навязанным, чужеродным, как это хотели бы представить некоторые поборники феодально-родового строя, вроде покойного Н. Н. Йомудского — Караш-Хан-Оглы (смотри его статью в журнале „Туркменоведение“ за 1927—1928 гг.), но что, наоборот, соответствующая почва для нее давно уже была подготовлена, с одной стороны, классовым расслоением туркменской родовой общины и феодальной эксплуатацией батрачества, с другой — развитием местного ростовщического и торгового капитала, нашедшего в колониальной политике царизма прекрасную опору для своего укоренения и быстрого роста. Так, например, следующие две девические песни, так называемые „ляле“ (lǎle) с предельной яркостью говорят нам о том, что пастух-батрак в глазах эксплуатирующего его бая или родового вождя являлся существом, стоящим, пожалуй, ниже хорошей собаки, и, во всяком случае, безусловно недостойным „высокой чести“ быть мужем байской дочери:

Высокие, крутые холмы все равно, как оседланный конь...
У Мями-Бая батрак все равно, как ни к чему негодный пес.

Река в этой долине изобилует рыбой... На нашей корове войлочная попона... За пастуха не отдадут дочь замуж: на ногах у него лапти-чарыки.

(Записаны в ауле Ак-кель, Каракалинского района.)

Об этом же социальном расслоении аула свидетельствуют и такого рода пословицы, как: „Через поместье богача проходит река, через поместье бедняка — дорога“.

Но, вместе с тем, другая небольшая песенка, являющаяся ответом пастуха на последнюю приведенную выше „ляле“, говорит нам также, что

это приниженное рабское положение не убило у батрака способности остро чувствовать социальную несправедливость, не вытравило в нем готовности к здоровому энергичному протесту:

Разве хурма по качеству не то же, что миндаль? Разве пастух не человек? Такая ты сякая девка, разве пастух не человек?

(Записана в ауле Ак-кель, Каракалинского района.)

Беспощадная эксплуатация батрачества нашла себе отражение, например, в следующих двух песнях, рисующих печальную долю пастуха, месяцами пасущего в одиночестве байские стада и не имеющего даже лаптей или хотя бы примитивных подошв-„сандалий“, чтобы защитить свои босые ноги от изобильно произрастающих в туркменистанских степях колючих трав и кустарников.

Из месяца в месяц я пас верблюдов. Мои ноги исколоты, изранены... Если пойдешь в аул, скажи Хырдан-Баю, чтобы прислал кожи на чепеки.¹

Я пас верблюдов у племени меджеур. Кровь моя и сердце испеклись все равно, как бы на огне. К имени моему я присоединил прозвище „Дюе-ЧAPAN“, (т. е. верблюжий пастух)... Хватит с меня теперь... Я уйду. Пусть кто гулял, тот разгуливает вместо меня в меджеурских солончаках.

(Записаны в Байрам-али.)

Еще тяжелее была участь туркменской женщины, которая, независимо от своего социального происхождения, по существу всегда была живым товаром, наравне со скотом, покупаемым и продаваемым; наравне со скотом она была обязана с утра до ночи работать, не щадя сил для выгоды своего „законного“ повелителя, своего маленького „бога“, т. е. купившего ее и поэтому бесконтрольно ею распоряжавшегося мужа. В одной песне женщина так жалуется на свою горькую судьбу:

Ручная мельница — наш хан, ступка — наш султан. Все мое дело — только готовить пищу и плакать о родине и доме. Зубочистка моя — деревянная кочерга, подстилка подо мною — кожаная скатерть из-под муки, головная подушка — черный камень.

(Д. Г. Йомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении. 1931.)

Произведения фольклора разбивают заблуждения некоторых авторов с О. Тумановичем во главе (см. его книгу „Туркменистан и туркмены“. Асхабад-Полторацк. 1926), пленявшихся „патриархальностью“ родового строя. Фольклорные произведения свидетельствуют о разочаровании туркменских народных низов в авторитете своей наследственной родовой

¹ Чепеки — род примитивных сандалий.

и клерикальной верхушки, свидетельствуют о том, что власть ханов и ишанов неизбежно несет народу разорение и голод:

Ходжам-Шукур — наш хан... Лебеда — наша пища... Если на лебеду нападут черви, как тогда будем существовать?

(Девичья песня; записана в ауле, 1-й Кичи-ага Серахского района.)

Вариант:

Наш глава — Джапар-Ишан. Юва и ельмик (названия трав) — наша пища. Если юва и ельмик высохнут, вместе со всем нашим имуществом переправимся через горы в Персию.

(Песня записана в ауле 2-й Конгур Мервского района.)

Особенно много встречается произведений фольклора, рисующих отрицательную роль духовенства (а частично и некоторых продавшихся баям певцов-бахши) как прислужника господствующего класса. Таковы, например, следующие пословицы и поговорки: „Прочитанная тобой (муллою) молитва не стоит покоя разбуженных лягушек“, „Если косить языком, спина не устанет“, „И твоя дудка поет в угоду баю“, „Стать муллою легко, трудно стать человеком“. Непосредственно направлена против бая и ростовщика пословица: „Лучше иметь неустыженное лицо, чем бессчетную казну“.

Осознание своей угнетенности вместе с уяснением классовой роли племенных вождей должно было приводить к мыслям о революционном выходе из положения. Этот действенный революционный призыв мы находим в следующем отрывке из девической песни, сложенной еще до Октябрьской революции:

Пусть такой твой хан сгинет — разорил он аул!..

(Записано в Каракалинском районе.)

Все попытки революционной борьбы со стороны туркменских низов осуждены были на неудачу, поскольку туркменские эксплуататоры имели поддержку у русских колонизаторов. Об этой тесной смычке угнетателей красноречиво говорит следующая свадебная песня, по богатству и обилию перечисляемых в ней составных частей калыма, требуемого за выдаваемую замуж девушку, несомненно долженствующая быть причисленной к произведениям байско-феодалного цикла:

Если к нам не приведут шесть верблюдов, нагруженных деньгами, мы не отдадим ее в жены... Если не приведут семь верблюдов с приданым, не дадим ее в жены... Если к ее старшей невестке не примчится рысистый верблюд, мы ее не отдадим... Если к ее двоюродному брату не прискачет рыжий иноходец, мы ее не отдадим... Если целыми сотнями не пригонят баранов, мы ее не дадим... Если сама Гюль-Джамаль-Хан не придет взглянуть

на ее подобное цветку личико, мы ее не дадим. . . Если сам Алиханов не явится, потряхивая своей папашой, то мы ее не отдадим замуж.

(Записана в ауле Кеши Ашхабадского района.)

Мы видим здесь, что имя бывшего начальника Мервского уезда, полковника царской службы и верного слуги великодержавного русского империализма Алиханова, упоминается в этой байской песне на почетном месте, непосредственно после имени знаменитой мервской ханши Гюль-Джамаль-Хан.

Туркменские трудящиеся массы не питали, конечно, никаких иллюзий и относительно истинного характера продажного классового правосудия как своих „родных“, так и русских эксплуататоров; об этом наглядно свидетельствует пословица: „Взятка и по небу проложит путь“.

Таким образом, на материале фольклора видно, что почва для революции в Туркмении была, несомненно, подготовлена, как процессом классовой дифференциации самого патриархального родового туркменского общества, так и, в особенности, углублением и усилением социально-экономических противоречий, неразрывно связанных с развитием ростовщического и торгового капитала. Все эти предпосылки революции особенно остро дали себя почувствовать во время империалистической войны 1914—1918 гг., когда российский империализм был вынужден мобилизовать (или „реквизировать“, как гласил приказ) „туземцев“ на тыловые работы. Мобилизация всей своей тяжестью легла на бедняцкие слои населения: богачи от нее откупались. Разлука с родными и друзьями, вырванными из среды близких им людей и брошенными куда-то за тридевять земель ради интересов империалистов, больно отозвалась в сознании массы, как об этом поет (в 1916 г.) Казан-Курбан-Шахир из Серахса:

Записали молодых, подобных львам.
Я сказал: бог с вами; жизнь моя испортилась.
Глаза наполнились слезами, лицо оросилось.
Кадыр-алла, настал день твоей помощи.

При этом, конечно, как русской, так и местной администрацией был допущен ряд вопиющих злоупотреблений, окончательно вооруживших трудовую массу против тогдашней власти:

Много вам горя наделал пристав-хан.
Сгинь в тюрьме, неверных слуга!

Поет все тот же Казан-Курбан-Шахир.

Во время гражданской войны в Закаспии байско-феодалная верхушка стала на сторону меньшевистско-эсеровской власти и ее союзников англичан. Предательская роль племенных вождей заклеяна, например, народной песней, обвиняющей тедженского хана Эзиза Чапыкова в том,

что он „продал Мерв англичанам“ („Eziz-Han Marғыn ınlise satdy“...). Лучшая наиболее сознательная часть трудового дехканства безоговорочно стала на сторону большевиков и беспощадно осудила тактику меньшевиков:

Большевики двинулись развернутым фронтом. Меньшевики же, обратившись вспять, отошли; из Каахка на Душак они бросили обходным движением свои арьергарды. Всесильный аллах, уничтожь меньшевиков!

(Первый куплет песни, записанной в Байрам-али.)

Победа Октября в Туркмении отмечена очень многими народными поэтическими произведениями. К сожалению, они в большинстве своем еще пока не записаны и не изучены. Вот некоторые выдержки из них:

Бахши Анналы-Чары поет:¹

Закручинились мулла, ишан и бай.
Для нас Октябрь — мед.
Для них — яд.

А бахши Назар-Мамед дает такую картину:

Только мы выйдем праздновать Октябрь,
Как богачи вмиг меняются в лице.
Бледнеют, от бессилья кусают губы,
Другие стоят, разинув рот,
А третьи корчатся,
Точно баран,
Которому отрубили курдюк.

Вспоминая о прошедших боях и победах в Октябре, один бахши из племени „гоклен“ посвящает свои сердечные слова воспоминаниям о вожде:

Кто сделал октябрь месяцем победы?
Кто — щедрый принес этот дар?
Наш великий был вождем этой победы,
Ленин — улы сардар.²

Целый ряд благотворных для трудящихся масс последствий победы Октября был тотчас же отмечен произведениями фольклора.

Женщина туркменка, эта извечная рабыня адата, стала наконец равноправна мужчине; двери просвещения широко раскрылись для всех трудящихся, и обо всем этом, ликуя, спешит рассказать аульной массе неведомый народный певец:

Много времени я бродил, проливая из глаз своих слезы, теперь же мне хочется быть веселым и радостным. Теперь мне хочется,

¹ Цитируется по переводам И. Фролова (см. журн. „Туркменоведение“, № 4, 1927).

² „Улы“ — великий, „сардар“ — полководец.

усердно учась в школе, взять и свою долю просвещения. Да 'сгинет у туркмен самая мысль продавать своих дочерей! Лучших девушек берут себе баи... Комсомольцы — руководители девушек: мне тоже хочется быть в рядах комсомола!

(Записано в Байрам-алийском районе.)

В отношениях между полами, бывших до сих пор разделенными непроходимой стеной условностей и предрассудков, впервые водворяется здравый товарищеский дух:

Если я скажу тебе что-нибудь плохое, пусть ослепнет мой глаз!
Пусть мои глаза не видят твоего худа! Бросай свою работу: давай, идем учиться!

Так поет молодой парень, обращаясь к девушке.

Все достижения современной техники, вплоть до воздушного сообщения, все возможности к образованию, не только низшему или среднему, но и высшему, оказались в распоряжении трудящихся дехкан:

Аэроплан летит, кружась, между землей и небом... Пусть мой брат Алла-Берди приезжает отменным ученым!

Поет молодая туркменка, брат которой учится в Ташкенте на рабфаке. Немудрено поэтому, что из уст девушки-беднячки произвольно вырывается следующая трогательная своей непосредственностью и искренностью похвала большевикам:

В облачный день не может быть луны. После того как я увидела, у меня сердце не на месте. Среди всех правительств мира нет никого, равного большевикам!

(Девичья песня, записана в Ашхабадском районе.)

В том же духе высказывается и народный певец Кор-Молла из Мервского района:

Ради бедных одержал победу над баями, рассеяв тучи, вывел луну в чистое небо, хорошие для бедняков дела творит большевик. Повсюду открылись школы, деньги пошли на устройство бедноты. Непочитавшиеся за людей стали как бы безгрешными. Дело, непосильное царям и ханам, успешно совершает большевик.

Не ускользают от внимания пролетарских поэтов-самородков и события международного порядка. Они знают о Чемберлене и его замыслах и отвечают ему по заслугам:

Грязный пройдоха,
Ты стравливаешь народы и цепи куешь.
Только все это на свою голову.
Что посеешь, то пожнешь.

Так поет бедняк Куша из аула Багир.

Тот же бедняк Куша, в одну из годовщин союза „Кошчи“,¹ в год проведения земводреформы и отмены бытовых законов у туркмен (выдача малолетних замуж, многоженство и т. д.) пел:

Сегодня я, Куша, старик седобородый,
Точно юноша, радуюсь радостью народной,
Сыны дехканства, вкусившие плоды свободы, —
Все на праздник „Кошчи“!
Дружные, устроим веселый „той“!²
Комсомолец, партиец — все тесной семьей,
Так мы справляем праздник твой —
Щит бедноты — „Кошчи“.
Женщина! Обязательно будь и ты!
Пусть зацветут среди нас цветы!
Мать! Сюда, где стоит твой сын.
Союзу „Кошчи“ — „кутлы болсун“...³

Старик — бахши Куша-Сатар не забывает и про оборону страны. Под названием „Предупреждение врагу“ он слагает:

Туркменистан — пайщик великого Союза.
Весь Союз готовится к отпору.
Разве отстанем мы?
Трудясь в поле, учась,
Готовы и мы.

В туркменском устном творчестве находит свое отражение борьба трудящихся Туркмении за хлопковую независимость Советского Союза, за коллективизацию дехканского хозяйства, за социалистическое переустройство деревни, не взирая на ярое сопротивление наших классовых врагов в ауле; бахши Мюре-оглы из аула Бара-гыз, Фарабского района поет:

Для хлопка много земли подготовили,
Знание и порядок хорошо усвоили,
Давая хлопкому (а не через посредника), тому мы были рады.
Хлопок наша сила и слава...

Но классовый враг не хотел без боя сдавать оружие. Мероприятия Советской власти (вроде земельно-водной реформы), в корне подрывавшие экономическую базу владычества привилегированных слоев, в первую очередь — ишанов, баев и ханов, и, в особенности, проведение сплошной коллективизации и ликвидация кулачества, как класса, вызвали бешеное

¹ „Кошчи“ — союз бедноты и батрачества.

² „Той“ — праздник.

³ „Кутлы болсун“ — приветствие.

сопротивление феодалов и баев, организовавших басмаческие отряды для борьбы с советами. Но и эта последняя ставка классового врага была бита: в 1931 г. доблестными частями Красной Армии были на голову разбиты последние басмаческие шайки, избравшие базой своей деятельности бескрайные и малодоступные пески Каракумов.

Разумеется, такая быстрая и решительная победа Красной Армии в необычайно трудных условиях вооруженной борьбы среди беспредельной, знойной и почти безводной пустыни была возможна только потому, что Красная Армия пользовалась сочувствием и поддержкой трудящихся масс Туркмении. На помощь регулярным красноармейским частям были спешно организованы многочисленные отряды добровольцев-партийцев и комсомольцев туркмен и беспартийных чарводаров и хлопкоробов. Об искренности их участия в борьбе за пролетарское дело красноречиво говорит следующая песня участника добровольческих отрядов:

У подножия крепости я упал и лег. . . Я зарядил свое дальнотбойное ружье и выстрелил. Покуда пришел мой сотник, я погрузился в лужу крови. . . И что это за скверные горы: тот, кто ушел, назад не приходит!

Дорогой товарищ красноармеец, пусть твоя сабля рубит и горы, и камни! . . . И что это за скверные горы: тот, кто ушел, назад не приходит!

У подножия крепости выстроились пушки. . . Дорогой товарищ красноармеец, сто тысяч лет тебе здравствовать! И что это за скверные горы: туман не приходит!

(Записана в Байрам-алийском районе.)

Красная Армия своей борьбой с басмаческими шайками („байскими отрядами“, как их прозвало трудовое дехканство) приобрела себе величайшую любовь и популярность в широких народных массах, как об этом свидетельствуют слова песни одного нищего — слепца, певшего среди народа на празднике 1 Мая:

Желтые сапоги с высокими каблуками, на ногах у красноармейца узкие сапоги. Сбоку у него пятизарядная винтовка, по басмачам он стреляет. Да здравствует наш праздник 1 Мая! Да здравствует национальная Красная Армия!

(Записана в Байрам-алийском районе.)

Если старая царская армия была для туркмен пугалом, то теперь, наоборот, туркменка-батрачка и колхозница, баюкая своего младенца, желает, чтобы у ее сына товарищами были красные командиры:

Мальчик, пусть твой конь будет молод! Пусть твой верховой конь будет первым из скакунов! Пусть красные командиры будут твоими товарищами!

(Колыбельная песня, записана в Байрам-алийском районе.)

Итак, дружными усилиями Красной Армии, пролетариата и трудового дехканства басмаческое движение было окончательно разгромлено, и вместе с ним исчезло препятствие на пути туркменского народа к свободному строительству социализма, к созданию бесклассового социалистического общества.

Выполняя сев, колхозы поднимают свое хозяйство. Настойчиво они в каждом деле выполняют свои планы. Время баев прошло. Эпоха повернулась лицом к пролетариям. Паразиты и кровопийцы удалены из нашей среды. Уничтожая как класс, жмут теперь кулаков. Что есть только сил, не жалея, жмут их. Мы — армия труда — мы сегодня готовы к этой работе! Для труда в колхозах и совхозах мы всегда готовы!

(Народные стихи.)

Уверенно присоединяет свой окрепший, звонкий голос к этой дружной песне бойцов за пролетарское дело и бывшая еще так недавно бесправной и презираемой рабой туркменка — девушка и женщина:

Если в нашем ауле наши женщины будут учиться, если они, составив артель, будут ткать ковры и с раннего утра будут обращать свои взоры к школе, тогда свободным станет наш народ!

Если наши сородичи, уничтожив черные юрты, построят дома, если все они будут жить одним бытом, тогда свободным станет наш народ!

Если они свои жилища наполнят благоуханьем, если все они будут в одном колхозе, если все они будут в одной партии, тогда свободным станет наш народ!

(Записано в Байрам-али.)

Успехи соцстроительства, успехи Советской власти по превращению Туркмении из отсталой аграрной страны в одну из передовых аграрно-индустриальных стран захватывают своим беспримерным пафосом даже лиц, далеко стоящих по своим убеждениям и воспитанию от советской и партийной общественности. Показательно в этом отношении стихотворение Сеит-Джана-Непес-оглы, 59-летнего седого старика, мервского текинца, впервые посетившего в 1930 г. столицу Туркмении Ашхабад и настолько пораженного видом работающей советской текстильной фабрики, что, по своему собственному признанию, последние сомнения относительно прочности Советской власти и окончательного успеха всего дела соцстроительства окончательно испарились из его головы:

Приехал я, увидел город Ашхабад. В нем есть большая мастерская, называемая фабрикой. Построена она в несколько этажей, один на другом. Вся в стеклянных окнах, так и светится.

Взглянешь ночью — светит, как полная луна; взглянешь днем — все равно, как дом с роскошными комнатами. Работы она выполняет массу — словно бы на целый мир. Увидел я тогда, что велика мощь Советского правительства!

Если успехи Советской власти неопровержимой логикой фактов порождают и убеждают даже представителей старого отживающего мира, то для огромного большинства колхозно-совхозной молодежи, не связанной ни идейно, ни экономически с безвозвратно ушедшим прошлым, путь строительства социализма, путь, указываемый генеральной линией партии, является единственным, по которому она идет. Об этом говорят следующие слова 20-летнего стихотворца-самоучки, колхозника аула Кипчак Ашхабадского района, Чары Дурдымова, с которыми он обращается к другим членам своего колхоза:

Этот год прошел. Вы собрали хороший урожай. Узнали вы тех, кто уклоняется вправо и влево. Искренно, от всей души вы стали колхозниками. Готовьтесь же искоренять недочеты!

Вместе с тем наш колхозный молодежь твердо усвоил и помнит, что только под знаменем Ленинского учения он сможет не только сохранить уже имеющиеся достижения, но и рука об руку с пролетариатом всех стран бороться за победу мирового Октября.

Ленин открыл нам путь. Да здравствует Ленинское слово, да здравствует этот новый быт!

Во всех садах распустились цветы... Да здравствует партия, да здравствует новый быт!

Ленин своими словами о равенстве раскрыл народным массам залитые слезами глаза. Уничтожили баев слова Ленина. Да здравствует Ленинское слово! Да здравствует новый быт!

(Стихотворение того же Чары Дурдымова.)

Песни бедняка Куши, из аула Багир:

Душмана Хайбат.

Туркменистан — пайщик великого Союза.

Весь Союз готовится к отпору.

Разве отстанем мы!

Трудясь в поле, учась,

Готовы и мы.

Слушай Чемберлен,

Трудовому народу ты не мешай.

Мы соединились, чтобы мирно работать.

Трудовому народу ты не мешай.

Грязный пройдоха,
Ты стравливаешь народы и цепи куешь.
Только все это на свою голову.
Что посеешь, то пожнешь.

Я, бедняк Куша,
Свою песню кончаю,
Назвавшись бедняком,
Я себя унижаю,
Я ведь богаче тебя, Чемберлен,
Я богаче тебя
Силой!
Нам дорога прямая к победам,
А тебе
Лишь в могилу.

Ф О Л Ъ К Л О Р Н Ы Е Т Е К С Т Ы

Записаны и переведены

А. П. Поцелуевским

ЗАМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

1) Туркменские тексты транскрибированы знаками международного фонетического алфавита (в его видоизмененной форме, предложенной в 1910—1911 гг. проф. Щербой).

2) При пользовании фонетически транскрибированными текстами необходимо иметь в виду следующее:

а) знак ударения ' ставится мной по техническим соображениям непосредственно перед ударенной гласной (а не перед ударенным слогом);

б) ударение отмечено особым значком только в тех случаях, когда оно (вопреки правилу) приходится не на последний слог слова или слитно произносимого словосочетания;

в) знаком *ı* („ı“ без точки) обозначен звук, акустически промежуточный между русскими „и“ и „ы“;

г) долгие звуки *i: ş: u: y:* во время произношения к концу сильно суживаются, приближаясь до некоторой степени к дифтонгам *ij, şj, uw, uj* или *uw*;

д) долгий звук *æ*: будучи в начале своего произношения узким звуком, к концу сильно расширяется;

е) начертанием „*g*“ обозначено звонкое смычное глубоко-задненебное „*г*“ (озвонченное *ç*);

ж) надстрочным знаком краткости *~* отмечены бегло произносимые редуцированные гласные.

3) Квадратными скобками выделены слова, отсутствующие в туркменском тексте и добавленные для большей цельности или удобопонятности русского перевода.¹

¹ Кроме того тексты имеют пронумерованные примечания, которые приложены в конце статьи.

№ 1 (пастухеская песня)

dyj'ø-vaqtūm a : jd'an-a : ja
aj'aqlarūm bold'w̄-ða : ja
barθ'an_g-ajt_wūn xūrd'an-ma : ja
b'ir-čepelik g'ə : n-i : verθin

Dyje baqđm ajdan-aja.
Ajaqlarđm boldь zaja.
Barsaŋ, ajt_wьn Hьrdan-Baja:
Bir cepelik¹ gөн ibersin!

№ 2 (пастухеская песня)

mežewyrde dyj'ø-vaqtūm
g'an-jyrgymi o : d'a-jaqtūm
a : dūm'a-dyj'ø-čap'an-daqtūm
geđ'en-geđθin mežewyrin_g šūrwūnda

Mečevirde² dyje baqđm,
Qan-jyregmi oda jaqđm,
Адьма dyje-сапан даqđm...
Gezen gezsин mečevirin_g şьrьnda!

№ 3 (девичья песня)

čym : 'yl-čym : yl d'epeler
ej'erlik-la 'at-ja : naq
mæ : m'i-ba : jin_g t'i : xa : ni
qojn'a-jaramađ 'it-ja : naq

Cymmil-cymmil depeler
Ejerlik-le at janaq...
Məmi-Bajь_g dajhanь
Qojna jaramaz it³ janaq.

№ 4 (девичья песня)

b'i-dere ba : l'w̄qli-d'ir
θw̄w̄rmw̄đ xa : l'w̄qli-d'ir
čorono qw̄ : đ b'ermeđler
aja_w ča : r'w̄qli-d'ir

Bi dere balьqlь-dьr...
Sь_wьrmьz halьqlь-dьr...
Sorana qьz bermezler.
Aja_wь carьqlь-dьr.⁴

№ 1 (пастушеская песня)

Из месяца в месяц я пас верблюдов.
Мои ноги изранены, исколоты.
Если пойдешь [в аул] скажи Хыдран-Баю,
Чтобы прислал кожи на чепеки (род сандалий)!

Записано в мае месяце 1932 г. в Байрам-али, со слов Яз-Мурада Бек-Мурад-оглы
(туркмен 18 лет из племени эрсари, уроженец Кара-бекаульского района).

№ 2 (пастушеская песня)

Я пас верблюдов у [племени] меджеур.
Кровь моя и сердце испеклись [все равно, как бы] на огне.
К имени своему я присоединил [прозвище] Дюе-Чапан
(т. е. верблюжий пастух)...
[Теперь хватит с меня... Я ухожу...] Пусть, кто гулял, тот
разгуливает среди меджеурских солончаков!

Записано, как и предыдущее четверостишие, от Яз-Мурада Бек-Мурад-оглы.

№ 3 (девичья песня)

Высокие, крутые холмы
Все равно, как оседланный конь...
У Мями-Бая батрак [ленив]
Все равно, как ни к чему негодный пес!

Записано 21 декабря 1927 г. в ауле Ак-кель Каракалинского района со слов Огуль-Джамал Дурды-Мамед-кызы (туркменка 11 лет, из племени гоклен, из рода совролли-чарык, родилась в ауле Кизил, в 5 в. от Кара-кала, сирота, неграмотная).

№ 4 (девичья песня)

[Река] в этой долине изобилует рыбой...
На нашей корове войлочная попона...
За пастуха не отдают [свою] дочь замуж:
На ногах у него лапти-чарыки...

Записано 21 декабря 1927 г. в ауле Ак-кель Каракалинского района со слов Мамед-Хана Чаккы-оглы (туркмен 18 лет из племени гоклен, из рода кеик-совролли, уроженец Чендырской долины; прибыл в Кара-калинский район в 1926 г., земледелец, неграмотный).

№ 5 (ответ на предыдущую песню)

a : dam a : dam d'æ : -mi-dir
xurma ba : dam d'æ : mi-dir
..... q̄u : ð
čoron a : dam d'æ : mi-dir

Adam adam dəl-mi-dir?
Hurma badam dəl-mi-dir?
.....⁵ q̄yz,
Coran adam dəl-mi-dir?

№ 6 (девичья песня)

hož'om-šykyr ha : nūmūð
alapata na : nūmūð
alapata : q' u : rt-dyš^θe
nen'eŋ-geč-r ha : lūmūð

Hoçam-Şykyr⁶ — hanьmьz...
Alapata — nanьmьz...
Alapata qurt dyşse,
Neneŋ gecer halьmьz?

№ 7 (девичья песня)

žar'ar-i : ša : n bašūmūð
juw'a-jelmik ašūmūð
juw'a-jelmik qu : roθa
da : kd'an-a : šar qošūmūð

Çapar-Işan⁷ — başьmьz...
Juva, jelmik⁸ — aşьmьz...
Juva, jelmik qurasa,
Daoŋan aşar qoşьmьz.

№ 8 отрывок из ləle (девичьей песни)

.....
bøjlæ xa : nm̄ŋ qu : ruθūn
ja : ðvar'ūp-tūr o : vanı

.....
Bøjle hanьŋ qurьsьn:
Jazŋarьp-dьr obanь!

№ 5 (ответ на предыдущую песню)

Разве не всякий человек есть человек?
Разве финик [по качеству] не то же, что миндаль?
Такая ты саякая девка,
Разве пастух не человек?

Записано, как и предыдущее четверостишие, от Мамед-Хана Чаккы-оглы.

№ 6 (девичья песня)

Ходжом-Шукюр — наш хан...
Лебеда — наша пища.....
Если на лебеду нападут черви,
Как [тогда] будем существовать?

Записано 21 апреля 1930 г. в ауле 1-й Кичи-ага Серахского района со слов Мухы Яз-Мухоммед-оглы (туркмен 42 лет из племени салыр, из рода чоккара, земледелец, неграмотный).

№ 7 (девичья песня)

Наш глава — Джапар-Ишан...
Юва и ельмик — наша пища...
Если юва и ельмик высохнут,
Вместе со всем нашим имуществом переправимся через
горы [в Персию].

Записано 27 сентября 1930 г. в ауле 2-й Конгур Мервского района со слов Абдул-Керима Пигаммер-Кули-оглы (туркмен 13 лет из племени теке, отдела тохтамыш, грамотный).

№ 8 отрывок из lәle (девичьей песни)

Пусть такой твой хан сгинет:
Разорил он аул!

Записано 21 декабря 1927 г. в ауле Ак-кель Каракалинского района, со слов Огуль-Джамал Дурды-Мамед-кывы (подробности в примечании к песне № 3).

№ 9 (народная песня)

balşevikler pront tuto ukrodū
melşevik jeŋθ'e-verip jørejdi
qa : qadan duşoqta ū : dūn jūknadū
qa : d'ūr-al : a melşeviyi n'i : θ-ejle
.....

Bolşevikler pront tuta uqrady.
Melşevik, jeŋse berip, jøridi,
Qaqadan Duşaqda⁹ ьзын jьqrady.
Qadyr-alla, melşevigi nis ejle!
.....

№ 10 (девичья песня)

θa : rū jypək θoðulor
ba : jlanğ ža : ji roðulor
a : vl'amaūūn aşkaa : t
j'ene i : liŋ dyðylør

Sary jypək sozylar,
Bajlanğ (вм. bajlarğŋ) çajь bozylar.
Aqlamaqrn, Aşqabat:
Jene ilinğ dyziler!¹⁰

№ 11 (народная песня)

økcəθi bejik θ'a : r-æ : dik
θal : 'a : t - gejgen d'a : r-æ : dik
ja : nbaşūnda bæ : şatar
baθmaça : oq atar
ja : ş'a - ja : şa bajram : ūð
ja : şa mil : i eθkerler

Өкcesi bejik sar-ədik (sary ədik),
Sallat¹¹ gejen dar ədik.
Janbaşında bəşatar,
Basmaca oq atar.
Jaşa-jaşa bajramьmьz!
Jaşa milli eskerler!

№ 12 (колыбельная песня)

øvl'on-atūŋ j'a : ş-bolθun
min'en-atūŋ b'aş-bolθun
kem'endi : rler jo : ld'aş-bolθun

Oqlan, atьŋ jaş bolsьn!
Minen atьŋ baş bolsьn!
Kemendirler¹² joldaş bolsьn!

№ 9 (народная песня)

Большевики двинулись развернутым фронтом,
Меньшевики же, обратившись вспять, отошли;
Из Каахка на Душак они бросили [обходным движением]
свои арьергарды.
Всесильный аллах, уничтожь меньшевиков!

Отрывок из народной песни; записан в мае 1932 г. в Байрам-али со слов Назара Баба-оглы (туркмен 29 лет из племени теке, уроженец Байрам-алийского района, рабочий хлопкокомбината № 9, неграмотный).

№ 10 (девичья песня)

Желтый шелк расползется, растянется,
Жилище баев разрушится,
Не плачь, Ашхабад:
Твой народ снова оправится!

Сообщила 16 декабря 1930 г. студентка Ашхабадского рабфака Ай-Солтан Гельдиева (туркменка из племени теке, рода кара-кунгур, уроженка Тедженского района).

№ 11 (народная песня)

Желтые сапоги с высокими каблуками,
На ногах у солдата [красноармейца] узкие сапоги.
Сбоку у него пятизарядная [винтовка],
По басмачам он стреляет.
Да здоровствует наш праздник [1-е Мая]!
Да здоровствует национальная [Красная] армия!

Записана в мае 1932 г. на 1-м хуторе совхоза „Рассадхлопок“ Байрам-алийского района со слов Мухоммеда-Берди Анна-Непес-оглы (туркмен 14 лет из племени теке, уроженец 84 поселка Байрам-алийского района, ученик Совхозуча), объяснившего, что он слышал эту песню от одного нищего (patasъ) во время первомайской демонстрации.

№ 12 (колыбельная песня)

Мальчик, пусть твой конь будет молод!
Пусть твой верховой конь будет первым [из скакунов]!
Пусть [красные] командиры будут твоими товарищами!

Записано также со слов Мухоммеда-Берди Анна-Непес-оглы в мае 1932 г.

№ 13 (песня участника борьбы с басмачеством)

qala : nūŋ dy : vinde jūqūld'ūm-jat : ūm
 a : jnalı tıpeŋmi do : ldūrd'ūm-at : ūm
 jyđbaşūm geli : nçæ qa : n-der'æ : -bat : ūm
 bu-n'a-jaman da : vlar giden g'elmejdu : r
 şa : n jo : ldaş qūđleθker qūlwāşūŋ i : şleθin
 da : v-bilen da : şa
 bu-n'a-jaman da : oŋlar giden g'elmejdu : r
 qala : nūŋ dy : vinde duplor (nado : toplor) dyđildi
 şa : n jo : ldaş qūđleθker θen jyđ myŋ ja : şa
 bu-n'a-jaman da : vlar giden g'elmejdu : r

Qalanıŋ dybinde jıqıbdım, jatdım.
 Ajnalı tıpeŋmi¹³ doldırdım, atdım.
 Jyzbaşım gelince, qan-derə batdım.
 Bu ne jaman daoŋlar: giden gelmejdur!
 Çan joldaş qızlesker (qızıl esker), qılbıŋı işlesin
 Daoŋ bilen daşa!...
 Bu ne jaman daoŋlar: giden gelmejdur!
 Qalanıŋ dybinde toplar dyzildi...
 Çan joldaş qızlesker, sen jyz myŋ jaşa!
 Bu ne jaman daoŋlar: duman gelmejdur!

№ 14 (песня)

kəp waxūtlar geđdim gəđ ja : şūm dəkŷp
 indi şa : di-xa : ram (nado : xor : am) bolaθūm geljar
 indi mekteplerde şa : n-edip oqar
 aŋ bilimden pa : jūm alaθūm geljar
 jo : q-bol θun tyrkmeniŋ qū : đ θatmaq pæ : li
 qū : đlarūŋ jaşwθūn ba : jlar aljarlar
 qū : đlarūŋ rahŋeri qamθomol : ar
 qamθomol θarūnda duraθūm geljar

Kəp vaqətlar gezdım, gəz jaşın dəkip,
 İndi şadı-horram bolasım geljər.
 İndi, mekteplerde çan edip oqar,
 Aŋ-bilimden rəjım alasım geljər.
 Joq bolsın tyrkmeniŋ qız satmaq pəli!¹⁴
 Qızlarıŋ jaŋşsın bajlar aljarlar...
 Qızlarıŋ rahberi komsomollar:
 Komsomol sarında durasım geljər.

№ 13 (песня участника борьбы с басмачеством)

У подножия крепости я упал и лег...

Я зарядил свое дальнобойное ружье и выстрелил.

Покуда пришел мой сотник, я погрузился в лужу крови.

[И] что это за скверные горы: тот, кто ушел, [назад] не
приходит!

Дорогой товарищ красноармеец, пусть твоя сабля рубит

И горы и камни!...

[И] что это за скверные горы: кто ушел, назад не приходит!

У подножья крепости выстроились пушки...

Дорогой товарищ красноармеец, сто тысяч [лет] тебе

здоровствовать!

[И] что за скверные это горы: туман не приходит!

Записано в мае 1932 г. на первом хуторе совхоза „Рассадхлопок“ Байрам-алийского района со слов Сеида Атак-оглы (туркмен 16 лет из племени эрсари, уроженец Саятского района, учащийся совхозуча).

№ 14 (песня)

Много времени я бродил, проливая из глаз своих слезы,

Теперь же мне хочется быть веселым и радостным.

Теперь мне хочется, усердно учась в школах,

Взять свою долю просвещения.

Да сгинет у туркмен мысль продавать дочерей!

Лучших девушек берут себе баи...

Комсомольцы — руководители девушек:

Мне хочется быть в рядах комсомола.

Записана, как и предыдущая песня, от Сеида Атак-оглы

№ 15 (девичья песня)

ajroplan geljar ajlanŭp
jerden gø:kten θajlanŭp
meniŭ dovonŭm an:a-verdi
gelθin mo:l:alardan θajlanŭp.

Ajroplan geljær, ajlanър,
Jerden, gøkden sajanър...
Meniŭ doŭanъм Anna-Berdi
Gelsin, mollalardan ¹⁵ sajanър!

№ 16 (вариант двух последних стихов предыдущей песни)

.....

meniŭ eŭem ovul-kejik
θ'en-de gelgin ŭajlanŭp

.....

Meniŭ eŭem Oŭyl-Kejik,
Sen-de gelgin, ŭajlanър!...¹⁶

№ 17 (народные стихи)

o:va: nŭŭ qŭ: ðlarŭna a:ldat:ŭm ø:ðimi
θaŭa bir ða:t di:θem kø:r bolθun gøðŭm
jam'anl'ŭŭ-da g'ørmeθin gøðŭm.
t'aŭla i:ŭiŭi jør gideli oquwa

Obanъŭ qъzlarъna aldatdъм øzimi...
Saŭa bir zat disem, kør bolsъn gøzim!
Jamanлъŭŭ-da gørmesin gøzim!
Taŭla iŭiŭi: jør gideli oquva!

№ 18 (девичья песня)

bulŭtli gyn 'a:j-bolmoð
gørŭp gøwnŭm ŭ'a:j-bolmoð
æ:hli høkymet ičin:e
bolŭewiye t'a:j-bolmoð

Bulътль gyn aj bolmaz...
Gørip, gøvnim çaj bolmaz.
Ehli høkimet icinde
Bolŭevige taj bolmaz!

№ 15 (девичья песня)

Аэроплан летит, кружась,
Между землей и небом...
Пусть мой брат Анна-Берди
Приезжает отменным ученым!

Записано зимой 1926 г. в ауле Кеши Ашхабадского района со слов Огуль-Солтан Рахматылла-кызы (туркменка 56 лет, неграмотная, уроженка Анау, предки — йомуды, выходцы из Хивы).

№ 16

Мамочка моя Огуль-Кеик,
Ты тоже в своем серебряном уборе приходи [посмотреть]!...

№ 17 (народные стихи)

Я дал себя обмануть аульным девушкам...
Если я скажу тебе что-нибудь [плохое], пусть ослепнет мой
глаз!
Пусть мои глаза не видят твоего худа!
Бросай свою работу: давай идем учиться!

Записано в мае 1932 г. в Байрам-али со слов Огуль-Сапар Нобатовой (туркменка 16 лет из племени эрсари, сирота, уроженка Байрам-алийского района, ученица ФЗУ).

№ 18 (девичья песня)

В облачный день не может быть луны...
После того, как я увидала, у меня сердце не на месте.
Среди всех правительств [мира]
Не может быть никого, равного большевикам!

Записано в 1926 г. в г. Ашхабаде со слов Анна-Берди Беки-оглы (туркмен 20 лет, уроженец аула Кеши возле Ашхабада, предки — йомуды, выходцы из Хивы, слушатель Ташкентского рабфака).

№ 19 (стихи)

o : ʎa : m̄w̄ðda aja : l : aṛw̄m̄w̄ð oqɔθa
 art'w̄ : l-bolup doqm'a-ha : l : doqɔθa
 ert'i : r-bilen mekteplere baqθalar
 şonda a : θ'a : t-bolor biðiŋ i : l : erimið
 qara øjleriṛw̄q̄w̄p ta : mlar θalθalar
 hem : 'eşeθi bir durmw̄šta bolθolar
 şonda a : θ'a : t-bolor biðiŋ i : l : erimið
 ta : mlarw̄na atw̄r-mw̄şqı θepθeler
 hem : 'eşeθi bir kalxo : ðda bolθolar
 hem : 'eşeθi bir p̄w̄rqada bolθolar
 şonda a : θ'a : t-bolor biðiŋ i : l : erimið

Obam̄zda ajallar̄m̄z oqasa,
 Artyl¹⁷ bol̄p, doqma-hal̄b doqasa,
 Ertir bilen mekteplere baqsalar,
 Şonda azat bolar biziŋ illerimiz!
 Qara øjleri¹⁸ ṛq̄p̄r, tamlar salsalar,
 Hemmeçesi bir durm̄şda bolsalar,
 Şonda azat bolar biziŋ illerimiz!
 Tamlar̄na at̄r-m̄şq̄b sepseler,
 Hemmeçesi bir kolhozda bolsalar,
 Hemmeçesi bir p̄rqada bolsalar,
 Şonda azat bolar biziŋ illerimiz!

№ 20 (стихи)

ek'in-ekip kalxoðlar
 hoş'alw̄kw̄ qaldw̄rja : r
 w̄qž'am-durup her i : šte
 pul'onlarw̄n (надо: p̄w̄la : nlarw̄n) do : ldw̄rja : r
 øt'yp-døwra : n ba : jlardan
 jo : qθ'w̄l : ara ajlandı
 mux'ut-i : jen qa : nho : rlar
 a : r'am̄w̄ðdan θajlandı
 θw̄n'w̄p-høkym̄inde j'o : k-edip
 qul'oqları qw̄θja : rlar
 aw̄'am̄w̄ðza aw̄ramla : p
 døðymilže baθja : rlar
 biðler ðæhmet goşunı
 bu-γyn bu i : ş'e-taj : a : r
 qalxoð θafx'oðlar-yçy : n
 bið'er hemi : ş'e-taj : a : r

№ 19 (стихи)

Если в нашем ауле наши женщины будут учиться,
Если они, составив артель, будут ткать ковры
И с раннего утра будут направлять свои взоры [по направле-
нию] к школе,
Тогда свободным станет наш народ!
Если [наши сородичи] уничтожив [букв.: повалив] черные
юрты, построят дома,
Если все они будут жить одним бытом,
Тогда свободным станет наш народ!
Если они свои жилища наполнят благоуханием [букв.: духами
и мускусом],
Если все они будут в одном колхозе,
Если все они будут в одной партии,
Тогда свободным станет наш народ!

Записано весной 1932 г. в Байрам-али со слов Огуль-Сапар Нобатовой (туркменка
16 лет из племени эрсари, сирота, уроженка Байрам-алийского района, ученица ФЗУ).

№ 20 (стихи)

Выполняя сев, колхозы
Поднимают хозяйство.
Настойчиво они в каждом деле
Выполняют свои планы.
Время баев прошло,
Эпоха повернулась [лицом] к пролетариям.
Паразиты и кровопийцы
Удалены из нашей среды.
Уничтожая, как класс,
Жмут [теперь] кулаков.
Что есть только сил,
Не жалея, жмут их.
Мы — армия труда —
Мы сегодня готовы к этой работе!
Для [труда в] колхозах и совхозах
Мы всегда готовы.

Записано в мае 1932 г. на 1-м хуторе совхоза „Рассадхлопок“ Байрам-алийского
района со слов Куль-Мырада Чары-оглы (туркмен 15 лет из племени теке, уроженец
84-го поселка Байрам-алийского района).

Ekin ekir, kalhozlar
Ноçальць qaldırjar.
bqçam durır, her işde
Рыанларын doldırjar.

Ətir, dövran, bajlardan
Joqsıllara ajlandı.
Муqьт ijen qanhorlar
Aramızdan sajlandı.
Sыныр həkiminde joq edip,
Kulaklarь qьsjarlar.
Aqrammьzça aqramlap,
Dəzimilçe basjarlar.

Bizler — zehmet qoşьны —
By gyn by işe tajjar!
Kolhoz-sofhozlar ycin
Bizler hemişe tajjar!

№ 21 (песня)

men bīr çoron ovl'ū-men
ju : w'rt-i : limi θəj'ør-men
dald'a-geđīp çap'ar-men
qoj'un-quđi baq'ar-men
ačwıldı gyl honçolar
javš'ū-boldū b'aqçalar
'ej-tevi : kat θaŋ'a-şykyr
bolxonda gylθ'in-bolər
šem'a : l-geljæ : r gyryldæ : p
avaşlarū θilkelæ : p
g'i : c-bolxonda qajd'ar-men
gojul : arūmı mæ : ledīp
gø : m-gø : k otlar içinde
av'aşlar θa : jaθūnda
ojn'armen hem gyl'ərmen
gojul : arūmūŋ içinde

Men bir copan oqlь-men,
Juvrt-ilimi səjermen.
Dalda gezip, caparmen,
Qojьn-quzь baqarmen.
Acьldь gyl honçalar,
Jaqlь boldь baqçalar.
Ej, tebiqat, saŋa şykyr!
Bolanda gylsin bolar.

№ 21 (песня)

Я сын пастуха,
Я люблю свой край и свой народ.
Позади [стада] я скачу верхом,
Овец и ягнят я пасу.
 Раскрылись почки цветов,
 Хороши стали бахчи.
 Спасибо тебе, природа!
 Хороша ты в хорошее время.
Дует ветер, шумит,
Коледлет деревья,
Поздно [вечером] я возвращаюсь [в аул]
Вместе со стадом блеющих овец.
 Среди темнозеленых трав,
 В тени деревьев
 Играю я и смеюсь
 Среди своих овец.

Записано в мае 1932 г. в Байрам-али со слов Шукура Сапар-оглы (туркмен
15 лет из племени теке, уроженец Каахкинского района, учащийся ФЗУ).

Şemal geljər, gyryldər,
Aşaqlar silkelər.
Gic bolanda qajdarmen,
Qojnlarъmъ məledir.

Gəm-gök otlar icinde,
Aşaqlar sajasında
Ojnarmen hem gylermen
Qojnlarъmъ icinde.

№ 22 (стихи)

bar'w̄p-gördŷm aškaua : dūŋ šehrini
fabr'ik-a : tli ulı dyka : n b'a : r-eken
'yθt-yθtine qa : v'at-qa : vat jaθalan
tama : m a : jna jalq'w̄m-berip d'u : r-eken

gi : ş'e-gørθeŋ jalq'w̄m-berer 'a : j-ja : lı
gynd'i : θ-gørθeŋ k'øšk-otavlı ş'a : j-ja : lı
i : ş bitirişi əhli dynjæ : t'a : j-ja : lı
gy : şin gördŷm həkymetiŋ θ'o : r-eken.

Barıp gərdim Aşqabadıŋ şehrini.
Fabrik¹⁹ atlı ulı dykan bar-eken:
Ysti ystine qabat-qabat jasalan,
Tamam ajna jalqəm berip dur-eken

Giçe gərsen, jalqəm berer jalb.
Gyndiz gərsen, kəşk²⁰ otaqlı çaj jalb.
İş bitirişi ehli dynjə taj jalb.
Gyjçin gərdim həkimetin zor-eken!²¹

№ 23 (стихи)

bið'iŋ-yçy : n li : nin aştū jo : l : arı
li : nin θøði kəp ja : şaθūn şu durmūš
h'em : e ba : vūŋ ačw'w̄p-tūr gyl : øri
pa : rtūjalar kəp ja : şaθūn şu durmūš
li : nin gelip aştū niçe jyðleri
deŋl'ik-di : p a : vla : n ja : şlı gøðleri
ba : jları j'o : v-et : i li : nin θøðleri
li : nin θøði kəp ja : şaθūn şu durmūš

Biziŋ ycin Lenin acdı jolları.
Lenin sözi kəp jaşasın şu durmş!
Hemme baqlı acılp-dır gylleri.
Partjalar kəp jaşasın şu durmş!

№ 22 (стихи)

Приехал я, увидел город Ашхабад.
[В нем] есть большая мастерская, называется фабрикой.
Построена она в несколько этажей, один на другом.
Вся в стеклянных окнах, так и светится.
Взглянешь ночью — светит, как полная луна,
Взглянешь днем — все равно как дом с роскошными комнатами.
Работы они выполняют [массу] — словно бы на целый мир.
Увидел я [тогда], что велика мощь [Советского] правительства!

Стихотворение составлено Сеид-Джаном Непес-оглы после посещения им в начале 1930 г. текстильной фабрики в Ашхабаде и доставлено в Туркменкульт его родственником Мухамед-Мурадом Непеслиевым. Транскрипция и перевод выполнены А. Поцелуевским. Транскрипция составлена применительно к стандартному (наиболее распространенному) произношению и особенностей говора самого Сеид-Джана не передает. Сеид-Джан Непес-оглы — туркмен 59 лет из племени теке (отдела утомыш, рода бахши, колена зёкир-чельтек), уроженец и постоянный житель аула Мюльк-бахши Мервского района, малограмотный, по профессии — кузнец!

№ 23 (стихи)

Ленин открыл нам путь.
Да здравствует ленинское слово, да здравствует этот [новый]
быт!
Во всех садах распустились цветы.
Да здравствуют [члены] Партии, да здравствует [новый] быт!
Ленин своими словами о равенстве раскрыл народным
массам [букв.: несколько сот]
Залитые слезами глаза.
Уничтожили баев [т. е. богачей] слова Ленина.
Да здравствует ленинское слово! Да здравствует
[новый] быт!

Lenin gelip acdı nice jyzleri,
Deñlik dijip, aqlan jaşlb gözleri.
Bajlarь joq etdi Lenin sözleri.
Lenin sözi көp jaşasьn şu durmьş!

№ 24 (стихи)

·ek'in-ekip ha : θ'ūl-alan dajha : nlar
j'ene-indi ja : θ-ekinine taj : 'a : r-bol
ekin-jerine der'īθ-døken dajha : nlar
geleǰekte kə : n ekmə : γε taj : 'a : r-bol

tar'ap-tutüp ti : reva : ðlūq edjə : ni
·θøwdegə : r'l'ik-edip guma gidjə : ni
a : ra : ηūðda bi : rin ikə : θatja : nь
a : ra : ηūðdan θajlama : va taj : 'a : r-bol

·hoǰlūqta bi : k'ə : r-geðen aja : l : ar
oqoma : va көp edjə : n-dir hūja : lı
geleǰekte bið oq'a : rūθ di : jə : nler
wax'tūq-boldū a : η-bilime taj : 'a : r-bol

·baş'lūq-bolüp dajha : n haqūn i : jə : ni
køcə : θūma : n baj'ar-dūrūn di : jə : ni
her naharūnū ar'aq-bilen i : jə : ni
·a : ra : ηūðdan jo : v-etmə : γε taj : 'a : r-bol

·gešti bu-jūl jaxşı ha : θūl aldūnūð
θa : v'a-θola qū : şarja : ni bildiñið
høw'eθ-bilen θiðler kolho : ð boldūnūð
na : doxū : ni jo : v-etmə : γε taj : 'a : r-bol

derñewçi : mið b'a : r-dūr θered'ip-jørə : n
na : doxū : n'ı-vilip i : şin'i-γøren
oycı-θayran : i : de h'em : e-de θo : ra : n
na : doxū : ni ajtma : va taj : 'a : r-bol

Ekin ekip, hasıl alan dajhanlar,
Jene indi jaz ekinine tajjar bol!
Ekin jerine deris døken dajhanlar,
·Geleçekde көn ekməge tajjar bol!

Tarap tutьp, tirebazlıq²² edjəni,
·Søwdegərlik edip, quma gidjəni,
Arañьzda birin ikə satjənь
Arañьzdan sajlamaoqa tajjar bol!

№ 24 (стихи)

Собрав урожай со своих полей, дайхане,
Готовьтесь теперь снова к весенней посевной!
Удобрив пахотную землю, дайхане,
Готовьтесь в будущем много сеять!

Готовьтесь изгнать из своей среды
Пристрастных разжигателей междуплеменной розни,
[Всех] уходящих в пески для торговли,
[Всех] продающих вдвадорога!

Без дела бродящие по хозяйству женщины
Много думают об учебе;
Они говорят: „Мы будем учиться“.
Ваше время настало . . . Готовьтесь к просвещению!

Будьте готовы изгонять из своей среды
[Всех], кто, пользуясь своим положением начальника,
объедает дайхан,
[Всех], кто говорит: „Я такой большой барин, что меня
не умещает улица“.
[Всех], кто каждый свой обед запивает водкой!

Этот год прошел; вы собрали хороший урожай,
Узнали вы тех, кто уклоняется вправо и влево;
Искренно, от всей души вы стали колхозниками.
Готовьтесь же искоренять недочеты!

Есть у нас представители РДИ, что смотрят за всем,
Видят неправильно творимые дела,
На общих собраниях они спрашивают обо всем.
Будьте же готовы [открыто] сказать о неполадках!

Два последних стихотв. № 23 и № 24 являются произведениями стихотворца-самоучки (нигде еще не печатался) Чары Дурдым-оглы (колхозник аула Кипчак Ашхабадского района, 20 лет, происходит из племени теке, рода кара-конгур, грамотный: учился 4 года в медресе. Стихотворение получено Туркменкультом 11 декабря 1930 г. Транскрипция (в соответствии со стандартным туркменским произношением) и перевод выполнены А. П. Поцелуевским.

Hoşalьqda bikər gezen ajallar
Oqьmaσja kər edjən-dir hьjallar:
„Gelecekde biz oqars“ — dijənlər.
Vaσtьη boldь Aη-bilime tajjar bol!

Başlьq bolьr, dajhan haqьn ijəni,
„Kecə sьσtman bajar²³ - dьrən“ — dijəni,
Her naharьnь araқ bilən ijəni .
Araηьzdan joq etməge tajjar bol!

Gecdi bu jьl, jaσjь hasьl aldbηьz,
Saσja-sola qьsarjənь bildiηiz,
Həves bilən sizler kolhoz boldbηьz.
Nədoσrьnь joq etməge tajjar bol!

Dernəvcimiz²⁴ bar-dьr seredip jərən,
Nədoσrьnь bilip işini gərən,
Obcь-sabrannide hemme-de soran.
Nədoσrьnь ajtmaσja tajjar bol!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. „Серек“ — обувь в виде кожаной подошвы, подвязываемой к ноге веревочками или ремешками.
2. Meşevir — название одного из родовых подразделений племени теке.
3. Qoјna јaramaz it — собака, негодящаяся (пасти) овец.
4. Сагьq — кожаная обувь в форме лаптя.
5. Опущено три нецензурных слова.
6. Ноғам Şукур — один из ханов племени салыр.
7. Іşап — название высших духовных лиц у туркмен; звание ишана наследственно. Çараг-Іşап был ишаном у рода векиль.
8. Јува, јelmik — названия дикорастущих трав.
9. Qаqа (Каахка) и Дуşаq (Душак) — названия поселений городского типа, расположенных по линии Среднеазиатской железной дороги между Мервом и Ашхабадом (Душак ближе к Мерву, Каахка — к Ашхабаду). По справке П. Арбекова, при наступлении большевиков со стороны Мерва на Душак, меньшевики, отступив от Каахка, нанесли оттуда (обходным движением со стороны песков) удар большевикам.
10. Настоящий образец фольклора представляет собой переделку старой песни о русских — завоевателях Ахал-текинского оазиса. Характерно то, что выросшее классовое самосознание туркмен трудящихся позволило им переключить старую национальную ненависть к русским на своих „собственных“ баев-эксплоататоров.
11. Слово sallat (т. е. солдат) обычно применяется по отношению к солдатам старой царской армии и лишь изредка (как, например, в данном случае) употребляется в значении красноармейца.
12. Термин kеmеndir (командир) появился в народном туркменском языке в революционное время; командиры старой армии назывались еrсер (офицер).
13. Ајпаһ туреп — ружье с приспособлением для прицела в форме небольшой рамочки (ајпа — зеркало, оконное стекло, окошко, рама).
14. Отклик на историческое постановление 3-й сессии ЦИК'а ТССР 1-го созыва от 6 октября 1926 г., раскрепостившее туркменскую женщину (запрет калыма, многоженства, ограничение брачного возраста и т. д.).
15. Слово molla (мулла) не имеет в устах туркмен специфически клерикального значения; этим словом еще совсем недавно обозначали в народной среде вообще всякого грамотного человека („грамотея“); в наше время оно нередко употребляется аульным населением в значении „учитель“.
16. Şај (от персид. شاهى — мелкая серебряная монета) — общее название туркменских женских и девических серебряных украшений; отсюда глагол şајлапmaq — надевать на себя женские серебряные украшения.

17. Организация производственных артелей (ковродельческих, шелководческих и т. п.) явилась одним из средств экономической эмансипации туркменской женщины.
18. *Өј* (юрта, кибитка) переносное жилище туркмен в виде войлочного шатра, натягиваемого на каркас из деревянных палок (в форме цилиндра, накрытого приплюснутым куполом). От дыма костра, разводимого на очаге посреди юрты, войлок ее скоро чернеет, оттого и сама она называется *қаға өј* (т. е. черная юрта). Для недавно женатых, но еще не отделившихся от своего отца сыновей нередко ставится отдельная новая юрта без очага (следовательно, не закоптившаяся), называемая *ақ өј* (белая юрта).
19. Имеется в виду Ашхабадская текстильная фабрика, одно из первых крупных достижений на пути превращения Туркмении из страны аграрной в страну аграрно-индустриальную.
20. *Көşk* — киоск, павильон.
21. При посещении мной в 1930 г. аула Мюльк-бахши, Сеид-Джан, восторженно описывая свои впечатления от посещения текстильной фабрики, признался мне, что при виде множества мощных и сложных машин, согласованно работавших на фабрике, он „понял, что большевики обязательно победят“ (А. П.).
22. *Tirbazlyq*, т. е. междуплеменной антагонизм, один из пережитков родового строя, нередко является в руках классового врага серьезной помехой успешности социалистического строительства в Туркм. ССР.
23. *Вајар* значило раньше „чиновник“, теперь — „бюрократ“.
24. *Дегн евсі* — исследователь, расследователь, контролер, представитель советских контрольных органов (в данном случае — РДИ, т. е. Рабоче-дехканской инспекции).

Ашхабад,
13 июня 1932 г.

О. И. ШАЦКАЯ

МОТИВЫ
ЖЕНСКОЙ ДОЛИ
В ТУРКМЕНСКОЙ
ЛИРИКЕ

Туркмения, вступившая на широкий путь социалистической реконструкции всего своего хозяйства, быстро и неуклонно меняет прежние отжившие формы своей жизни на соответствующие новые.

Исчезает старый быт с его пережитками. С ним вместе исчезнут и старинные песни „бахшей“,¹ забудутся сказки, замененные новыми формами устного творчества и литературными произведениями молодых писателей Туркмении, и, может быть, только некоторые пословицы, поговорки и прибаутки в своем прежнем неизменном виде сохранятся в новом быту в новом их применении.²

Вместе с тем, фольклорные произведения являются сплошь и рядом документами огромного исторического значения, помогающими расшифровать отдельные странички прошлого страны, в которой они создавались, и дающими возможность изучать быт человека, жившего в ней.

Многие научно-исследовательские учреждения как в самой Туркмении, так и в центрах, правильно учитывая и оценивая все эти факты, стараются, наряду с работами по записи нового творчества, — колхозного, в спешном порядке, пока не поздно, собрать и зарегистрировать и старые фольклорные произведения туркмен, командировав для этого на места целые экспедиции и отдельных лиц.³

¹ Певцы, разделяющиеся на профессионалов и любителей. Выступают на пирах, свадьбах и в домашней обстановке. Репертуар разнообразный.

² Этот отдел туркменского фольклора особенно богат и красочен.

³ По собиранию туркменского фольклорного материала большие работы проведены сотрудником существующего в Ашхабаде Института туркменской культуры (Туркменкульт) А. П. Поделуевским. См. его статью „Стихотворный ритм гокленских народных песен“. Ашхабад, 1928. Опубликованы были некоторые записи по туркменскому фольклору ак. А. Н. Самойловича, М. Гельдиева и др.

Музыкальное оформление, текст и перевод стихотворных произведений [передовавшихся большей частью устно] старинных туркменских авторов и нескольких женских песен

В 1930 г., летом, мне также удалось записать довольно много женских песен, поющих туркменками Мервского оазиса. Некоторые из этих песен я приведу здесь (пополнив их количеством стихотворением, сочиненным нашей современницей туркменкой Кейкиль Бердыкылычевой), но предварительно постараюсь дать краткую характеристику страны, женскому населению которой посвящена настоящая работа.

Туркмения, до завоевания ее царским правительством, находилась в той стадии, когда при наличии родового строя уже имеется довольно ярко выраженное деление на классы. Сделавшись царской колонией, Туркмения подпала под двойной гнет. Российское правительство, проводя политику по отношению к кочевникам туркменам через посредство своего вассала — хивинского хана, предоставило последнему право в свою очередь безнаказанно притеснять туркменское население. В случае надобности на помощь хану посылались войска для „усмирения“ восставших туркмен. Основная тяжесть такого подневольного положения, разумеется, ложилась на беднейшие классы туркменского общества, т. е. на большую его часть. Неудивительно, что находящаяся в подобных условиях Туркмения в течение многих лет продолжала оставаться страной отсталой в промышленном и культурно-политическом отношении, страной полукошевого, а местами и кочевого быта, страной-колонией.

Совершенно иные задачи были поставлены революцией, которая уничтожила все преграды, тормозившие развитие Туркмении. На очередь встала задача превратить эту полупустыню¹ в обширную культурно-промышленную базу, использовав местные сырьевые богатства и специфические особенности ее климата. Потребовалось уделить серьезное внимание трудящейся части населения Туркмении, а также развернуть большую и ответственную работу среди отсталых туркменских женщин с целью их перевоспитания в активных участниц реализации намеченных планов.

Что же представляла собой туркменская женщина в недавнем прошлом?

До поездки в Туркмению, по некоторым печатным источникам, касающимся Средней Азии, у меня создалось не совсем правильное впечатление о прежнем положении туркменки: на основании этих работ можно было подумать, что оно значительно лучше, чем у живущих рядом женщин Узбекистана, Таджикистана, Персии и т. д. Но на месте я убедилась, что обстоятельства дела вовсе не таковы, как можно было предполагать. Одним из весьма обманчивых фактов явилось то, много раз упоминавшееся в печати обстоятельство, что у туркменских женщин не было в обычае носить на лице покрывало или закутываться в чадру. Как известно, ношение чадры, наряду со многими другими религиозными предрассудками, является влиянием мусульманства, которое не успело развиваться в Туркмении в такой

дается в книге В. Беляева и В. Успенского „Туркменская музыка“. ГИЗ, 1928. Сведения о самих туркменских поэтах старого времени мы имеем в многочисленных трудах А. Н. Самойловича.

¹ Большой процент общей территории Туркмении занимают пески пустыни Каракум.

сильной степени, как, например, в Узбекистане. Однако, у туркменок имеется обычай не менее унижительный — рот туркменки постоянно прикрыт концом особого головного платка (называемого „jařmaq“), что служит эмблемой молчания. Существовало и еще множество других ухищрений, чтобы сделать ее положение бесправным и зависимым. Родовой быт, давно уже успевший дифференцироваться на классы, и вся обстановка, окружавшая туркменку в течение многих веков, породили целый ряд преследующих эту цель диких обычаев, в большинстве случаев узаконенных обычным правом, с которыми в настоящее время приходится так упорно бороться. Ранняя выдача замуж, купля и продажа, подневольное, зависимое положение, особенно после замужества, в бедных семьях — выполнение непосильных для женского организма работ, в богатых — часто встречающееся многоженство — все это являлось факторами, чрезвычайно тормозившими культурное развитие туркменки.¹

Для того, чтобы ускорить процесс повышения культурного уровня туркменской женщины, потребовалось возможно скорее пойти ей навстречу и помочь найти правильный путь к широкой дороге ее товаров — женщин более передовых в этом отношении республик СССР.

Однако, появившийся в 1923 г. первый декрет² о запрещении калыма имел незначительный успех, ввиду того, что трудящиеся Туркмении не были к нему подготовлены в достаточной мере. Совсем иные положительные результаты дали декреты 1926 г., касающиеся многоженства, калыма, выдачи замуж малолетних и развода, ограждающие права и интересы женского населения Туркмении, проекты которых были предварительно обсуждены на аульных собраниях и на широких дехканских конференциях.³

В настоящее время созданы основные условия, необходимые для культурного развития трудящихся туркменок. Особенно заметны успехи, сделанные в этом отношении за последнее время. Наблюдается быстрый рост количества женщин, работающих в различных предприятиях ТССР, и уже имеются туркменки, занимающие ответственные посты. Активное участие в перевыборных кампаниях возросло с 3.0% в 1927 г. до 67.5% в 1931 г.⁴ Многие из них вовлечены в средние и высшие учебные заведения, посещают различные курсы и т. д.

¹ Интересные сведения, частично освещающие быт туркменки, приведены в следующих статьях: 1) А. Морозова. Труд туркменки. (Влияние быта на направление женского труда в Туркмении). Туркменоведение, 1929, № 6—7, стр. 17—24; С. Морозова. К этнографическим характеристикам районов Туркмении. (Бытовая обстановка и женский труд в районе Джебельского аула). Туркменоведение, 1929, № 1, стр. 71—83.

² Еще до вступления Туркмении в СССР, которое состоялось в 1926 г., Советская власть начала укрепляться в Туркмении с конца 1919 г.

³ Перимова. Что дал Октябрь туркменской женщине. (О бытовом законодательстве). Туркменоведение, 1927, № 2—3, стр. 48. См. также статью В. Беловой „Женотделы в Туркмении“ (К X-летию женотделов), Туркменоведение, 1928, № 12, стр. 33—42.

⁴ Крылов. Советское строительство Туркменской ССР. „За социалистическую Туркмению“, 1932, № 3—4, стр. 30.

К сожалению, еще много трудностей и до сих пор стоит на путях освобождения туркменки. Туркменская женщина так мало развита, что пойти открыто против „адата“¹ ей стоит иногда больших усилий. Достаточно сказать, что процент грамотности среди женского населения аулов до недавнего прошлого был совсем ничтожен, и это обстоятельство делает окончательное раскрепощение туркменской женщины крайне затруднительным. Предстоит еще долгая и упорная борьба. Но сдвиг уже сделан. Даже туркменки кочевницы начинают понимать, что прежнее их положение изменилось. Мне в Ашхабаде рассказывали о некоторых выбранных на съезд делегатках, которые, несмотря на уговоры родных об отказе от участия в конференции, все же выезжали из своих аулов, хотя и в сопровождении всей семьи, так как в одиночестве делегатку на съезд не пускали домашние. (Такие „коллективные“ выезды делегатов вместе со своими домохозяевами отчасти объясняются тем, что кочевому или полuosедлому туркмену не составляет особенно большого труда сняться с места со всем своим хозяйством.) Так и появлялись в городе целыми караванами: с кибитками, верблюдами, лошадьми и прочим имуществом.

Все этапы, проходимые туркменкой на путях своей истории, отражаются в ее песнях и других видах творчества. Здесь будут приведены несколько образцов, наиболее ярко фиксирующих в себе те эпохи, в которые они создавались: старое время — три женских фольклорных произведения и годы после революции — обращение в стихотворной форме к туркменкам одной из наиболее передовых среди них женщин, тов. Бердыкылычевой.

Первая из публикуемых ниже песен — старинная, характеризует собой тяжелое забитое положение молодой туркменской женщины, выданной замуж против воли в дальний аул. Она лишена возможности когда-либо увидеться со своими родными, подругами, выхвачена из родной, знакомой с детства обстановки и отдана в чужую семью, купившую ее как вещь и требующую от нее беспрекословного подчинения и повиновения. Начало песни указывает на то, что сама девушка очень хорошо понимает свое положение рабы, которую можно продать куда угодно. Но бороться у нее нет сил, она может только жаловаться:

čũŋül qıjā dāş atmāŋ
 batar giđer ene-çān
 jād̄ illere q̄bjđ 0atmāŋ
 jiter giđer ene-çān
 meniŋ gitçek jōl̄ma
 bādam ekiŋ ene-çān
 bādam baş̄ q̄ajda^bnda
 bālām diŋin ene-çān.²

¹ Обычное право.

² Пояснения, касающиеся принятой здесь транскрипции, см. в конце статьи.

В глубокий колодезь не бросайте камня:
 утонет он, исчезнет, [о,] душенька-мама!
 На чужую сторону не продавайте дочери:
 погибнет и пропадет она [о,] душенька-мама!
 На ту дорогу, по которой я уеду,
 посадите миндальное дерево, [о,] душенька-мама!
 Когда его вершина начнет увядать,
 [тогда] скажи „[это] мое дитя“ [о,] душенька-мама!

Далее она говорит:

deň-duşlorým θōrānda
 öld(i) dīgin ene-çān
 āqām jeňñām θōrānda
 jitti digin ene-çān

Когда спросят [обо мне] мои подруги,
 скажи [им]: „она умерла“, [о,] душенька-мама!
 Когда спросят [обо мне] мой старший брат [или] моя невестка,
 скажи [им]: „она погибла“, [о,] душенька-мама!

Из этих слов видно, что молодая туркменка в расцвете сил считала себя уже мертвой. Если принять во внимание, что туркменская девушка выдавалась замуж 10—12 лет, то станет понятным, как рано фактически кончалась ее жизнь. С этих пор, если даже брак был только формальным, девушка уже приостанавливалась в своем развитии, так как она тщательно оберегалась от посторонних влияний и в семье мужа была поставлена в зависимое положение.¹

Конец песни весь состоит из жалоб и сетований молодой женщины на свою горькую долю:

tówθê-çānaq içinde
 rājým qaldь ene-çān
 qьđyl çuwāl öňündê
 or(ь)ñm qaldь ene-çān
 āq mājāññ üθtündê
 or(ь)ñm qaldь ene-çān

В [моей] чашке
 осталась моя доля, [о,] душенька-мама!
 Перед красным мешком
 осталось мое место, [о,] душенька-мама!
 На белой верблюдице
 осталось мое место, [о,] душенька-мама!

¹ См. Перимова, *ibid.*, стр. 48.

Ее мысли дома, у своих родных. Она вспоминает и чашку, из которой ела, будучи дома, и угол кибитки, где она сидела за работой: ткала ковры, шила платья и занималась другими хозяйственными делами.

В этом же углу, около своего „q̄b̄yl̄ čuw̄al“¹, она готовила себе приданое, чтобы впоследствии привезти его с собой „на белой верблюдице“ в далекую чужую сторону, в семью, куда ее отдали насильно. Какая обреченность!

Из песни видно, что молодая женщина уже успела почувствовать на себе тяжелое и зависимое положение, в какое туркменка обычно попадала в семье мужа.

Ей, например, долгое время, по крайней мере до рождения первого ребенка, как мне пояснили,² не разрешалось говорить вслух в присутствии родни мужа. Можно привести интересный факт, который я наблюдала при посещении семьи бывшего муллы в ауле Шор-Депе Мервского района. Одна из молодых невесток знала много женских песен, но непосредственно мне не могла их продиктовать, а тем более спеть, так как в присутствии свекрови не имела права говорить вслух. В то время был полдень жаркого туркменского лета, и вне кибитки работать было невозможно. Пришлось выйти из положения таким образом: „молодуха“ шепотом передавала на ухо старшей невестке слова песен, и та уже вслух повторяла их мне. Характерно, что подобные факты встречаются чаще всего в семьях бывших баев или служителей религии. Это особенно ярко бросается в глаза в том случае, если женщина является второй или третьей женой (по положению), часто проданной в такую семью бедняком-отцом скорее в качестве работницы, чем жены. Конечно не приходится сомневаться в том, что в самом недалеком будущем подобные остатки старого быта должны быстро исчезнуть.

Интересно рассмотреть приведенную старинную песню также и со стороны ее происхождения. Нужно сказать, что лирика, как наиболее интимный род творчества, реже заимствуется по сравнению с другими фольклорными произведениями (к которым, в первую очередь, следует отнести эпос и сказочный материал). Особенно показательна в данном отношении эта песня, настолько связанная со старым бытом туркменской женщины, что невозможно предполагать о заимствовании этого произведения из песенного репертуара какого-либо другого народа. Например, как свойственны и близки туркменке понятия о „q̄b̄yl̄ čuw̄al“, у которого было ее место в родном доме, о „t̄ow̄θ̄ čāpaq“ — чашке, из которой она ела, и о прочих атрибутах домашней обстановки кочевой туркменской кибитки; здесь также непрерывно встречается относящаяся к окружающей природе терминология: упоминается и колодезь, имеющий громадное значение в пустыне, и не менее важный ее объект „белая

¹ Ковровый мешок, в который кладут различные носильные вещи. Вешается на стене кибитки. У кочевников туркмен подобные мешки заменяют собой сундуки и комоды.

² См. также: А. Морозова. Труд туркменки. Туркменоведение, 1929, № 6—7, стр. 18.

верблюдица“ и служащие кормом для этой верблюдицы специфические растения, произрастающие в песках, — все то, на что обращено главное внимание кочевницы пустыни, каковой и до сего времени во многих местах Туркм. ССР еще остается туркменка.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что песня эта создана непосредственно в среде обитательниц туркменского аула. В книге В. Успенского и В. Беляева (стр. 37, 38, 121 и др.) имеются сведения и легенды о женщинах „бахши“ и поэтессах, сочинявших подобные произведения. (Особенно интересна легенда о знаменитой музыкантше Хелей-бахши, выгнанной братьями из дому за ее пристрастие к пению, так как пение считалось неприличным для девушки.)

В семьях бедняков положение женщины было всегда несколько иное, чем в семьях бывших привилегированных классов. Здесь реже встречается многоженство (в настоящее время, разумеется, лишь как остаток старого быта) и женщина ближе соприкасается с более развитым мужским составом семьи, вследствие того, что не являлось возможным поставить вторую кибитку для женского ее населения. Здесь женщина скорее могла себя почувствовать равноправным членом семьи, так как наравне с мужским ее составом занималась крайне тяжелыми в условиях Средней Азии полевыми работами и обязанностями, связанными со скотоводством (в богатых семьях эти работы обычно выполнялись наемными рабочими, иногда младшими по положению женами, в более отдаленные времена — рабами). Случалось, что терпение туркменки иссякало. Бедность и закабаленность, вместе взятые, вызывали реакцию, и туркменская женщина пыталась сопротивляться, что видно из следующей песни, в которой „молодуха“ старается не дать себя в обиду и отвечает на упреки и брань свекрови тем же:

ʘaʘaʘʘʘ(ʘ)ɲ jāʘ edip
 gelinim dīp gelmediŋ
 hoɣʘɲɲʘʘʘɲɲdan ʘʘqarɣɣ
 paɣʘam ʘoʘaʘʘaʘʘ dīp bermediŋ
 nā jüdüŋe keplāidiŋ
 bed-aʘʘyl beʘ-ʘāɣ qāin

Ты не приехала [к нам] с угощением,
говоря: „[о,] моя невестушка!“

Ты не вынула из своей сумки¹

и не дала мне, говоря: „[вот] это моя материя [в подарок тебе]“.

Какое ты право имеешь [так] говорить,
подлая, дрянная свекровь!

Тот факт, что туркменка разговаривает в дерзкой форме с женщиной, старшей по годам и положению в семье, указывает на то, что здесь имеют

¹ „hoɣʘɲɲʘʘʘ“ — небольшая переметная сумка.

место не совсем обычные для туркменской женщины бунтовщические настроения. Всякий, кто знает положение туркменки до революции, поймет, насколько такое поведение невестки выходило за пределы дозволенного. Молодая героиня этой песни, повидимому, происходила из небогатой семьи и за ее „воспитанием“ в духе того времени некому было следить. Возможно, что она была из семьи „кулов“,¹ которые являются потомками рабов, захваченных туркменами из Персии во времена „аламанов“,² и представляют собой по быту почти совершенно отуркменившиеся ячейки, уже вошедшие в состав туркменских родовых делений, но до недавнего времени еще пользовавшиеся некоторым антагонизмом, главным образом со стороны местного байства. Их дочерей богатые туркмены брали замуж неохотно, и поэтому девушки из таких семейств так же, как и бывшие рабыни „кырнак“ (қырнақ), чаще всего выдавались замуж за бедняков, не имевших возможности заплатить калым. Одна туркменка рассказывала мне о такой „кырнак“, если не ошибаюсь, из аула Чонгур: „муж ее был очень бедный, у него не было денег, чтобы заплатить калым, вот он ее и взял“.

Из слов молодой женщины, приводимых в песне, видно, что она также не была куплена за деньги, о чем она и дает понять свекрови:

jāṣ ul̄b̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄(ṣ̄)ṣ̄ j̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄
q̄(ṣ̄)ṣ̄rān ṣ̄ānār bermedīṣ̄

Ты не собирала своих стариков [для сватовства].
Ты не считала и не давала [за меня] деньги.

И вообще, она, повидимому, не чувствует себя ничем обязанной. Недаром свекровь порицает ее за то, что та не опускает перед ней головы из скромности и не ходит на цыпочках (как это делают невестки в других семьях):

ol ōwodā b(ṣ̄)r gelin
menden j̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄nī hem aṣ̄(ṣ̄)jār
ōkṣ̄eṣ̄ṣ̄ṣ̄nī q̄aldṣ̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄r
ṣ̄araq̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄(ṣ̄)ṣ̄n̄ baṣ̄ṣ̄ṣ̄ṣ̄jār

В том ауле одна невестка
[при встрече] передо мной [из скромности] опускает лицо,
Подняв свои каблуки,
ступает на носках... (подразумевается: „а ты этого не делаешь“).

¹ „qul“ (قول) — раб.

² „Аламан“ — набег. До прихода русских (1881 г.) туркмены часто предпринимали массовые набеги на своих соседей, главным образом на персидскую границу, увозя у неприятеля скот, забирая имущество и пленников. Небольшими группами набеги совершались и после прихода русских. За свою поездку я часто встречалась с нестарыми еще туркменами, рассказывавшими про былые набеги, в которых они участвовали.

И на упрек свекрови в том, что во время пребывания в доме родителей она мало заготовила себе приданого (обстоятельство, также указывающее на бедность невесты, потому что богатым девушкам обязательно приготавливалось в приданое большое количество ковров, паласов, одежды и пр.) — отвечает:

nāme i̇şin̄ bar meni̇ bilen
hālan̄ym(i) ettim öjmi̇ðde

Какое тебе дело до меня,
у себя дома я делала то, что хотела.

Она чувствует себя обиженной бранью свекрови, тем более, что по ее мнению вела себя, как полагается невесте: ждала, не едут ли за ней родные жениха (посматривала по сторонам) и приводила себя в порядок, собираясь ехать в аул мужа.

ertir turup eilām bejlām(i) qarjard̄ym
aınam baş ɟaraɟ̄ym(ь) alyp artyp ʰaɟ̄ym(ь) darjard̄ym
ol owodān ʃo owā
ōðimki dip geljard̄im
nā jüðün̄e keplājdi̇n̄
bed-aʰyl beð-ðad̄ qāin

Встав утром, я посматривала по сторонам,
взяв свое зеркало и гребенку, я лишний раз
расчесывала себе волосы.

Из [своего] того аула в этот аул
я приезжала, считая его своим.
Какое ты право имеешь [так] говорить,
подлая дрянная свекровь!

Ненависть молодой женщины направлена, конечно, не по назначению. В то время перед туркменкой не было пути к развитию и образованию, она еще не умела распознавать своих настоящих врагов, ей казалось, что злая свекровь — вот ее главный враг, и ей, этой свекрови, она выражает свое недовольство.

Это песня тех туркменских женщин, которые жаждали освободиться от зависимого, бесправного положения, но еще не имели возможности провести в жизнь свое стремление, и недаром она долгое время считалась как бы запрещенной — её пели редко и осторожно, из боязни, чтобы не услышали старшие. Но в первые годы после революции, в переходный период, когда старинные печальные песни уже не соответствовали новым настроениям, а другие еще не были созданы, женская молодежь Туркмении воспользовалась подобными этому произведениями, и они настолько быстро и широко распространились, что их иногда принимают даже за новые:

По моим наблюдениям, в настоящее время особенно заметно бросается в глаза относительно свободное положение бывших рабынь „кырнак“. Рабство, как пережиток дофеодалного строя, существовало в Туркмении довольно долго; еще во времена русского владычества некоторые богатые туркмены неофициально имели пленных женщин-рабынь. Таким образом, может показаться странным, как могли эти самые отверженные из отверженных в такой сравнительно небольшой срок превратиться в наиболее независимых женщин Туркмении. Но при более вдумчивом отношении к этому факту он становится вполне объяснимым. Не следует забывать, что рабы являются прежде всего орудиями производства, и владельцы их имеют целью в максимальной степени использовать работоспособность своих говорящих машин. Поэтому рабыня у туркмен имела возможность не соблюдать считавшиеся обязательными для туркменских женщин обычаи адата, которые мешали ее работе; например, пленницам разрешалось находиться вместе с мужчинами, не закрывать рот „яшмаком“, не надевать на голову тяжелый „соммок“¹ и пр. За их „нравственностью“, т. е. опять-таки, главным образом, за выполнением различных предрассудков, никто не следил. Исключения имели место, но довольно редко, чаще всего в тех случаях, когда невольница становилась женой (вернее наложницей) своего хозяина. Все эти „привилегии“ после революции превратились для них в привилегии без ковычек. Бывшие рабыни могли первыми порвать со старыми обычаями и предрассудками — все равно им нечего было терять.

Недаром наиболее отсталые матери туркменки, бросая упреки своим комсомолкам-дочерям, иногда говорят: „ты не соблюдаешь наши старые обычаи, не закрываешь рот „яшмаком“, как тебе не совестно, — ты стала совсем, как „кырнак“.

Одна из старинных женских песен, по преданию, принадлежит поэтессе Ай-Джемаль-Кара и заключает в себе слова поэтессы, обращенные к рабыне персиянке. Ай-Джемаль-Кара, тронутая необычайно тяжелым положением матери, оторванной навсегда от своих детей и попавшей в вечное рабство, сочинила на этот сюжет песню, в которой говорит о тоске рабыни по своей дочери Ораз-Гюль и сыновьях, оставшихся на далекой родине, и уговаривает пленницу примириться со своей судьбой:

orāḍ-gūl dīr āh-b-ḍārgū
 āqlaj āqlaj kór dīr góḍīn
 peidā-wermez ḥoṅkū ḥóḍīn
 indi qajil gelgin q̄rnaq

¹ „Соммок“ (шомпоқ) — высокая шапка с металлическими украшениями, которую постоянно носили замужние туркменки (за исключением женщин из племени йомудов). Этот головной убор сильно стеснял все движения женщины. Шапки у богатых туркменок состояли иногда почти сплошь из позолоченного серебра.

orađ-gülden arān̄ ačt̄n̄
gòbeñ̄en qān̄n̄ jāšla dešt̄n̄
oçlonnârdân daşa düşt̄n̄
indi qajil gelgin q̄rnaq

Твои вздохи и вопли — Ораз-Гюль,
твои глаза от плача ослепли,
[но] поздние слова твои не принесут пользы,
так примиришь же теперь [с этим] рабыня!

Ты отделена от Ораз-Гюль,
кровавыми слезами из твоих глаз ты [их] пробуравила (насквозь),
ты оказалась вдали от [своих] сыновей,
так примиришь же теперь [с этим] рабыня!

Чувствуется, что автор этой песни, сама страдающая от своего подневольного положения, искренно жалеет еще более несчастную женщину. Вообще в сознании туркмен-бедняков можно было довольно часто наблюдать подобную же теплоту и участие по отношению к пленникам. Интересно отметить, что родители, лаская своих дочерей, называют их „кырнак“, как бы с оттенком жалости (ср. русское „жалеть“ как синоним глагола „любить“, встречающееся в деревенском быту).

Совершенно другие, не встречающиеся ни в одной из приведенных выше песен, мотивы мы слышим в стихотворении, сочиненном в наше время одной из передовых женщин Туркмении, тов. Кейкиль Бердыкылычевой. В этом сочинении видны иные настроения, иные мысли. Процесс осознания туркменкой своих прав отразился и на словах ее.

Как было указано выше, в городах и аулах Туркмении уже появились женщины, почувствовавшие, что имеют право на свою независимость. К ним-то и обращается тов. Бердыкылычева с призывом:

Qara öide qabalp jatan ajallar,
Şu gyn azatlyqа сыqсаq gyniñizdir;
Deñlik ycin suvsap jatan ajallar,
Haqm ber diñip doqrbь baqсаq gyniñizdir.¹

Женщины, заключенные в мрачных кибитках,
Сегодня день вашего освобождения;
Женщины, жаждущие равноправия,
Настал ваш день, когда [вы можете] смотреть вперед
с требованием справедливости.

¹ При перепечатке этого произведения везде сохранено обычное туркменское новое правописание.

Она зовет на борьбу с теми, кто стоит на дороге к равноправию:

Ərlər qarşy bolsa, kəjsinler janьr,
Baqmaň oňa siz, salьşyň ojanьň:
Azatlyьyň şerbetinden siz qanьr,
Bu gyn zulmьň ejin jьqçaq gynyňizdir.

Если мужчины будут противиться — пусть они сгорят в огне,
Не смотрите на них, работайте и пробуждайтесь:
Сегодня настал ваш день свергнуть кибитку угнетения,
Услаждаясь (удовлетворяясь) шербетом свободы.

Правда, у тов. Бердыкылычевой не указано, какие именно „мужчины“ станут противиться, но совершенно ясно, что она здесь подразумевает наиболее отсталую часть туркменского населения во главе с бывшими баями и муллами, так как именно эти его слои являются главными противниками раскрепощения женщин.

Она говорит и о тяжелом прошлом туркменки;

Deň-duşymьz duşman pula satdylar,
El-ajaьymьz baьlap quja atdylar;
Dert-bəşimizi bir puldara satdylar,

Наших подруг продавали за вражеские деньги,
[Нас] бросали в колодцы, связав нам руки и ноги;
Нас продавали по четыре-пять [разом] одному,
имеющему деньги...

И, как бы указывая на контраст нового со старым, — продолжает:

Indi azatlyьja сыqчаq gynyňizdir.
Oktjabrdan soňra biz azat boldьq,
Qoldan giden haq-huquqymьz aldьq...

... Теперь настал день вашего освобождения.
После Октября мы стали свободны,
Мы получили утерянные нами права...

Тов. Бердыкылычева не забывает напомнить и о том, что в Туркмении имеется еще не мало женщин, которым подобные ей активистки должны помочь и помогают избавиться от тяготевшего над ними векового невежества:

bzda qalan baçylara gəz saldьq,
Sebir-zulmьň ejin jьqчаq gynyňiz [dir].

Мы направили взор на старших сестер, оставшихся позади, —
Настал ваш день свергнуть кибитку обид и угнетения.

У нас имеется не очень много образцов фольклора этих новых передовых женщин Туркмении — их художественные потребности, повидимому,

удовлетворяются, главным образом, письменной литературой, широко развивающейся в Туркм. ССР за последние годы. К этим массовым произведениям принадлежит и стихотворение тов. Бердыкылычевой, которое приведено выше, как образец творчества новой туркменской женщины. Оно хотя еще и заключено в старую форму, но наполнено совершенно другим свежим содержанием.

Так перекинулся мост от фольклорной лирики к письменной художественной литературе.

Из приведенных здесь фольклорных образцов видно, что туркменская женская лирика вовсе не так примитивна, как высказываются о ней Аршаруни и Вельтман в своей книге „Эпос Советского Востока“ (стр. 41). Изобразительные средства туркменкой в достаточной мере использованы. Мы здесь находим весь богатый антураж устной песенной лирики: сравнения, метафоры, аллитерации и пр. Конечно, туркменская женщина не поет о том, что ей неизвестно, — ее внимание непосредственно направлено на окружающую среду и на свои отношения к этой среде. Но доступный ее наблюдению материал почти целиком находит свое отражение в ее песенном творчестве. Примеры этого из первой песни мною приведены выше. Во второй песне также имеется большое количество интересных подробностей, относящихся к туркменской жизни.

Первая песня представляет собой замечательный образчик строго выдержанной аллитерации:

čünjül qıjā dāş atmān̄j
batar giđer ene-čān
jāđ illere qıjđ ōatmān̄j
jiter giđer ene-čān
meniņ gitček jōl̄ma
bādam ekiņ ene-čān
bādam baş̄ qāida^{nda}
bālām diğin ene-čān
meniņ gitček jōl̄ma
čoojon ekiņ ene-čān
čoojon baş̄ qāida^{nda}
čoojuđ diğin ene-čān
meniņ gitček jōl̄ma
janđaq ekiņ ene-čān
janđaq baş̄ qāida^{nda}
jand̄b̄n̄ diğin ene-čān
meniņ gitček jōl̄ma
q̄b̄đojan ekiņ ene-čān
q̄b̄đojan baş̄ qāida^{nda}
q̄b̄đ̄m̄ diğin ene-čān

и т. д.

Размер этой песни семислоговой, весьма распространенный у всех „турецких народов“.¹ Количество слогов последовательно выдержано во всей песне. Встречающиеся якобы отклонения от этого размера в двух ее местах, объясняются тем, что слово „огъпым“, которое имеется в обеих строчках, произносится туркменками „ог(ь)пым“, т. е. с очень кратким первым „ь“, что дает возможность и этим строкам при пении оставаться семислововыми. Рифма с повторяющимся через строку редифом (ene-çān) не всегда полноценна, т. е. иногда является ассонансом (jōl̄b̄ma-qājida^hnda), но проведена вполне последовательно. Музыкальные стихи песни, богатые образами природы, в своей форме и в своем языке как бы передают ту печаль и безнадежность, которые пронизывают содержание всей песни. В них нет бунтовских отклонений от правильных, размеренных классических образцов старинной туркменской фольклорной поэзии. То же самое можно сказать и о третьей песне, выдержанной целиком в восьмислововом размере.

Но вторая песня, заключающая в себе спор свекрови с невесткой, представляет собою несколько иной вид произведения. Стих здесь много вольнее и сильно отличается от шаблонной, строго размеренной поэтической речи. В него врываются повторяющийся несколько раз нерифмованный припев и не вполне соответствующая по форме всему стихотворению концовка. Количество слогов колеблется от семи до семнадцати.

Основной тон всего этого произведения, его слог и форма указывают на то, что по своей структуре и тематике оно является как бы характеризующей собою одну из переходных стадий к другим туркменским песням с новыми сюжетами, иной словесной инструментовкой, иным строением, — к песням Октября.

В этих новых песнях уже не найдут себе места мотивы тяжелой „женской доли“, — о ней молодежь Туркмении будет знать только лишь по печатным источникам и по рассказам стариков. Иная доля ожидает туркменку, та, о которой говорит Кейкиль Бердыкылычева в последнем четверостишии своего стихотворения:

Aň-bilim hynerden jene yliši,
Almaq usin bu gyn sьqсаq gyniňizdir.

Настал ваш день выйти сегодня, чтобы взять
И [вашу] долю из знаний, наук и искусств.

В заключение привожу полностью все разобранные здесь произведения. Две первых песни записаны от жителей аула „Бай“ Мервского района, Ашхабадского округа, Гюзель Непеслиевой, 35 лет, из рода „Тохтомыш“ (toqtomьsь), — первая песня, и, Мухаммед-Назара Гельдиева, 21 г., из рода „Утомыш“ ((u)tomьsь, baqьsь, miriшь) — вторая. Третью песню —

¹ Корш. Древнейший народный стих турецких племен. ЗВО, т. XIX; В. Fabó. Rhythmus und Melodie der türkschen Volkslieder. Keleti Szemle, VII.

сочинение Ай-Джемаль-Кара — сообщила туркменка из аула „Первый Кара-Яп“, того же округа, по имени Дурды, дочь Уста-Кошо, 42 лет, из рода „Утомыш“ ((u)tomьş, baŋşь, čeltek). Четвертое произведение перепечатано из сборника стихотворений: „Туркмен јаş қоşоьсыларь. (Dil-edebijat маŋарыf medenijet haqьnda)“. Јьŋнар, tertibe salan: M. Geldijew. Аşоabat, Туркм. devl. neşrijать, 1931, стр. 29—30.

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД
ТРЕХ
ТУРКМЕНСКИХ
ЖЕНСКИХ ПЕСЕН
И СТИХОТВОРЕНИЯ
К. БЕРДЫКЫЛЫЧЕВОЙ

Объяснение знаков транскрипции

Знаком „l“, принятым в туркменском алфавите, транскрибируется звук, имеющий в туркменском языке среднюю артикуляцию между русским велярным „л“ и передним латеральным „l“, с небольшими отклонениями в ту или иную сторону.

Звук „q̄“¹ — озвонченный „q“ (взрывной) в отличие от спиранта „q“. В мервском диалекте чередование трех звуков „q—q̄—q“ в начале слова — обычное явление.

Знаком „d̄“ транскрибируется оглушенный звонкий (*media lenis*). Переходные от „d“ к „t“ звуки в исследуемом диалекте встречаются во всех фонетических позициях. Обычные „t“ и „d“ у туркмен альвеолярные.

„s“ всюду произносится как английское „th“ глухое, а „z“ — как английское „th“ звонкое. Мы обозначаем их знаками „θ“ и „ð“. Чистых „s“ и „z“ в текинском диалекте нет.

„w“ — губно-губное „v“. Находясь между двумя гласными, иногда сливается с ними в один долгий: *duwul > dūl*. Следует отметить особую лабиализацию гласных перед „w“, например, *tōwse < tewse (< tepsī), towşon* (иногда *toqşon*) < *tawşan* (второе „o“ в этом слове объясняется гармонизацией гласных, существующей в диалекте текинцев).

Знак „j“ обозначает собой среднеязычный фрикативный звонкий согласный, какой мы имеем в словах „jāḍ“, „jōl“ и даже в слове „q̄bjḍ“, в том случае, если это слово не имеет после себя приставки.

¹ Этим же знаком я пользовалась и при записи аналогичного звука, имеющегося у азербайджанских татар: О. Chatskaya. *Quatrains populaires de l'Azerbaïdjan*. *Journal Asiatique*, 1928, № 2, t. CCXV, II, p. 232.

„g“ в некоторых словах (например *digin*) является не обычным взрывным звуком „g“, а скорее фрикативным. В нашей транскрипции особыми значками не отмечается.

Знак \check{c} = рус. ч.

Широкое долгое „ā“ в латинизированном туркменском алфавите пишется через знак „ə“. Обычные „ö“, „ü“ пишутся через „e“, „y“. Мы оставляем для этих звуков знаки международной транскрипции.

Знаки „o“ и „u“ обозначают „ö“, „ü“ более задней артикуляции. Звуки эти встречаются обычно только в первом слоге слова.

Неслоговое „i“ в дифтонгах типа „āi“ (луна), в отличие от „j“ транскрибируем знаком „i̇“.

В словах, имеющих в первом слоге звуки „o“ „u“ „ö“ „ü“, гласные в последующих слогах также лабиализируются, например, *ōwo* вм. *ōwa*, *quloq* вм. *qulaq* и т. д. Иногда лабиализация бывает неполная, тогда получаются средние звуки, транскрибируемые нами через значек $^{\circ}$ над соответствующей буквой. Таким образом в мервском диалекте получают следующие типы гласных:

a — o	и	средний	между	ними	$\overset{\circ}{a}$
ь — u	”	”	”	”	$\overset{\circ}{b}$
e — ö	”	”	”	”	$\overset{\circ}{e}$
i — ü	”	”	”	”	$\overset{\circ}{i}$

Нами на месте зарегистрированы еще средние звуки „a“ — „ь“ и „e — i“. В приведенном тексте встречается только первая из этих двух комбинаций. Мы этот звук транскрибируем через „a^b“ (близок к звуку *ъ* в русских словах *кѣнитѣль*, *бѣрадѣ*).

Долгие гласные обильно встречаются в туркменском языке. Длительность их различна и зависит от многих причин. В целях упрощения передаем их все одинаково через общепринятый знак долготы над соответствующей буквой.

Краткие (редуцированные) гласные поставлены в скобках. Длительность их также различна.

Все остальные буквы нашей транскрипции соответствуют латинизированному туркменскому алфавиту.

Фонетические особенности в произношении текинцев, не встречающиеся в приведенных текстах, нами здесь не рассмотрены.

1-я песня

çûñül¹ q̄ujā dāş atmāñ
 batar giðer ene-çān
 jād̄illere² q̄bjð θatmāñ
 jiter giðer ene-çān

meniñ gitçek jōl̄ma
 bādam ekin̄ ene-çān
 bādam baş̄ q̄ajda³nda
 bālām dīgin ene-çān

meniñ gitçek jōl̄ma
 çoçon ekin̄ ene-çān
 çoçon baş̄ q̄ajda³nda
 çoçduñ dīgin ene-çān

meniñ gitçek jōl̄ma
 jandaq ekin̄ ene-çān
 jandaq baş̄ q̄ajda³nda
 jand̄ñ dīgin ene-çān

meniñ gitçek jōl̄ma
 q̄b̄ðçan ekin̄ ene-çān
 q̄b̄ðçan baş̄ q̄ajda³nda
 q̄b̄ð̄m³ dīgin ene-çān

deñ-duşlor̄m θōrānda
 öld̄(i) dīgin ene-çān
 āçām jeññām θōrānda
 jitti dīgin ene-çān

tōwθē-çānaq içinde
 rāj̄m q̄ald̄ ene-çān

¹ В литературном языке пишется „cuñr“. В данном случае имеет место диссимиляция „r“, т. е. замена его через „l“.

² Здесь долгое „i“ в слове „il“ потеряло свою долготу, вследствие слияния в произношении этого слова с предыдущим.

³ В слове „q̄bjð“, в случае добавления к нему местоименного, падежного и прочих суффиксов, начинающихся на гласный, согласный, фрикативный, „j“, превращается в неслоговое „j̄“.

В глубокий колодец не бросайте камня:
Утонет он, исчезнет, [о,] душенька-мама!
На чужую сторону не продавайте дочери:
Погибнет и пропадет она, [о,] душенька-мама!¹

На ту дорогу, по которой я уеду,
Посадите миндальное дерево, [о,] душенька-мама!
Когда его вершина начнет увядать,
[Тогда] скажи: „[это] мое дитя“, [о,] душенька-мама!

На ту дорогу, по которой я уеду,
Посадите „чогон“,² [о,] душенька-мама!
Когда его верхушка начнет увядать,
[Тогда] скажи: „ты вся выкипела“,³ [о,] душенька-мама!

На ту дорогу, по которой я уеду,
Посадите „яндак“,⁴ [о,] душенька-мама!
Когда его верхушка начнет увядать,
[Тогда] скажи: „ты [вся] сгорела“, [о,] душенька-мама!

На ту дорогу, по которой я уеду,
Посадите „кызган“,⁵ [о,] душенька-мама!
Когда его верхушка начнет увядать,
[Тогда] скажи: „[это] — моя дочь“, [о,] душенька-мама!

Когда спросят [обо мне] мои подруги,
Скажи [им]: „она умерла“, [о,] душенька-мама!
Когда спросят [обо мне] мой старший брат [или] моя невестка,⁶
Скажи [им]: „она погибла“, [о,] душенька-мама!

В моей чашке⁷
Осталась моя доля, [о,] душенька-мама!

¹ Это четверостишие приведено в переводе у гг. Аршаруни и Вельтмана: „Эпос Советского Востока“, стр. 42.

² „Чогон“ — мыльная трава.

³ Здесь, вероятно, имеется в виду вспенивание и выкипание отвара, который готовится из этого растения для мытья головы.

⁴ „Яндак“ — колючее растение пустыни. Употребляется в пищу верблюдами.

⁵ Это растение употребляется для обжигания кирпичей, очень ярко и сильно горит. Вероятно, здесь подразумевается именно такое его горение.

⁶ „jep,pe“ — жена старшего брата или тетка.

⁷ Дословный перевод „в чашке-блюде“. По объяснению туркмен, слово „tówθē“ — старинное; точное значение его им самим не вполне ясно. Ему соответствует турецкое „tepsi“ — поднос, блюдо. Здесь подразумевается чашка, из которой она ела, будучи дома.

q̄bzyl čuwāl öñündê
or(ḅ)ñm̄ q̄ald̄ ene-çān
āq mājān̄ñ̄ üñtündê
or(ḅ)ñm̄ q̄ald̄ ene-çān
lāle-çān-a haj lāle.

2-я песня

Слова свекрови:

ol öwodâ b(ḅ)r gelin
menden jüññi hem aθ(ḅ)jār
ökceθini q̄ald̄r̄r̄p
çaraq̄l̄b̄(ḅ)ñ̄ b̄aθ̄jār
alt̄ āida b(i)r jilde¹
hāl̄ palāθ̄ şo doq(ḅ)jār
θen nāme iş ettiñ̄ öññiñ̄de
bed-āθ̄yl bed-ðāđ̄ gelin
iliñ̄ gelini gelende
q̄arç̄ñ̄ čuwol getirjār
aşaql̄ bāş̄ q̄at keçeli
θaql̄ dūl̄nda² oturjār
θen nāme iş ettiñ̄ öññiñ̄de
bed-aθ̄yl bed-ðāđ̄ gelin

Ответ невестки:

jāş̄ ul̄ñ̄ç̄ñ̄(ḅ)ñ̄³ j̄ñ̄ñ̄j̄r̄p
q(ḅ)rān⁴ θānār bermediñ̄
θaç̄aş̄(ḅ)ñ̄ j̄ñ̄ edip
gelinim d̄ip gelmediñ̄

¹ Для римфы, вместо „jylda“.

² dūl < duwul (duwāl), перс. — دیوار — стена.

³ Интересный синтаксический оборот: „возраст его большой“ (старик), с уменьшительной частицей „ç̄ñ̄“.

⁴ Персидское название монеты.

Перед красным мешком¹
Осталось мое место, [о,] душенька-мама!
На белой верблюдице
Осталось мое место, [о,] душенька-мама!
Ляле джан-а, хай ляле!²

2-я песня

Слова свекрови:

В том ауле одна невестка³
[При встрече] передо мной [из скромности] опускает лицо.
Подняв свои каблуки,
Ступает на носках.
Шесть месяцев в году
Она ткет ковры и паласы,
А ты что делала у себя дома,
Подлая, дрянная невестка?!
У других невестки, когда приезжают [в дом жениха],
Привозят мешки [с приданым];
На кошмы в семь слоев
Садятся в своем правом углу кибитки.⁴
А ты что делала у себя дома,
Подлая, дрянная невестка?!

Ответ невестки:

Ты не собирала своих стариков,⁵
Ты не считала и не давала [за меня] деньги,
Ты не приехала [к нам] с угощением,⁶
Говоря: „[о,] моя невестушка!“

¹ Подразумевается место у коврового мешка с приданым, повешенного на стене той части кибитки, где обычно сидят за приготовлением приданого „кайтармы“, т. е. „молодухи“, взятые своими родителями обратно, до полной уплаты калыма за них. По обычаю женщина должна была сидеть лицом к мешку, прячась от людей.

² „Ляле“ — название женских песен; „джан“ — ласкательное слово — милая, душечка; „хай“ (hai) — возглас одобрения. Возможно, что первоначально этой последней фразой певица как бы выражала одобрение песне: „песня — душечка, ай да песня“, но впоследствии фраза утратила свое значение и воспринимается просто как набор слов, не имеющих смысла.

³ „gelin“ — невеста, невестка, молодуха, молодая женщина.

⁴ Дословно: садятся в своем правом углу, внизу которого кошмы в семь слоев.

⁵ Подразумевается: для сватовства и сговора с родителями невесты. Тов. Карпов в своей статье „Аламаны“, приводя слово „яшули“ (jāšulı), переводит его: старик, знаток быта, прошлой истории своего племени (Туркменоведение, 1931, № 5—6, стр. 28, сноска 1). К „яшули“ обращались и за разрешением споров; из песни видно, что jāšulı выступали также в качестве сватов.

⁶ Дословно: ты не обмаслила свою салфетку [в которую должны были бы быть завернуты съестные припасы, предназначенные в подарок].

horçbnc̣ḅoṣ̣ḅṅdan ç̣ḅqaṛḅp
parçam şoçaṣa^{ḅḍ} ¹ dīp bermedin̄
nā jūdūṅē keplāīdin̄
bed-aṭyl beḏ-ḏaḏ ² qāin ³
ertir turup eilām^ˆ beilām(i) qarjārḍm

ajnam baş daraṣ̣m(ḅ) aḅp arṭp ṭač̣m(ḅ) darjārḍm
ol owordān şo^ˆowā ⁴
ōḏimki dīp geljārdim
nā jūdūṅē keplāīdin̄
bed-aṭyl beḏ-ḏaḏ qāin
nāme isin̄ bar menin̄ bilen
hālan̄m(i) ⁵ ettim öimīḏde

3-я песня

oraḏ-gūl dir āh-ḅ-ḏārg̣ṅ ⁶
āṣlaj̄ āṣlaj̄ kōr dir gōḏin̄
pejda^ˆwermez ṭoṅkū ⁷ ṭōz̄in̄
indi qajil gelgin q̄rnaq
oraḏ-gūlden ārāṅ ač̣ṭṅ
gōḏeṅṅen ⁸ qān̄n̄ ⁹ jāşla deştin̄
oṣlonnārdān daşa dūştin̄
indi qajil gelgin q̄rnaq

СТИХОТВОРЕНИЕ КЕЙКИЛЬ БЕРДЫКЫЛЫЧЕВОЙ¹⁰

Ajallar

Qara əjde qabal̄p jatan ajallar,
Şu gyn azat̄l̄ṣa s̄yç̄aḷ gyniṅizdir;
Deṅlik ycin suvsap jatan ajallar,
Haq̄m ber dijip doṣ̄ḡḅ baqçaḷ gyniṅizdir.

¹ şoçaṣa^{ḅḍ} — слово şo — „это“, с уменьшительной частицей; точный перевод был бы „эточко“.

² Вместо — bed-ḏād.

³ Литературная форма — qajin.

⁴ Вместо şo oḅaa. Второе „a“ — суффикс дат. падежа, — здесь произошло стяжение так же, как и между словами şo и oḅa, где „şo“ в слове şo и долгое „o“ в следующем слове в произношении слились в один долгий звук „ō“.

⁵ Конечное „b“ в hālan̄m̄ под влиянием соседнего слова, начинающегося на „e“, превратилось в едва слышное „i“ (восходящая ассимиляция).

⁶ āh-ḅ-ḏārg̣ (اړ و اړ) — с персидского.

⁷ Вместо ṭoṅkū слог „k“ ассимилировался с предыдущим (лабиализировался и вместе с тем смягчился под влиянием последующего слова).

⁸ Вместо gōḏin,den.

⁹ Вместо qān̄n̄.

¹⁰ При перепечатке этого произведения сохранено правописание подлинника.

Ты не вынула из своей сумки¹
И не дала мне, говоря: „[вот] это моя материя [в подарок тебе]“.
Какое ты право имеешь [так] говорить,²
Подлая, дрянная свекровь!
Встав утром, я посматривала по сторонам,³
Взяв свое зеркало и гребенку, я лишний раз
расчесывала себе волосы.⁴
Из [своего] того аула в этот аул
Я приезжала, считая его своим.
Какое ты право имеешь [так] говорить,
Подлая, дрянная свекровь!
Какое тебе дело до меня,
У себя дома я делала то, что хотела.

3-я песня

Твои вздохи и вопли, Ораз-Гюль,
Твои глаза от плача⁵ ослепли
[Но] поздние слова твои не принесут пользы, —
Так примиришь же теперь [с этим] рабыня!
Ты отделена от Ораз-Гюль,
Кровавыми слезами из твоих глаз ты их пробуравила [насквозь]⁶
Ты оказалась вдали⁷ от [своих] сыновей,
Так примиришь же теперь [с этим] рабыня!

СТИХОТВОРЕНИЕ К. БЕРДЫКЫЛЫЧЕВОЙ

Женщины

Женщины, заключенные в мрачных⁸ кибитках,
Сегодня день вашего освобождения;
Женщины, жаждущие равноправия,
Настал ваш день, когда [вы можете] смотреть вперед
с требованием справедливости.⁹

¹ „hoғcъncъ q“ — небольшая двухсторонняя сумка, навьючивающаяся на животных так же, как наша переметная сума.

² Дословно: „на какое лицо твое ты болтаешь“.

³ Вероятно подразумевается: смотрела, не едут ли родные жениха.

⁴ Повидимому приготавливаясь ехать в аул своего будущего мужа, что можно заключить из последующих слов песни.

⁵ Дословно: плача-плача твои глаза ослепли.

⁶ Т. е. довела до слепоты.

⁷ Дословно: попала вдаль.

⁸ Собственно: черных (в значении: прокопченных дымом), но это слово употреблено здесь скорее, как бранное.

⁹ Дословно: говоря „давай мое право!“

Ərlər qarşb bolsa, kəjsinlər janbr,
Baqman, oğa siz, calşbny ojanbny;
Azatlbny şerbetinden siz qanbr,
Bu gyn zulmbny əjin jbrqcaq gyniñizdir.

Deñ-duşmbz duşman pula satdylar,
El-ajaqmbz baqlap quja atdylar;
Dert-bəşimizi bir puldara satdylar,
İndi azatlbqa cbrqcaq gyniñizdir.

Oktjabrdan soñra biz azat boldbq,
Qoldan giden haq-huquqmz aldbq;
Bzda qalan baçylara göz saldbq,
Çebir-zulmbny əjin jbrqcaq gyniñiz[dir].¹

Jaşadbqca ɣnqylabny gyneci,
Jaşar ajallarny azatlbq işi;
Añ-bilim² hynerden jene yliši,
Almaq ycin bu gyn cbrqcaq gyniñizdir.

Kejkil Berdiqblycva

¹ В тексте, с которого перепечатано стихотворение, слово „dir“ в этой строке пропущено.

² В подлиннике: Añ-bilime. Приставка „e“ при перепечатке нами не внесена как лишняя.

И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

РЕВОЛЮЦИЯ В ГРУЗИНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

(МАТЕРИАЛЫ)

ТЕКСТЫ

I. 1905 წლის დოზუნგი

ძირს ნიკოლოზ, მალა მუშა;
ნიკოლოზა გეიფუშა.

II. გენაცვალე კოლექციო!

გენაცვალე კოლექციო!
ოდელია რანუნი.
ლარიბების ბედის წყაროვ!
რეროვ რანუნი.

კულაკს მიწები წართვეს,
ვოდელია რანუნი.
საწყალი აგერ გორავსო,
რეროვ რანუნი.

III. დადგა ახალი დროება

დადგა ახალი დროება
გავთავისუფ(ლ)აით მონები,
მფლობელ — ფლობილი გავსცორდით
ბედს აღარ დავემონები.

რეულიციას ვუმღერი
ბძოლით გვაქს მონაპოვები.

ПЕРЕВОДЫ

I. Лозунг 1905 г.

Долой Николая, да здравствуют рабочие:
(чтоб) Николай лопнул!

II. Генацвале¹ колхоз

Генацвале, колхоз.¹
Оделиа рануни.²
Источник счастья бедных,
Реро рануни.²
У кулака отобрали земли,
Оделиа рануни.
Вот (убитый) валяется несчастный³
Реро рануни.

III. Настало новое время⁴

Настало новое время,
Освободились мы, рабы.
Владелец и владеемый сравнялись,
Впредь не буду покорен судьбе.
Пою революции,
В борьбе мы ее обрели.

¹ „Генацвале“ не поддается прямому переводу; примерно означает: милый,¹ дорогой.

² „Оделиа рануни“ и „реро рануни“ — припевы, повторяющиеся в тексте по два раза, не имеют на данной ступени развития грузинского языка смыслового значения.

³ Шуточный перепев грузинского народного стихотворения „Мзео амоди“ (ძეგის მდინარე
‘солнце, взойди!’).

⁴ Буквально: режим.

IV. მოგვცილდა რუსი სენწიფე

მოგვცილდა რუსი სენწიფე
განთავისუფთა გურია,
სიხარულით ცას ვუსტვები
დაცქვეტილი მაქ ყურია.

ეკუცია¹ მევიშორე
მონობა აღარ მწყურია...
რას გიშველის ისიღორე
თუ სხვები უმადურია.

V. მუშას და გლეხს

მუშას და გლეხს მოგვევლინა:
ხსნა, შეება და გამარჯვება,
ჩვენ ქვეყანას მუდამ წინ სლა
და საპქოსა ძლიერება.

საპქოთა ხელის უფლებას
დღე გრძელი, ბედნიერება.
საწყალ მუშეფს და გლეხეფსა
მათ მოგვანიჭეს უფლება...

გვიხსნეს მონობის უღლიდან,
და მოგვეცენ თავისუფლება.
გაგვიქრენ შავი ძალები,
მოგვეფინენ წითლათ ბუნება...

ჩვენც ვეგებებით ცხოვრებას
ვადიღებთ იმ დიდ ზღუჯესა,
რომელმაც მოგვცა ამ ქვეყნათ
ცხოვრების ხელის უფლება.

საწყალი მუშა, გლეხები
ვაწმაწუნებლით ცუჩეფსა;
არ ვქონდა მიზნათ დასახვით
მგვესწრე ბოდით ამ დღესა.

¹ ეკუცია — ეგზეკუცია.

IV. Освободились от русского царя

Освободились мы от русского царя,
Освободилась Гурия.
Радость моя беспредельна.¹
Навострены у меня уши.
Избавился от „экуции“,²
Не желаю больше быть рабом...
Не поможет тебе Исидор,
Когда все остальные недовольны тобой?!³

V. Рабочим и крестьянам

[Нам] рабочим и крестьянам, достались:
Свобода, радость и победа,
Нашей стране — вечное движение вперед,
И Советам могущество.
Советской власти
Долгоденствие и счастье!
Нам, бедным рабочим и крестьянам,
Она даровала власть.
Освободила нас от ярма рабства
И дала свободу.
Исчезли [благодаря ей] темные силы.
И вся природа засверкала красным цветом.
И мы идем навстречу (новой) жизни,
Славим мощную крепость,⁴
Которая дала нам на этой земле
Право на жизнь.
Несчастные рабочие и крестьяне,
Мы беспомощно закусывали губы...⁵
Нам и в голову не могло притти,
Что доживем до этих дней.

¹ Буквально: от радости вырастаю до небес.

² Экзекуция — гурийцы произносят часто „экуция“. Этот способ карания крестьян в гурийской деревне, особенно свирепствовал в годы революционного подъема.

³ Последняя фраза переведена нами буквально. Смысл ее должен быть таков: „если на твоей (самодержавия) стороне, единичные лица, а все остальные против тебя, то эти единицы не спасут тебя.“

⁴ Подразумевается власть советов.

⁵ Подразумевается: испытывая гнет (?).

მაგრამ მოგვეფინა ბუნებამ
ნათელი არე-მარესა;
თავადი, გლეხი, ბატონი,
ერთქამეთს შეგვადარესა.

ბატონ-თავადის მიწები
სუ გლეხებს ჩაგვაბარესა . . .
ჩვენ კი ვიცინით, ვწარხალოფთ,
ისინი ცრემლს ღვრის მწარესა.
ვაქეფ, გადიღებ დღემანდელ
ხელის-უფლების ძაღვებსა.

მოგვეფინა მეურნეობა,
სწავლა, ღიღება გლეხებსა.
მონობის უღელ ქვეშე ვიყავით,
ავცილდით იმათ პქუალებსა.

ქვექვა ცირილი სიცილით
ცხოვრების განამწარეფსა.
ახლა შევხედოთ ძმანებო!
ჩვენ ერთმანეთის მხარესა,

ისტე როგორც, რომ მზე გვიცქერს
დაუურეფს არე-მარესა.
გილოცავთ ახალ ქვეყანას,
ახლათ ამოსულ მთვარესა! . .

ვილოცოთ პირველი მაისი
ვატიროთ მტერი მწარეთა,
მოვფინოთ ხელის უფლება
მთელ დედა-მიწის მხარესა.

VI. კოლექტივიზაციის გამო

წინ მიდის მუშათა კლასი, შრომა დაფასთა მუშისა.
გაქარწყულვა მუქთა ხორების, მუქთათ გაშვება მუტ-ისა.
ღღეს ალტაცებით, გულ-ცფელათ მუშაობს კაცი და ქალი . . .
ალტაცებას და წინ წასლას გვიქაღის ჩვენ მომავალი.

განსირდა მეურნეობა, ბაღათ გადიქვა გურია.
რომ გაღინჯლოთ სოფლებში, გაგეხარებათ გულია.
უცოდინართა კლასები, გაინსნა ნება-რთულია.
ჩაგრულ ხალხს, გონება დასუულს, გვეწვია სიხარულია.

სანეტარო დღე მით დადგა, სისხლის ღვრაი შეწყუდა დღესა.
შეწყუდა ომი საზიზღარი, შემზარავი გულის კვნესა.
გაგვითენდა შეილის დედებს, გაუთენდა ძმების დებსა.
სიხარულით ცრემლებს ვაფქევე, ვმადლობ მუშის ბედადებსა,

Но озарила природа
Окружающее ярким светом;
Князей, господ и крестьян
Сравнили меж собой.
Земли господ и князей
Целиком вручили [нам] крестьянам.
Мы смеемся, хохочем, —
Они же проливают горькие слезы...
Хвалю и прославляю
Сегодняшней власти силы.
Она дала хозяйство,
Ученье, величие крестьянам.
Находились мы под ярмом рабства,
Нынче избавились от его когтей.
Плач превратился в смех у нас,
Измученных жизнью.
Теперь окинем взором, братья,
Мы наши края (с высоты),
Точно солнце, которое смотрит на нас
И все окружающее.
Поздравляю вас с новым миром,
С новорожденной луной...
Будем праздновать 1 Мая,
Заставим врагов плакать горькими слезами.
[И] утвердим власть советов
Во всем мире.

VI. По поводу коллективизации

Рабочий класс идет вперед, труд рабочего приобрел ценность.
Прошли те времена, когда дармоеды без труда нагуливали себе брюхо.
Ныне с восторгом и искренно работают мужчины и женщины.
Радость и прогресс сулит нам будущее.

Участились хозяйства, Гурия превратилась в сад.
Взгляните на деревни, и сердца ваши забьются от радости.
Открылись школы для неграмотных.
[К нам] угнетенным и темным пришла радость.

Блаженный день настал, прекратилось кровопролитие,
Прекратилась война ненавистная и ужасающий сердце стон.
Рассвело для нас, матерей, рассвело и для сестер...
Радости лью слезы, благодарю вождей рабочих.

აწ ვისურვევ ხალხთა შორის, ნუ იქნება შური, მტრობა;
ნუ იქნება სიძულვილი, ნურვის ჩაგრავს გვარცოჴობა
უსურვევ რომ გაძლიერდეს სიყვარული და ერთობა,
მერწმუნეთ რომ ხალხის საქმე, უფრო კარქათ მოეწყობა. . .

კოლექტიურათ წინ მიდის ყველა სოფლებზე გურია;
არც ერთი გლეხი არ არის, ამ საქმის უმაღურია.
მთლიანათ გამოუცხადეს ყმაყოფილება სრულია;
რაგინდ უბრალო გეგონოს, სუ ყველა შეგნებულია.

მეტადრე ჩვენი სოფელი, ჩვენი პატარა ძიმიითი —
ჩემი სოფელი, რომ არის, ვფიცავ არ ვაქეფ იმიითი.
ძმობა ერთობის მომხრეა შეგნებული, მაგალითი.
ამ დიდებას ჩემი აზრით, ველარ უღრის ვერა ნივითი.

VII. გურია აბუნტებულა

გურია აბუნტებულა, აღარ მოსწონს ძველი წესი.
არც თავად-აზნაურობა, არც ბერი და არც სუცესი. . .
— თავადზე და აზნაურზე სწორეთ გულს კი გვაკლია,
იძახიან: «უფროსი ვართ» ჩვენ არასფერს გვარგია.
რა უჭირს რომ იმუშაოს ხელი ხომ კი აზია?!
მის წამულში რა მოდის, რომ შეიტყუოს კარგია. . .

ასე უსამართლობით ვერ გააფსებთ ნალიას!
თქვენზე უფრო შევეწუხობით ჩოლოქს¹ გაღმა ალიას²!

სალეურობოს³ გვანთიებდენ, ახალგაზდა ვარიას;
ჩვენ თვალეფში ვუყურებდით, ქე ყლაპვიდენ ძალიანს⁴.

.....
.....

მუდამ დაჩანჩალებენ მუნიან ქორს ძუა მოკლეს.
ცხრაი გზობა, რომ გამლო იძახიან: «მშია, მომკლეს».

• კარდლები გვაქს დაკარქული, ორ მანათში დრამიზა.⁵
არ ვიცი რას გიზამენ საიქიოს მაგიზა.

¹ ჩოლოქი მდინარეა გურიის და აჭარის გამყოფი.

² გურულები ალიას, ალი ფაშას შემდეგ, და სპირად წინადაც, აჭარლებს ეძახდენ, რად-
გან აჭარაში სახელი ალია და ხუსიკაა სპირია.

³ სალეურობო საყანე მიწის ბე. მიწის პატრონისათვის მიჰქონდა სხვის მიწაზე
მომუშავე გლეხს; ერთი მოხრეული ვარია მისი მისაყოლებლით, რომ სალამოს ჟანის
ტენის შემდეგ (მიწის პატრონს ოჯახში დაბრუნებულს) ვანშის გაკეთება არ დასჭირვებოდა.
აგრეთვე ენის ტენის დღეს სადილიც მასვე (გლეხს) უნდა მიეცანა იმდენი, რომ ჰყოფნოდათ
როგორც მიწის პატრონს და მის მხლებლებს. ისე მიწის დამმუშავებელს და მის ნაღს.

⁴ მღვდლებზეა საუბარი.

⁵ დრამა-ფული საეკლესიო გადასახადი იყო. რომელსაც მხოლოდ გლეხები იხდიდენ.

Да не будет впредь зависти и вражды между народами.

Да не будет взаимной ненависти, племенной розни.

Желаю, чтоб усилилась любовь и единство,

Поверьте, что [этим] дело народа наладится лучше.

В (смысле) коллективизации Гурия идет впереди всех.

Нет ни одного недовольного этим делом крестьянина —

Явили здесь пример беспредельной солидарности.

Каким бы ни казался простаком, у нас каждый сознателен.

Особенно наша деревня, наше маленькое Дзимити,

Клянусь, хвалю не потому, что это моя деревня.

Сторонница братства и единства, сознательная, примерная,

С этим достоинством ничто другое не может сравниться.

VII. Гурия взбунтовалась

Гурия взбунтовалась, не по вкусу ей старый порядок,

Ни князья, ни дворяне, ни монахи, ни священники...

— Дворянами и князьями мы и вправду недовольны.

Говорят нам: „мы начальство“, [а] нам пользы никакой.

Почему им не работать, ведь у них тоже есть руки?!

Поинтересовались бы хоть узнать, что созревает в их имени...

Путем такой несправедливости не наполните амбара!¹

Лучше чем с вами мы поладим с Алией,² находящимся по ту
сторону Чолока...³

Заставляли нас платить [салежробо]⁴ (угощать) молодкой.⁵

Мы смотрели им в рот (голодные), [когда они] лопали до отвала.

.....

Все время таскаются на паршивых короткохвостых мулах⁶

Накорми их (в день) хоть девять раз, [они все] кричат: „голодаем,
уморили“...

Потерял я котлы из-за двух рублей драмовых.⁷

Не знаю, что вас ждет за это на том свете.

¹ Амбар по строению резко отличается от грузинского palia (см. в тексте). „Налия“ скорее похожа на русскую ригу, в ней сушат кукурузу.

² Нарядательное имя аджарских правителей беков (в понимании гурийцев) при старом режиме.

³ Река, впадающая в Черное море южнее Батума.

⁴ Салежробо (საღებობა) означало своего рода оброк помещику; оброчный крестьянин, во время уборки урожая, должен был угостить своего землевладельца обедом и кроме того приготовить ему жареную курицу и еще кое-что на ужин, чтобы барину и его семье по возвращении домой вечером не заботиться о приготовлении ужина.

⁵ Молодка — молодая курица, в тексте „вариа“ (ვარია).

⁶ Подразумеваются священники.

⁷ Налог, налагаемый церковью, называется по-гурийски „драма“, от него были свободны все, кроме крестьян.

ვისურვებდი: სესენწიფო სხვაფერ შეიცვლებოდეს,
გენერალ-გუბენატორი, აღარ დაგვჭირდებოდეს.
სიყვარული, ერთობა, ძმობა დამყარდებოდეს.

VIII. ნასაკირალის ამბებზე

უსინდისო ჯაშუსებო! გაშადეს თქვენი პირები.
რათ მიაზარეთ ციხესა, თელი გურიის შვილები.
ზოგსა დაბით ზორკილი, ზოგსა დაკიდეთ გირები...
კრილოვთან კილომ დამქაშათ, სახელ განუქმული მტელაძე!
თავის სამშობლოს დარბევა, იმან მუაწყო ელანძე.
გურიის შინაარსები, უამბო რუსულ ენაზე.
რა რომ შეიცყო კრილოვმა აუცანცხთა კპილები...
კილემ გამოჩთა იქავე მტელამისთანა პირები...
იმ ჯაშუსსა მტელაძესა, მუუმატეს ერთი ჯუარი,
თან შეაქენ, რომ ყოფილა, მთელი შპიონების თუალი.
დასაწველათ მიულოცეს სუფსის პირი ნაგომარი.
პირველათ, რომ ხელი მიყვეს, თლათ¹ გადაწუეს ოზურგეთი.
ზოგან ნაფთით წოუკიდენ, ზოგან გადაარენ წეთი.
არ დაზოგენ ნაგომარი, არც აკეთი, არც ძიმიითი.
სოფლებს ცეცხლით უპასუხეს, გაიხარეს გული მითი.

IX. ლექსი დათიკო შავარდნაძეზე

დეკემბრის დღითი ვორშაფათს
გამითენდა ცული დილა,
რასაც მტერი მიქანდიდა
განგებამ არ ამატინა.

ნუ ენდობი ქელიძესო
ბევრმა ჩუმით გამაფთხილა.
ლალაგი და საწამლაგი,
ვაი დედავ, რა ყოფილა!

შვიდობით ცოლო და შვილო!
აღარ გყავს თქვენი დათიკო,
თუ ასე გილალატებლით
დღემღი ჩემ გულში არ იყო.

თუმცა მზათა ვარ მე თქვენთვის,
რომ ქირი უვაზე გაგიყო;
მაგრამ მტერმა მილალატა
ველარ კპადრთნობთ, რა გიყო?!

¹ თლათ — მთლიანად, მთელად.

Желал бы я, чтобы перестроилось государство,
Чтоб не нуждались бы мы в генерал-губернаторе,
А воцарились бы любовь, единство, братство!

VIII. О Насакиральских событиях

О, вы, шпионы-изверги! Да будут прокляты ваши уста.¹
Зачем вы отдали в тюрьмы сынов всей Гурии?!
На одних надели кандалы, на других навесили гири...²
У Крылова приспешником и знаменитый Мгеладзе.
Это он устроил погром своей родины;
О всех делах гурийских он доложил [Крылову] на русском языке.
Как только узнал [обо всем], Крылов заскрежетал зубами;
Появились тут еще люди, подобные Мгеладзе.
Этому шпиону Мгеладзе [в награду] прибавили еще один крест.
К тому же восхваляли, признав лучшим из шпионов.
Его благословили на сожжение побережной Супсы — Нагомари.
Как взялись за дело, сожгли целиком Озургеты.³
Местами поджигали керосином, местами [обливали] маслом.
Не пощадили Нагомари, ни Акети, ни Дзимити.⁴
Деревням отвечали огнем — и в этом находили радость.

IX. Стих о Датико Шаварднадзе

Декабрьским днем, в понедельник наступило роковое утро,
Исполнила [мне] судьба то, чем враг угрожал.

„Не доверяй Челидзе“, — предупреждали меня секретно.
Увы, матушка, вкусил я плоды предательства и отравы.

Прощайте, жена и дети, нет больше вашего Датико...
Не думал, что когда-нибудь вам изменю.

Хотя и готов я с вами делить пополам горе.
Но предан я врагом и не могу более быть вам защитой, что делать...

¹ Буквально: да очерняются ваши уста.

² Один из способов пытки при старом режиме.

³ Бывший уездный город, ныне районный.

⁴ Название населенных пунктов в Гурии.

⁵ Четверостишие подлинника передано двустушиями.

მადლობას გწირავ ასკანავ!
თქვენი ძმა თქვენთან აღზდილი . . .
მე მოვკტი მტერთან ბძოლაში,
რაც რომ არ არის აღვილი.

კაცის ქცვენოდეს გაყიდვა
ვინც იულა ხართ ნამდვილი;
რასაც რომ ჩემზე ფიქრობდით
ასრულდა თქვენი წადილი.
დანაშაულობა ჩემი
მეიგონეთ აბა კარქათ.
ერთობას რომ ვამყარებდით.
მიმითვისეთ აფხანაგათ!

მეგონა ყველე მართალი
ტვერიე თქვენში მარდათ.
მსურდა: ეკალი და ბარდი,
გადამქნა: — ია, ვარდათ! . . .
მარა როცა გაქრა ჩემში
სიყვარული იმ ერთობის . . .
და მის მერე დამივიწყეთ
მიზეზი უთანხმოების?!

არ ვიყავი მოყვარული
არც ბაცონის და არც ყმობის,
და ამფერათ ჩემი წმენით
ვიყავი ერთგული ძმობის.
მხოლოთ ვისაც შევწამებდი,
ვისაც შევწამებდი ფლიდათ,
გაიძვერა მოლალატეს
ვერსათ შევხებოდი მშვიდათ.

თავ-მოყვარე ბას ვიცავდი
და პაცივსა ვცემდი ღიდათ;
მოძმეს ვერ გავიმეტებდი
მე ოქროში გასაყიდათ.
მსურდა სახელზე შემეწირა
ჩემი ღონე, ჩემი აჯა . . .
ჩემდა საუბელუროთ
შემომაკტა ერთი სტრაჟა.

მას ვუნდოდი სასიკტილოთ
ჩუმათ გზაში მიდარაჯა . . .
ზოგიერთის მოხერხებით
ვწუნვარ ხალხი დეიტანჯა;
აწე მაინც ვერ დავმალავ
რახედაც, რომ გულს მაკლია:

Очень я Вам признателен, Аскана!¹ Брат, вместе с Вами выросший,
Я погиб в борьбе с врагами, — жертва не малая.

Стыдитесь, продавшие человека, вы, настоящие Иуды!
Исполнилось ваше желанье, все, что обо мне замышляли!

Вспомните хорошенько мою вину:
Борца за равенство, назвали Вы меня другом.

Верил во все это, встал живо в Ваши ряды!
Желал я шипы превратить в фиалки и розы.

Но во мне потухла любовь к этому равенству,
И вы сразу забыли меня! — А причина-то конфликта?

Не любил я ни господ, ни рабства.
И так, по убеждению, стоял за братство.

Не мог я спокойно видеть тех,
Кого подозревал в предательстве и подлости.

Всегда защищал и уважал самолюбие.
Никогда бы не предал друга за золото.

Готов был принести в жертву чести мои силы, мое умение.
К моему несчастью, убил я стражника;

Он хотел меня убить, подкараулив на дороге.
От козней² некоторых пострадал народ, об этом я горюю...
Не могу скрыть (то), что меня печалит.

¹ Аскана — деревня Гурии. Автор стиха, называя деревню Аскана, подразумевает жителей этой деревни, чем объясняется последующее его обращение к Аскане во множественном числе: „ваш брат“ и т. д.

² Точнее: хитрости.

ვწუნვარ სიამაიშვილმა

თავი ძალათ მომაკლია.

— ჩემზე ცუდის ლაპარაკი,

ვკითხე — ვისთან რა გითქვა;

— მან ზოდიშის მაგიორათ,

ცხვირში მუშტი გამიქნია.

რადგან ჩემგან მოთფინების

აღარ იყო მეტის ღრისი,

ჯერ პირადათ წუკუკითხე

ცთომილღების პარაკრისი,

შემდეგ ცყვიით გავასტორე

დანაშაულობა მისი.

მაგრამ მაინც მეცოდებუა

საწყალი და საზრალისი . . .

ჩემთვის მაინც სულ ერთია

ვის შერჩება ეს ქვეყანა,

ყოფილა და აღარ არის

ბევრი ვინმე ჩემისთანა.

ამფერ საქმეს მუავლინებს

ცული ღრო და ცული ხანა . . .

მე დიდი ხნიდან ვიცოდი

მილალატებდა ასკანა . . .

«ავისა კარგი ნუ გინდა» —

ანდაზათ არის ნათქვამი . . .

შენ, დეილოცე ქელიძე!

რომ გამიკეთე ვახშამი;

. ხმელი ხილი ბევრი ქონდა,

ძველი ღვინო და ქათამი . . .

საწამლაგი ჩამირიგნ,

რომ შევიქენი ნასვამი.

მეტონა ოტკა დავლიე

და გემოც ქონდა ოტკური;

სტაქანი, რომ გამეშინჯა

სომ არ ვიყავი ღოსტური!

Жаль мне Сиамашвили, который сам виновен в своей смерти.
Я к нему с вопросом: „Как, что и с кем ты обо мне злословил?“ —
А он, вместо извинений, кулаком мне в нос тычет.

Так как нельзя было больше терпеть,
Я сначала прочел над ним отходную, перечислив все его преступления.

И затем пулей дал искупить свою вину.
Но все же жаль его, жалкого и несчастного.

Впрочем, все равно... Кому дано до конца пользоваться благами
жизни?
Были и нет их — многих, подобных мне.

Так случается в дурное время, в дурной век.
Я давно знал, что Аскана выдаст меня.

„От злого [человека] не желай добра“, — говорит поговорка.
Будь благословен ты, Челидзе, что ужин для меня изготовил.
Много было у тебя сушеных фруктов, старого вина и курятины;

Когда я опьянел [в мой бокал] подсыпали отраву;
Мне казалось, пью я водку, да и вкус то был водки.
Я же не был врачом, чтобы исследовать содержимое стакана.¹

¹ Т. е. выпил.

ევილე და გადავკარი
როგორც წითელი კახური.
თურმე ჩემი მაინძელი
ეშმაკია და მაცთური.

შევატყვე ძალა არ მქონდა
თლა მუხლები წამინაინა,
ავდექი და წამეველი
დევიბჟინე თოფის კინა.

თვალთ ვეფერს ვერ ვხედავდი
თურმე მტერი მიღვას წინა.
მე ხმა მალლა ვიძახოდი:
— ჩამოდექით! ვინ ხართ, ვინა?!

უველე შექთა და შეშინდა
პირველ ჩემსა დანახვაზე...
ბაჯელიძემ დეიძახა:
— დათიკოა შავარდნამე...

— იარალი გადმოვილე
ხელი გადუსვი თოფზედა,
მხედველო ბამ მილალაცა
გაწყვეტილსა ილაჯზედა:

ჩვეულე ბრივ შევტრიალდი
მტერი, რომ შემომესია.
ერთი ხმა მალლა შეეძახე,
როგორც ვაშაკაცის წესია...

კაცი ძალ-ლონე მინთილი
რომ მოკტეს უკეთესია,
რომ თოფის სროლას მიბედავს
მეტრელი თხეზის მწყესია...

თქვენ იფიქრეთ! რას ვიზამდი
მწუნარე და ავათყოფი;
ერთს კი ფეხი მუნაცრიე,
რადგან გევისროლე თოფი.

აფხანავი არ მყოლოა,
არც მომმე, არც განყოფი.
სროლა არ შემეძლო თვარა,
ცყვია კი მქონდა საყოფი.

ნახევარი კტარი ვიყავი
როცა წელში მომხთა ცყვია;
საწამლაივით გულ-მოწამლულს
სიკტილიც არ შემიცყვია.

Поднял [бокал] и опрокинул, словно это красное кахетинское [вино];
Оказывается, мой хозяин хитер и коварен.

Когда заметил я, что нет у меня сил и отнялись колени,
Встал и пошел, опираясь на ружейный ствол.

Ничего не вижу, а враг оказывается стоит передо мной.
Я громко кричу: „Сторонись! Кто тут? кто?“

Все испугались и вздрогнули, увидев меня.
Баджелидзе воскликнул: „Это Датико Шаварднадзе“.

Я снял [с плеча] ружье, взял проворно в руки.
[Но] зрение изменило мне, истощенному;

Когда враги окружили меня, я рванулся,
Раз крикнул громким голосом, как это может только герой.

Человеку, потерявшему силы, лучше умереть.
Осмелился стрелять в меня [этот жалкий] мингрельский пастух;

Подумайте, что мог я сделать больной, обессиленный.
Одному все-таки я переломил ногу, выстрелив из ружья.

Товарища со мной не было, ни побратимов, ни сородичей.
Не был я в состоянии стрелять, а то пуль у меня было достаточно....

Я уже был полумертвый, когда пуля попала мне в поясницу.
Отравленный ядом, я умер, даже не почувствовав наступления смерти..

გხედავ მტრების მოხერხებამ
მე მიწას ქვეშ მომაქცია,
მარა ჩემი მოლაღაცე
ქვეყანაზე რა კაცია!?

ერთი ღლე გველის სუ ყველას
სუ ყველა დასამარნია,
მათი სიკტილი ჯგობია,
ქვეყნათ რომ ზოგი კაცია

X. დექსი სიმონა დოლიძეზე

უბელურ ღლეს გაჩენილი
მე ვარ სიმონა დოლიძე,
ექვსი წელი შევასრულე
არ მიძინია ლოგინზე.

ჩემდა უბელურათ დღგა
ათას ცხრაას ათი წელი,
იმედის ძაფი გამიწყდა
აწ სიცოცხლეს აღარ ველი. . .

ცხრა ეკენისთვის შესიმმა:
ვითამ ყელს მესვია გველი,
ვეცადე ვერ მევიშორე
ისტე შემეშალა ხელი.

უდროვით მოვწყვი ქვეყანას
ვაი ჩემ ბედის წერასა! . .
ისტე მომზღევდენ სტრაჟები
ვით მონადირე შელასა. . .

რაც უაჩაღათ გადავარდი,
შემისრულდა ექვსი წელი.
მოლაღაცეს თვალებს ვთხრიდი,
მპულდა თავადი და მღღელი.

შინდოდა, რომ დავთხოვოდი
ვოკკით და ღვინით თრობასა,
რადგან ყოველთვის ავტყნთი
უბრალო თაფის სროლასა.

წამევიდოდენ სტრაჟებო
შევესთებოდი ყოლოთვინ გზაზე. . .
დაბრუნებული ხალხს ცემდენ
მკლავეფს იცთოდენ ღონეზე.

Вижу, что коварство врагов вогнало меня под землю [в гроб],
Но [скажите] разве человек тот, кто меня предал?!

Одна участь ожидает всех, всех ожидает могила
Есть на земле люди, которым лучше бы умереть.

Х. Стих о Симоне Долидзе

Я, Симон Долидзе,
Рожденный в несчастный день.
Вот уже шесть лет,
Как не спал я в постели;

Наступил 1910 год,
Роковой для меня.
Оборвалась нить надежды,
Ничего не жду более от жизни.

9 сентября снилось мне,
Будто змея обвила мою шею.
Как ни старался,
Не мог от нее избавиться.

Рано покинул я мир.
О! злосчастная моя судьба!
Стражники так гонялись за мной,
Как охотники за лисицей.

Вот уже шесть лет,
Как я разбойник.
Наводил я страх на изменников,
Ненавидел князей и священников.

Хотел я отучиться
От водки и вина,
Потому что после пьянства
Каждый раз открывал для забавы стрельбу [буянил]

Приходили стражники,
А я на встречу им посреди дороги...
Возвращаясь, они избили [сельское] население,
Испытывая на нем свою силу.

ტვეიტი, გული მომიკტა
ხალხის უბრალო ცემაზე,
ტანზე ცეცხლი მომეკიდა
ვით ელექტრონი სინაზე. . .

შევხტი ორუე მოვკალი
სისხლი გაღვირე ენაზე,
შეიძლება ქვეც დამძრახონ
ზოგიერთმა ამის თქმაზე.
რა უნდოდა, რომ მომზღვედენ!
მივიღოდი მე ჩემ ჭაზზე. . .

რა ვიცოდი თუ გაშიდა
ჩემი ძმა ანდრო დოლიძე,
მისგან ლალაცს არ ველოდი
ერთათ ვიწვევით ლოგინზე.
ნატანებში გავემტავარეთ
ცოცხალი მუხლები მტკივოდა,
«ცოცხალი ვერ დაბრუნდები» —
გული სულ ამას ჩივოდა¹.

იქ შევედი ნალიაში
ანდროს შეტმა არ იცოდა;
ერთი აფხანატი მყავდა
იგიც ჩემსავით იწვოდა.
ანდროს ვუთხარ: «გატვეტავნე!»
გვიყიდე ცოცხა პურიო.
ამევიღე და მივეცი
რაც რომ ყოფნოდა ფულიო.
იმას ვუთხარ: «ღეიჩქარე»!
თან ქვშია და თან გვწყურია. . .
თურმე მისი ხელით კვლავდა,
როგორც იუდა ურია. . .

ურადნიკი² ჯაფარიძე
ცნობილია გურიაში,
ის ჩვენ ძმასა შეხთენოდა
მისი ჯარით მერიაში.³
ანდროს უთქუამს: «წამო ბრძანდით!
ღეგნილი მყავს ნალიაში,
აუცილებლათ ღევიჭერთ
ღღეს არ გამოვლიენ კარში». . .

¹ ჩივოდა-მეუბნებოდა.

² ურადნიკი რუს. **урядник**.

³ მერია სოფელი და მატარებლის სადგურია ოზურგეთიდან ნატანებისაკენ.

Узнал я
Об избиении ни в чем неповинного народа,
Сердце у меня замерло,
Горю, как в огне, весь я — точно наэлектризованная проволока.
Встретясь,¹ убил обоих,
Крови их полакал своим языком.
Возможно, что многие за это
Будут осуждать меня.
А зачем им нужно было гнаться за мною,
Я шел своей дорогой,
Не знал, что продаст меня
Мой кровный брат Андро Долидзе.²
Не мог я ожидать предательства,
Мы спали на одной кровати.³
[Однажды] отправились мы в Нотанеби.⁴
У меня немного болели ноги.
„Ты не вернешься живым“,
Говорило мне сердце.
Тут мы зашли в ригу;
Никто не знал об этом, кроме Андро.
Был со мною товарищ,
Горел тем же огнем, как и я.
Я сказал Андро: „Ступай,
— Купи немного хлеба“.
Тут же достал и отдал деньги,
Сколько было нужно.
И добавил: „Торопись,
Нас томят жажда и голод!“
А оказалось, что он и замышлял наше убийство,
Как Иуда-предатель.
Урядник Джапаридзе
Хорошо известен в Гурии.
Он, Джапаридзе, со своим отрядом
Встретил моего брата в Мери.⁴
Андро ему сказал: „Пожалуйте за мной,
Преследуемый вами сидит у меня в амбаре.
Сегодня они не выйдут оттуда,
Мы их непременно поймем...“

¹ С стражниками.

² Андро Долидзе имеет ряд однофамильцев в Гурии; упоминаемого — нет в живых.

³ Выросли вместе.

⁴ Местность в Гурии, железно-дорожная станция и селение.

გუფურეთ, აღარ მევიდა
ლაგვიგვიანდა სადილი,
აფხანაგი მესვეწება:

— «გამევიცვალოთ ადგილი».

მე მაინც არ ღოუჯერე:

— «გჭამოთ აქ-მეთქინ სადილი» . . .

გვეიხედე, რას შევხედე
გულზე დამესო ნეფსია,
სადილი არ ღაგვიწუია
სტრაჟები შამოგვესია.

ერთი ისეთ ღაგვანაღეს
რაფაც¹ სეცუვა და მესია.
გადმოსტომის ღროს მესროღეს
მომტეხეს ორივ ფესია.

ჩემ აფხანაქს ღიღეჯენ
ის ცოფიანი ძაღლები,
თუღზე ცრემლი მომადგა
ვხედავ და ვერ ვესმარებ.

უცფე ძალა მევიკრიფე
თოფიც მაგრა გვეისროღე;
ურადნიკი ჯაფარიძე
ამ ჩემ გვერდით მივიწვინე.
ჯერ დათვივით ვაღრიაღე
აფიტრების მოლოღინე.

თურმე იგი ჯაფარიძე
ჯვარს იღებდა ჩემ სიკტიღზე,
მაგრამ თაგზე წაგიკალი
მე ვარ სიმონა ღოღიძე.

ამის მერე მეგობრებო!
სამუღამოთ ღევიძინე...
აწ მშვიდობით მეგობრებო!
მივალ მოუსლოღოსა გზაზე,
ლექს გიტოვეთ სამახსონოთ
ღამღერეთ გიტარაზე!

XI. ღექსი ნესტორე მაგინაშვიღზე

ესია ძმებო! ღღე ღაგვიღგა, ცირიღის და ვაებისა,
თვალ-წინ გვიღგა ღვრია სიტხლი ჩვენი კოხტა ძმანებისა.
ღარებ ქოსში გამოზღიღი, სიმწუნარე მშობლებისა.
ისე ღახვრიტეს ქურღულა, მშობლის ნახვაც არ ეღრისა.

¹ რაფაც-როგორც.

Ждем и не идет он,
Запоздал наш обед.
Товарищ мой умолял меня:
„Переменим место“.
Я все же не согласился;
Говорю: „Покушаем здесь“.
Выглянул и что вижу?!
Екнуло у меня сердце.
Еще не начинали мы обедать,
Как окружила нас стража.
Грянули выстрелы,
Точно град и гром.
Я выпрыгнул,
Пулями мне пробило обе ноги.
[Затем] эти бешеные собаки
Погнались за моим товарищем.
На глаза навернулись слезы,
Вижу [его в беде] и не могу помочь.
Вдруг собрался с силами,
Выстрелил из ружья —
И урядника Джапаридзе
Уложил на месте.¹
Заставил его, ожидавшего офицерского чина,
Реветь по-медвежьи.
Оказалось, предстояло Джапаридзе
Получить крест за мое убийство.
Но я принес его в жертву себе, его же жертве,
Я, Симон Долидзе.
После этого, друзья,
Уснул я навеки.
Теперь прощайте, друзья,
Иду я, откуда нет возврата.
Оставлю на память стихи,
Чтоб вы пели их под звуки гитары.

XI. Стих о Несторе Магинашвили

Настал, братья, день плача и стенанья;
Перед нашими глазами пролитая кровь наших красавцев братьев,
Выросших в бедняцких землянках, и печаль их родителей.
[Магинашвили] расстреляли в застенке по-воровски,
Даже не дали с родными повидаться.

¹ Буквально: рядом со мной.

სიზმრათ ნახა მის ეზოში, მოთხრლიყო მუხის ზეო.
იმიხსნა შენსა მტერსა, იმას დააყენეს ღლეო.
იალონზე თავს დაადგა აფიცური სულთა-მსუთი.
აღექიო, დოუძახა: — არ აცალა ერთი წუთი.

ეიყვანეს, წეიყვანეს, მინდორი ნახეს ციალი.
მისი თული სიკვდილს ზედვს, იქ არეინ ყავს მცირალი.
ფესში ბორკილი შეაბენ გამოკიდენ მეში წელნი.
პოლიცია გაიძახის: «კიდემ მიუშავთ ზელნი» . . .

პოლიციელებს მუდამ ყავს, შპიონები მაწანწალა . . .
ქვეყნათ სიცოცხლეც შოუსპო და გარეზაც არ აცალა . . .
— ჰო! მიღალა, შპიონმა უდროვოთ მომჭრა ყელია,
მე თქვენთან ყოფნა მერჩია, სამარსში გიხსელია! . . .

— ყველას შეგებრალეზოდა გეყურებია ოხრაზე,
ვეფერით ვერ მეიშორა, წერი მიაქლა ღოყაზე;
რა კაცია, რომ გაუძლებს, ამფერი ძმის სიმწუხარეს.
სელ შეკრული კილომ ყვირის: «მოდი ძმებო, მომეხმარეთ!»

— ჯალათები დასაზრეკად, ირგვლივ მოდის ცეპ გაშლილი,
და ზუცესი წინ მიუძღვის, ცოცხალს მარხავს წვერ გაშლილი.
ღეინახა დოუყვირა: «მას დაუდგეს ორი თვალი;
ზიარება რაღათ მინდა, შინ მიდგება სისხლის ღვარი» . . .

— ითხოვა და აფიცერმა, მისცა ცოცა სიკუყვის ნება;
— «რაც გინდა ჩქარა წამოთქვი, თორემ დიდ-ხანს არ იქნება» . . .
— «რას მიშობით თქვენ პირშავო! რომ მიმაკონეთ სცოლბაზე,
ნეტა! რა ჩინეფს მიიღებთ, ჩემი უმართლოთ მოკვლაზე?»

— ამ ნაირი სიკუყვის თქმაზე ძალიანი გუუმჯავარდა.
ბეური არ დააცალა მიაყოლა ცყვია თავზე.
მას სიკვდილი არ ემჩნევა, არ ემჩნევა ორ ზალბაზე.
მესამე რომ მოუმატეს, გადაკიდა თავი განზე,

როცა ბორკილი დაჭრეს და ჩოუსვეს სამარეში,
სისხლიც აღარ ჩაყოლია. გამოწრეტილიყო ცანში . . .

— «ვაიმე თუ შიშვლათ გდინარ! წერი გენოვა ღოყაზე,
ცოცხალს ველარ გნახულობდი, კტარსაც ველარ გეფერები!» . . .

— «რათ გინდა ღელა! რომ მნახო დასუქული მაქს თვალეზი,
თორემ მე კილომ მომიტანს ჩემი კეთილი ძმანეზი» . . .

А увидел во сне, будто в его дворе свалился дуб, что вырвало
с корнем.

Участь Магинашвили можно пожелать только врагу.

Офицер-душегубец захватил его на рассвете еще в кровати.

„Вставай!“ крикнул, не дав [жертве] ни одной минуты.

Взяли и увели в пустынное поле.

Перед глазами у него смерть, а кругом нет никого, кто бы
оплакать мог его.

Надели на ноги кандалы, к пояснице приладили ему ремни.

Полиция велит: „Кандалы ему и на руки“.

У полиции всегда имеются шпионы-бродяги...

Его лишили жизни, не дав насладиться земной радостью.

„Меня предал, безвременно погубил шпион,

„Я хотел быть с вами, а нахожусь в могиле“.¹

Всякий бы содрогнулся, увидев, как он стонал.

На щеку ему села муха, а он не мог ее согнать.

Какой брат может пережить такое горе.

Скованный он продолжал кричать: — „Подите братья, помогите“!

Готовясь к его расстрелу, раскинулись солдаты широкой цепью.

Бородатый поп идет во главе остальных, хоронит его заживо.

Увидя [попа], крикнул [обреченный]: „Чтоб твои глаза ослепли!

На что мне твое святое причастье, когда дом мой полон крови!“²

Он попросил у офицера слова, и тот разрешил ему [сказать].

— „Говори, что хочешь, побыстрей, медлить нельзя“.

— „Что со мной делаете, вы, порочные!“³ Что привязали меня
к столбу?

Хотелось бы посмотреть, какие такие вы получите чины за мое
беззаконное убийство“.

За такую речь [офицер] страшно разгневался.

Не дав договорить, пустил пулю ему в голову.

Раздались два залпа, а он все жив.

Еще третий, и голова у него повисла назад.

Пока сняли кандалы и тело опустили в могилу, он весь истек кровью.

Не взял с собою в землю ни капли ее.

„Горе мне! Может быть, валяешься ты [родной] нагишом,
и насекомые ползают по твоему лицу.

„При жизни тебя редко видела и мертвого тоже не могу приласкать“.

— „Друзья доставят меня к тебе! Впрочем, к чему это,
матушка, — у меня закрыты глаза“.

¹ Эти слова песнь вкладывает в уста покойника. В дальнейшем песнь имеет в виду наряду с казненным брата его и мать.

² Т. е. меня казнят.

³ Буквально: черные уста, в значении 'провинившиеся'.

ამ ლექსისა გამოთქმელი: მე ნესტორ მაგინაშვილი,
მე აქნა არ მომტირის, არც ღელა და არც ცოლშვილი.
გემშვიდობებით ძმანებო, მუშათ გამარჯვება ნახეთ!
უღროვით ვარ ჩემ სამარსში, ყველამ — ვაშა! ჩამომძახეთ!

XII. ლექსი ჭოლაზე

ჭოლა იყო კაი კაცი, ყოველ ქვევანს ცნობილი,
მარა ცინეში ჩააღიპეს ხალხიზა თავ-ღაღობილი.
მამა მისი ბიბონე სულ იყო ცყუვ-გაძრობილი,
ვითამ შვილს ესმარებოდა, ვალი ქონდა ღაღობილი.
კაპეიკს არ არგოდა, ჭოლა სულ მისით სტავლობდა;
მისგან კაცის გამოსულას ყველე თავიდან ამბობდა.
საწყალი აღრე ღაღ(ლ)და, ღლე და ღამე მუშაობდა.
გაუყუილი იღარიონ არც იმდენს ესმარებოდა;
რასაც სიტყვებში ჩივოდა,¹ უურებს გამოგიურუებდა. . .
რუსების ჯარი მას² ზღევდა, რადგან მეფეს აშინებდა.
კრებზე გამევიდოდა, მეფის კაცებს აგინებდა.
არც ერთის აფერი³ წამდა, ღღლეებს სულ აღარ აძინებდა.
ხირისთავის⁴ მედუქნეებს ლექსებში «გაადიდებდა».
«აქებდა» მან სულ ყველას, თვალიდან ცრემლს აღვრიებდა. . .
მოკცა ჭოლა დეიკარქა, მისი სახე საცოდარი.
ერთი შვილი ღაცია და ათასი მოსაოხარი.
მისი საქმე გეიმარჯვებს, მშრომელების გასახარი. . .
მის შვილს ჭოლიკო დაათქვა, სახელი მოსაგონარი. . .
ფედოსა და სიღონიე, ჭოლაზე ცრემლ დანაღვარი:—
გამეცველა საწყლები, ძნელი სანახავი არი.

XIII. ოხ ტრაქტორო!

ოხ, ტრაქტორო ვენაცვალე!
მე შენს მომგონს ხელშია.
გლეხები და ღარიბები
შენ გამართე წელშია.

გლეხის ქაღო შენ იქნები!
ამ ტრაქტორის მოფერი;
ჩამოგივლი სამუშაოთ,
გავახაროთ სოფელი!

¹ ჩივოდა — ამბობდა.

² მას — ჭოლას.

³ აფერი-არაფერი.

⁴ ხირისთავი resp. ხილისთავი. გვსდება გამოთქმა: ხიხისთავი-ც.

Сочинитель этого стиха — Я Нестор Магинашвили.
Меня здесь не оплакивает ни мать, ни жена и дети.
Прощаюсь с вами, друзья. Вам да будет жизнь продлена
до победы рабочих!
Безвременно ушел я в могилу. [В час победы] крикните и мне
сюда „ура“.

ХII. Стих о Чоле

Чола был хороший малый, известный во всей [родной] стране.
Но его сгноили в тюрьме, человека, преданного народу.
Отец его Бибон был всегда нищим.
Он был в долгах. Занимал деньги под предлогом помощи сыну,
А сыну не давал ни одного гроша: Чола учился всегда на свои
средства.
И знали все, что из него выйдет человек.
Бедный [Чола] в раннем детстве остался сиротой. Трудился день
и ночь.
Ожиревший Илларион не столько помогал ему,
Сколько кричал об этом, надоедая этим всем.
Его [Чолу] преследовали русские солдаты, так как он страх
наводил на царя,
Выступая на собраниях, он позорил царских чиновников.
Ни в одного из них не верил. Не давал также покоя и священникам.¹
Хидиставских лавочников „возвеличивал“ в стихах,
„Славил“ всех их так,
Что они [от бессильной злобы] плакали.
Умер Чола, погиб дорогой нам человек,²
Оставил он одного сына и тысячи других нуждающихся в нем.
Дело его победит, на радость трудящимся...
Сына своего назвал он Чолико в память о себе.
Феодосия и Сидония, убитые горем, изменились несчастные
до неузнаваемости.

ХIII. О, Трактор!

О, трактор! Дорогие руки твоего изобретателя!
Ты разогнул спины
Рабочим и крестьянам.³
Крестьянка, ты будешь
Шофером этого трактора.
Поедем мы на работу,
Обрадуем деревню.

¹ Буквально: не давал спать.

² Буквально: исчезло его лицо, достойное сожаления.

³ Т. е. ты улучшил положение крестьян.

XIV. ჩაის კულტურა

სადაც ცხოვრობდა
მგლები და ტურა,
იქ გავაშენოთ¹
ჩაის კულტურა!

XV. გლეხის სიმღერა

სევდა-ღარღი უკუ ვფარე,
გული შევებით გავაწარე.
დღეს ნაშრომი სულ ჩემია
შრომა მისთვის შევიყვარე.

გავუღეხე სახნის პირი,
თოხ — ნამგალი გამოვჩარხე;
სამუშაოთ მოკაწმულმა²
კლავ სიმღერა შემოვძახე.

¹ სიმღერისას აქ უმატებენ «ბიჭებო» — «იქ გავაშენოთ ბიჭებო».

² მოკაწმული — მორთული, გამწაღებული

XIV. Культура чая

Где водились раньше
Волки и шакалы,
Там разведем
Культуру чая.¹

XV. Песнь крестьянина

Отбросил печаль и скорбь,
Мое сердце исполнилось радости.
Теперь плоды моего труда принадлежат мне,
Поэтому я полюбил труд.

Отточил я соху,
Серп и мотыгу.
Так, готовый к работе,
Вновь запел я песнь.

¹ При пении добавляется слово «ребята» ბიჭობს: „там, ребята, разведем культуру чая“.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

Приведенный на стр. 157—189 материал собран мной в Гурии летом 1929, 1930, 1931 и 1932 гг. в районах Озургеты, Ланчхуты и Чохатаури. Я тогда больше интересовался гурийским говором с лингвистической точки зрения и записывал тексты разнообразного характера. Они собраны мною в большом количестве (около 1000 рукописных страниц).

Читателю нужно иметь в виду, что главным образом дан лишь материал небольшой, по Гурии — части Грузии. Этот материал поэтому не может отражать все богатство грузинского фольклора.

Все песни на грузинском языке даны в стихотворной форме; в Гурии их поют под звуки гитары или чонгури.¹

Считаю необходимым сделать пояснения к текстам.

Текст I. „Лозунг 1905 г.“ (1905 წლის ლოზუნგი): во второй строчке вместо Николай — в настоящее время встречаются и другие имена, особенно в частушке в виде шутки.

Текст II. „Генацвале колхоз“ (გენაცვალე კოლექტივი). Мною записан от рабочих на вокзале Супса (სუბსა, 30 VII 1930 г.). Мотив тот же самый, что и других песен; поют на чонгури. В с. Лехаури я записал песни „Об отмене крепостного права“, „Аралали“ (არალალი) и другие, в которых после каждой строфы стиха также повторяется припев „оделия рануни“, еще через строфу „реро рануни“ или „аралали, аралали“. Известные в Гурии чонгуристы и хорошие знатоки других грузинских песен — старики братья Нестор и Антон Контридзе (жители с. Лехаури ბ. და ა. კონტრიძეები), от которых я слышал эти песни, пели их таким образом.

Эти песни известны заслуженному педагогу Г. Д. Шарашидзе (с. Бахви), который пел их и в части припева насвистывал на сойнари¹ (სოინარი).

Текст III. „Настало новое время“ (დადგა ახალი დროება). Пели при уборке кукурузы (с. Бахви, июль 1929 г.).

¹ Чонгури гесп. чегури — струнный музыкальный инструмент.

² Сойнари — музыкальный инструмент, сделанный из шести штук вместе связанных различных размеров полых палочек, издающий звук от вдувания.

Текст IV. „Освободились от русского царя“ (მთავრები და რუსი ზღვნი). Поют за столом (с. Хеви, август 1930 г.).

Текст V. „Рабочим и крестьянам“ (მუშას და გლეხს), мною записано в с. Акети (აქეთი 14 VIII 1933 г.). Сказитель Артем Бежанович Хухунайшвили (ა. ბ. ხუხუნაიშვილი 37 лет, крестьянин с. Акети) пел на гитаре, и, как говорит, он сам автор этого стиха. После Акети, в сел. Нигоити (ნიგოითი), мне встретились на дороге ребята, которые хором пели этот же самый стих.

Текст VI. „По поводу коллективизации“ (კოლექტივიზაციის გამო). Записано мною в с. Дзимиტი (ძიმიტი 31 VII 1930 г.) Передала Софья Георгиевна Гугунава-Гогиберидзе (55 лет). От нее я записал много стихов, из которых автором некоторых является она сама. Приведенный стих принадлежит ей; он впоследствии получил распространение в окрестных деревнях.

Текст VII. „Гурия взбунтовалась“ (გურია აბუნტებულა). Сказитель Григорий Семенович Гугунава (сын поэта Семена Гугунава, ему 58 лет, житель с. Нагомари, 31 VII 1930) добавляет, что этот стих, как песня, в Гурии распространение получил после 1902 г., во время и после крестьянского движения против церкви и дворянства. Г. С. Гугунава, как он сам отметил, не помнит этого стиха целиком. Недостающие места отчасти восстановлены С. Г. Гугунава-Гогиберидзе, но она тоже делает оговорку, что все же нехватает нескольких строк; пропущенное место отмечено пунктиром.

В 1902 г. действительно имело место в Гурии крестьянское движение. Крестьяне, изнемогавшие под бременем тройных налогов со стороны правительства, духовенства и жадных землевладельцев, вынуждены были выступить на защиту своих прав.

Движение началось в с. Нигоити, где крестьяне выступили против князя Мачутадзе (მაჭუტაძე). Оттуда движение перешло почти во все гурийские села, руководимое социал-демократической партией. Вскоре был объявлен бойкот землевладельцам, духовенству и всем государственным учреждениям.

Текст VIII. „О насакиральских событиях“ (ნასაკირალის ამბებზე). Сказитель Иосиф Степанович Хинтибидзе (ი. ს. ხინთიბიძე, 38 лет, житель с. Дзимиტი, ძიმიტი, 31 VII 1930). После 1902 г. в Гурии оживилась революционная работа. Пропагандисты имели большие успехи в деле организации крестьян.

Организовывались митинги, на которых, с одной стороны, носили портреты Маркса, Энгельса и Лассалья, с другой, Николая II с семьей в опрокинутом виде, и последний пробивали пулями после окончания митинга.

Бывали митинги, на которых присутствовали 6—7 тысяч человек. Николай Яковлевич Марр, свидетель такого митинга и присутствовавший на нелегальных партийных собраниях еще в 1905 г., смело пишет

„Народное движение в Закавказьи в данный момент идет уже не из городов в села, а из сел в города“,¹ и потом ставит вопрос „что будет дальше?“ — „До воцарения полной свободы во всей России, той свободы, которой Гурия пользуется сейчас, гурийцы ничего не хотят брать и, естественно, ничего не хотят давать“. ² Теперь этот вопрос разрешен. Насколько борцы были уверены, что они достигнут своей цели, доказывают слова крестьянина, которые приводит Н. Я. Марр:

„Если суждено нам потерпеть поражение и погибнуть, — говорил мне один из них, — туда нам и дорога, и да здравствует наше поражение, так как в нашей смерти, в пролитии нами крови — лучший залог . . . торжества нашего дела“. ³

Правительство боялось принять решительные меры для ликвидации движения. Но меры были приняты, и 11 февр. (1905 г.) под руководством Алиханова-Аварского в западную Грузию отправили карательный отряд для уничтожения революционных сил. Власти поняли, что допустили ошибку. Сейчас же (16 февраля) дано было распоряжение, чтобы генерал Алиханов-Аварский остановился на время в окрестностях Гурии до выяснения причин волнения и требований восставших. Для выяснения этого послали в Гурию члена Государственного совета Крым-Гирея, который 22 февраля уже находился в Гурии.

„В общем гурийское крестьянство предъявляло Крым-Гирею следующие требования: ⁴

1) Конфискация всех удельных, церковных и монастырских земель и безвозмездная передача их в распоряжение народа.

2) Переход в полное распоряжение крестьян всех надельных земель. Земли эти должны быть переданы крестьянам безвозмездно. Уплаченные крестьянами деньги должны быть возвращены обратно.

3) Учреждение крестьянских комитетов, которые проведут в жизнь земельную реформу.

4) Упразднение всех косвенных налогов и введение прогрессивного подоходного налога.

5) Упразднение сословий и уравнение всех перед законом.

6) Свобода слова, печати, собраний, коалиции и стачки.

7) Неприкосновенность личности и жилищ.

8) Выборность судей и ответственность чиновников перед народом.

9) Упразднение постоянной армии и всеобщее вооружение.

10) Отделение церкви от государства. Содержание духовенства должно быть возложено на тех, кто нуждается в его услугах.

¹ Проф. Н. Марр. Из гурийских наблюдений по поводу бакинских событий. (СПб., 1905), стр. 5.

² Там же, стр. 15.

³ Там же, стр. 30.

⁴ См. Филипп Махарадзе. Очерки революционного движения в Закавказьи, стр. 154, Русск. изд. Тифлис, 1927 г.

11) Гражданская школа и отстранение духовенства от дела образования молодежи.

12) Обязательное обучение детей до 16-летнего возраста. Помимо этого для создания основ нового государственного строя гурийские крестьяне повсюду требовали созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола, национальности и религии.“

Крестьяне также требовали обучения на родном языке и не давали новобранцев в царскую армию.

Посредники, присланные правительством, много обещали, но мало дали.

„16 октября в Озургетах полиция получила сведения, что в мест. Чохатоури, отстоящем на расстоянии 25 верст от Озургет, устроили нападение на полицейское управление; нападавшие забрали 9 винтовок, 2 револьвера, убили одного стражника, ранили двух, захватили в плен двух стражников и самого пристава, 19 октября уездный начальник Лазаренко со стражниками и сотнею казаков направился в Чохатоури. Но в Чохатоури никто ему сопротивления не оказывал, а при возвращении его, когда он с войсками подошел к Насакирали, на него напали гурийские повстанцы“.¹

Вот об этой борьбе рассказывает здесь выше приведенная песня „О Насакиральских событиях“. Упомянутый в ней полковник Крылов, помощник Алиханова, был прислан в Гурию для ликвидации революционного движения. Это он предал огню деревни и город Озургеты. Он сообщает заместнику, что в Гурии все в порядке, только крестьяне сжигают свое добро и уходят в лес. (!) В то же самое время он угрожает крестьянам, что не перестанет сжигать села до тех пор, пока они не откажутся от своих требований и не выдадут руководителей движения.

Что касается упомянутого в стихах Мгеладзе, то хорошо видно из стиха, кем он был. Таких агентов убивали тогда, но ему удалось спастись от правосудия крестьян.

Текст IX. „Стих о Датиго Шаварднадзе“ (დღეისი ღათიგო შავარდნაძე ბებეჭე). Записано мною от Артема Ивановича Чантурия (ბ. ი. ჭანტუია, 26 лет, житель с. Хварбети, ზვარბეთი, 16 VIII 1929). Д. Шаварднадзе был очень смелый и храбрый; с 1904 г. был известным в Гурии разбойником, вначале его считали революционером и борцом против царского правительства, но вследствие происшедшей ссоры с товарищами они (его товарищи-разбойники) начали распространять слухи о том, что Д. Шаварднадзе агент жандармерии. Благодаря этому авторитет его пошатнулся. Поэтому в стихе приписывается ему, как будто он отошел от революции, стал националистом и т. д. Во время вышеприведенных Насакиральских выступлений он доказал, что это было неправдой. Он

¹ См. там же, стр. 163.

был один из первых среди организаторов этого выступления. Он принял активное участие и играл руководящую роль в Насакиральском бою и был изменнически убит в 1908 г.¹

Здесь приводится стих о Д. Шаварднадзе, очень распространенный в Гурии, он часто поется под аккомпанимент гитары или чонгури.

Текст X. „Стих о Симоне Долидзе“ (ლექსი სიმონა დოლიძე). Записано со слов того же А. И. Чантурия, с. Хварбети, (სვანბეთი 16 VII 1929). А. И. Чантурия добавляет, что другой разбойник, упоминаемый в стихах как товарищ С. Долидзе, был по фамилии Бурчуладзе (ბურჭულაძე).

Текст XI. „Стих о Несторе Магинашвили“ (ლექსი ნესტორა მაგინაშვილი), записано со слов Елены Мелкисовны Тодрия-Тедорадзе (27 лет, крестьянка с. Квабга, ქვაბლა, 5 IX 1930 г.).

Текст XII. „Стих о Чола“ (ლექსი ჭოლა). Записано в с. Чачиети (ჭაჭიეთი, 10 VIII 1929). Чола-Бикенти Ломтатидзе (ჭოლა ლომთათიძე, 1887—1915 г.) был делегатом 2-й Гос. Думы; известный писатель, публицист, марксист. Скончался в тюрьме.

В стихе упоминаемые: Иларион Ломтатидзе был дядя Чола, Чолико (ჭოლიკო) — сын Чола, Феодосия² и Сидония³ — сестры.

Текст XIII. „О трактор!“⁴ (ოხ, ტრაქტორო!) Записано мною в Чачиети (ჭაჭიეთი, чохатоурский район 28 VII 1932 г.) от Давида Герасимовича Квачантирадзе (დ. გ. კვაჭანტირაძე, житель Хидистави, 22 лет), певшего вместе с хором. Песнь очень распространенная. Во время пения стиха для ритма песни вставляются частица ღა (союз и), а после каждого куплета — припев: „дели-одела“ (დელი-ოდელა), „ори-орера“ (ორი-ორერა) по три раза и, наконец, „тангала-тунгала“ (ტანგალა-ტუნგალა) также 3 раза.

Эти припевы на данном этапе развития грузинского языка смыслового значения не имеют. Мотив восточно-грузинский.

Текст XIV. „Культура чая“ (ჩაის კულტურა). Записан там же от Григория Иосифовича Замбахидзе (გ. ი. ზამბახიძე, 16 лет, житель с. Чачиети, 26 VII 1932).

Стихи с тем же мотивом были напечатаны в грузинском юмористическом журнале „Тартарози“.

¹ См. Тенгиз Жгенти. 1905 год в Гурии. Тифлис, 1927 г., изд. II, на груз. яз.

² Феодосия Ломтатидзе-Антидзе живет в с. Хеви (ხევი). Я от Феодосии и Сидонии записывал замечательные воспоминания о Чола и получил материалы по его нелегальной работе до 1908 г. (до ареста).

³ Сидония Ломтатидзе-Дадиани живет в с. Кобулети Авт. ССР Аджаристана. Ее считают просветительницей этого района, так как она много трудилась по распространению грамотности среди крестьян и по освобождению женщин из кабалы мусульманского семейного быта (снятие чадры и т. д.).

⁴ Тексты: XIII, XIV, XV, вместе с другими народными песнями, записаны мною на фонографе и хранятся в Институте антропологии и этнографии Акад. Наук в фонограмм-архиве.

Текст XV. „Песнь крестьянина“ (გლეხის სიმღერა). Записано там же от Геронтия Михайловича Долидзе (გ. დოლიძე, 13 лет, житель с. Чачиети, 25 VII 1932). Два последних стиха (XIV и XV) поются обычно в колхозе за работой или в пути.

Перевод стихов с грузинского на русский принадлежит т. М. П. Чхайдзе; сличение перевода с грузинским текстом Е. Б. Вирсаладзе и В. Д. Дондуа, за что считаю необходимым принести им глубокую благодарность.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Г

Партизаны. Сборник статей, партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть советов. Издан решением Читинского окружного комитета ВКП (б), Чита, 1929.

В настоящее время, когда начинается работа по собиранию и изучению фольклора гражданской войны, мы особенно должны дорожить теми материалами по истории движения, которые могут помочь фольклористу в его работе. С этой стороны нельзя не отметить книги „Партизаны“. Назначение ее — рассказать массовому читателю о героическом трехлетии Забайкалья, „о главных этапах борьбы, рассказать ее главные эпизоды“. Сделано это с большой любовью. С большим вниманием подобраны исторические документы, воспоминания самих партизан, отрывки дневников — все, что в совокупности освещает эпоху, развертывает картину борьбы. Ряд иллюстраций, фотографий, снимков с гравюр художника Болотова украшают и оживляют издание. К книге приложена карта повстанчества. Этот опыт широкой популяризации исторических и мемуарных материалов вышел несомненно очень удачным.

Не вдаваясь в подробный анализ и более углубленную оценку всей книги, я хочу коснуться ее постольку, поскольку она может быть интересной и полезной и для фольклориста, занимающегося изучением фольклора гражданской войны.

В процессе своей работы ему постоянно придется обращаться к ряду документов, письменных сообщений о событиях, к воспоминаниям. В книге „Партизаны“ фольклорист, работающий над сибирским фольклором, найдет ценный материал, вскрывающий и фактическую сторону событий и обрисовывающий участников движения, обстановку, настроения различных групп населения и т. п. С этим можно будет сопоставить собранный материал устных сказов, легенд, анекдотов и пр.

Но особенный интерес представляет 4-й отдел книги: „Партизанские песни“.

При скудости собранного до сих пор материала по песенному фольклору гражданской войны каждая новая запись — уже вклад. Отдел включает 11 номеров. Правда, из них большинство не песни. Это стихотворения партизан, очень интересные как выражение партизанской идеологии, очень ценные для характеристики их творчества. Известное значение они представляют и для фольклориста, в поле зрения которого всегда должен стоять вопрос о взаимоотношении творчества личного и фольклора. Но главный объект его изучения — творчество, освоенное некоторым коллективом, творчество масс. Вот почему особенное значение для фольклориста представляют те три из помещенных вещей, которые являются настоящими песнями, бывшими, как говорит примечание, любимыми песнями партизан. Песни эти еще раз подкрепляют наши наблюдения над тем, что создание партизанских песен идет главным образом по линии подражания, с одной стороны — старым солдатским песням („Памяти Журавлева“), с другой стороны — когда-то распространенным

романсам („На смерть Погодаева“ — подражание романсу „Чайка“), в ритмический строй которых облекается тематика гражданской войны.

Что касается приведенных стихотворений, то, к сожалению, за исключением одного („Думы беглеца“) они не сопровождаются примечаниями об авторе и об условиях, времени и месте написания, что повысило бы значение их, как материала для исследования.

С. Мирер и В. Боровик. Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. Под редакцией М. В. Морозова. ГИХЛ, М.—Л., 1931, 454 стр., ц. 3 р. 20 к.

Книга является результатом работы, произведенной авторами в 1928 г. на Урале во время экспедиции на Урал и Алтай фольклорной подсекции Государственной Академии художественных наук. Это сборник устных рассказов о гражданской войне, преимущественно в Уральской области, записанных от самих участников или очевидцев событий. Сборник включает 89 рассказов, вступительную статью С. Мирера и два предисловия — редактора М. В. Морозова и проф. Ю. Соколова.

Во вступительной статье автор, отмечая, что сказ о революции — это совершенно новый вид фольклора, дает опыт предварительной классификации собранного материала. Он устанавливает следующие основные виды: устный роман или повесть (название дается условно), устная поэма, рассказ-сказка и, наконец, рассказы с агитационной тенденцией. К первому разделу автор относит произведения, „где рассказчик не ограничивается изложением цепи событий гражданской войны и периода мирного советского строительства, а вносит в рассказ свою или чью-нибудь личную историю“. Держателем фабулы в этом случае является личность рассказчика. Наоборот, в устной поэме личность рассказчика отодвигается на задний план. В центре — сами события. Фабула поэмы отличается динамичностью. Ритмичность и правдивость сближает этот ряд рассказов с былинной. Далее автор отмечает ораторский элемент и некоторые сказочные моменты в ряде рассказов.

Рассказы распределены по двум основным отделам: часть первая — „Военная эпопея“ и часть вторая — „Личность и масса в революции“. Первая часть состоит из трех глав: „Бойцы пролетариата“, „Защитники Урала“ и „Былинники речистые“; вторая из четырех глав: „Рассказчики и сказочники революции“, „Бегущие от Колчака“, „Пленники у Колчака“, „Пролетарские женщины“ и эпилога, в который включены рассказы итогового характера, перекидывающие мост от гражданской войны к социалистическому строительству. Рассказы сопровождаются примечаниями, заключающими указания о времени и месте записи, биографические сведения о рассказчике, а иногда и некоторые характерные черты манеры рассказывания.

Основная целеустремленность данного издания вскрывается в первом предисловии. „Подрастающему поколению следует знать, как страстно боролись их отцы и старшие товарищи за идеалы коммунизма, следует знать и лицо классового врага без маски и без прикрас“ (стр. 9). Таким образом, сборник предназначен прежде всего, как подчеркивается и проф. Ю. Соколовым (стр. 19), для широких читательских масс. В то же время он должен явиться документальным материалом для истории: „Для будущего эта книга ценный исторический документ, свидетельствующий о днях и подвигах гражданской войны со слов ее участников и вдохновителей“.

Действительно, большое общественное и историческое значение книги несомненно. Предлагаемый материал в целом дает яркое повествование о событиях и эпизодах гражданской войны, включает ряд значительных фактических данных, рисует образы красных бойцов и лицо классового врага, вскрывает идеологию борющихся групп. Некоторые рассказы обладают большой эмоциональной и изобразительной силой и способны захватить и увлечь читателя описанием героических подвигов, другие потрясают картинами насилий и зверских расправ со стороны врага. Неоспоримо известное значение этой книги и для современной пролетарской литературы в деле овладения подлинной разговорной и повествовательной речью пролетариата, на что также указывает проф. Соколов (стр. 19).

Но, кроме этого, книга представляет интерес и для фольклориста, давая образцы новых видов фольклора, рожденных Октябрьской

революцией. Мы не можем, однако, согласиться с С. Мирером, что весь собранный и представленный в книге материал устного творчества рабочих должен быть занесен в категорию фольклорных явлений. Большинство из рассказов вызваны искусственно к жизни обращением и расспросами собирателя и являются особым видом личного повествовательного словесного творчества. От творчества литературного они отличаются лишь обстоятельствами своего создания: тем, что не написаны самим творцом, и, главным образом, отсутствием момента первоначального продумывания сюжета и последующей стадии обработки, что обычно сопровождает создание литературного произведения. Это часто как бы первоначальные наброски, создаваемые в момент большого творческого возбуждения, вызванного собирателем, наброски, которые в условиях обычного литературного процесса потом должны быть обработаны в целях большей художественной стройности и эффективности. Все это приводит к заключению, что устный рассказ — более факт литературы (по линии мемуарного жанра), чем фольклора: здесь отсутствуют отрыв от первоначального творца, освоение некоторым коллективом, повторяемость, наслонения, возникающие в процессе взаимодействия между исполнителем и средой слушателей — одним словом все моменты, рождающие сложный творческий переплет, который и является основной сущностью фольклорного явления.

Тем не менее устные рассказы несомненно должны стоять в поле зрения фольклориста, как жанр, стоящий „на периферии фольклора“ (Ю. Соколов). Вполне прав Ю. Соколов, указывающий, что в иных случаях, когда ясно ощущается устойчивость формы в результате повторяемости рассказа, „мы имеем дело с зарождающимся фольклорным художественным произведением, которое вот-вот станет, если уже не стало, странствующей историей или легендой“ (стр. 18).

К сожалению, именно эта проблема устного сказа, как фольклорного явления, в книге не поставлена (приведенные мною беглые замечания Ю. Соколова даны мимоходом и не заостряют внимания на данной проблеме). С. Мирер, правда, в своей вступительной статье, классифицируя помещаемые им в сборнике рассказы, останавливается на таких, в которых ярко выражена сказочная тенденция

(стр. 33—35). Он отмечает появление в них характерных сказочных приемов (сказочная численность, моменты сказочной чудесности, гиперболизм и некоторые др.). Но самые основные вопросы — возникновение и пути развития фольклорного сказа — с одной стороны, с другой — творческое преломление событий революции в зависимости от классовой сущности творца и исполнителей, наконец, что особенно важно, социальная функция сказа о революции — остаются совершенно не выдвинутыми.

Мало того, стремление к „документальности“ заставило редакторов выпустить или сократить самые ценные для фольклориста записи: „Больше всего подвергались сокращению записи сказочного характера. Интересные сами по себе — в этой книге пафоса революции они излишни.“ Нам думается, что и с точки зрения „документа“, материала для истории, именно такого рода записи представляли бы значительную ценность. В отметании их мы видим сужение самого понятия фольклора, как исторического документа.

Нельзя также не пожалеть (с точки зрения фольклориста), что при всем очень бережном отношении к текстам, при всем стремлении дать „подлинные, неизменные рассказы“, редакция, в целях большей их доступности для широкого читателя, пошла все же на ряд редакционных изменений: „В иных рассказах мы сократили вступление, исключили и в середине текста несущественные строки“ и т. д. (стр. 10). „В некоторых случаях рассказы одного лица разбиты по отделам согласно тематики“ (стр. 8).

Не ставя проблемы сказа, как фольклорного явления, авторы не дают и соответствующего комментария в той мере, в какой это нужно для освещения ряда вопросов, связанных с проблемой. Так, в сравнительно немногочисленных случаях даются указания на манеру исполнения, на реакцию слушателей, на то, каким образом вызван к жизни данный рассказ, повторялся ли он и т. п. — моменты, необходимые для фольклористического изучения собранного материала. Самый стиль рассказов обнаруживает в иных случаях известную остановку рассказчика, затем дальнейшее возобновление рассказа, вследствие, быть может, новых побуждающих вопросов собирателя. Все подобные моменты, весь процесс создания рассказа совершенно не освещены

цен ни в комментарии, ни во вступительной статье. Этот недостаток в значительной степени снижает научную ценность изданного материала.

В качестве комментария к рассказам необходимы были бы также указания на характерные черты районов, жителями которых являются рассказчики, на классовую расстановку сил, на характер войны именно в этих районах и т. д.

Очень полезна была бы карта с занесением всех пунктов, упоминаемых в рассказах.

Следует также оговориться и на классификации материала. Самый принцип деления на отделы „Военная эпопея“ и „Личность и масса в революции“, не будучи нигде разъяснен, вызывает сомнения. Ибо тема „Личность и масса в революции“ объединяет решительно все рассказы, входящие в 1-ую часть. К тому же наименование первой части „Военная эпопея“ скорее вызывает представление о жанровом признаке деления. О том, что при делении имелся в виду и жанровый при-

знак, свидетельствуют также и подзаголовки: „Воспоминания“, — для 1-й части, „Повести, рассказы и сказки“ — для 2-й, которые находятся в соответствии с классификацией, данной во вступительной статье. Отсутствие четкости, а также смешение различных признаков деления мы находим и в распределении материала по главам. Так неясно и нелогично разделение рассказов на группы „Бойцы пролетариата“ и „Защитники Урала“, и совершенно выпадают из тематического деления главы 3-я „Былинники речистые“ и 4-я „Рассказчики и сказочники революции“, где снова выдвигается признак жанра.

При всех недостатках книга является несомненно очень важным материалом для советской фольклористики. Ее появление должно побудить фольклористов начать исследования и по линии сказа о революции, как нового фольклорного вида.

А. Астахова.

Февраль 1933 г.

II

СОВРЕМЕННАЯ ТЕМАТИКА В ФОЛЬКЛОРЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

I. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(составлено по материалам Фольклорно-справочного кабинета при Фольклорной секции Института антропологии и этнографии Академии Наук и бывшего Фольклорного кабинета Государственной Академии искусствознания в Москве)¹

1. Абашеев А. А. Новые песни бурятской молодежи. „Бурятоведч. сборн.“, VI, 1930, стр. 55—62.
Песни о Ленине, о советском государстве, антирелигиозные и пр. Тексты и перевод.
2. Абрамсон С. Комсомольская деревня. Сб. „Комсомол в деревне“. Очерки под ред. проф. Тана-Богораза. ГИЗ, 1926, стр. 7—21.
3. Азадовский Марк. Беседы собирателя. 2-е изд., Ирк., 1925, стр. 116.
Стр. 24—38, 53—65: об отражениях в фольклоре революции; стр. 61—63: партизанский фольклор.
4. Азадовский Марк. Новые темы в современной фольклористике. „Лит. Газета“, 1933, № 57 (312), от 11 декабря.
5. Азадовский Марк. Революция и современность в устном творчестве деревни. „Советская Сибирь“, 1925, от 10 июля.
6. Азадовский Марк. Русские сказочники. „Русская сказка. Избранные мастера“. Под ред. Марка Азадовского. Изд. „Academia“, Л., 1932.
Стр. 80—83: отражение в сказках революции.
- 7а. Акульшин, Р. Заклятие Лениным и Троцким. „Перевал“, № 2, 1924.
7. Акульшин Родион. Призывники (очерк). „Кр. нива“, 1926, № 38, стр. 11—14.
Старые солдатские песни и частушки и песни красноармейцев.
8. Акульшин Родион. Три сказки. Гражданская война и Ленин в народном творчестве. „Новый мир“, 1925, № 11, стр. 120—128.
9. Акульшин Родион. Частушки. Изд. „Новая Москва“, 1926, стр. 30.
Стр. 55—58: новобитные частушки. (Были переиздания. 4-е изд., М., 1929).
10. Алексеев И. Производственные частушки Богородского уезда. „Богород. край“, 1928, № 7—8, стр. 21—22.
11. Андреевич А. Революция 1905 года в частушках. „Нижегор. краевед“, 1930, 1, стр. 16—19.
12. А[ргентов] Г. Моменты революционных переживаний в отражении городских и деревенских частушек. „Кунгур-Красноуф. край“, 1925, № 3.
13. А[ргентов] Г. Отражение в песнях-частушках некоторых особенностей современ-

¹ Настоящий указатель отнюдь не является исчерпывающим, но служит только первоначальным и примерным списком, составленным по материалам, которыми располагала Фольклорная секция. Несомненно, целый ряд публикаций ускользнул от нашего внимания, — особенно публикации, появлявшиеся на страницах краеведческих изданий и местных литературных журналов. Фольклорная секция обращается с просьбой к местным работникам о присылке всевозможных дополнений как в виде самих изданий (что особенно желательно), так и в виде библиографических справок.

ного быта деревни Кунгурского края. „Кунгур-Красноуф. край“, 1925, № 8—10, стр. 34—35.

14. А[ргентов] Г. Частушки Кунгурского края периода революции. „Сб. Кунг. общ. краевед.“ вып. 1, 1925, стр. 38—39.

15. Арнольд А. Песни и частушки города и деревни. Тверь, 1928, стр. 64.

16. Аршаруни А. М. Ленин в творчестве народов Востока. „Вестн. Комм. Акад.“, № 31, 1929.

17. Аршаруни А. М. Религиозные и атеистические мотивы в устном пооктябрьском творчестве народов Советского Востока. „Атеист“, 1930, март, № 50, стр. 72—83.

По материалам сборника Л. Соловьева „Ленин в творчестве народов Востока“. М., 1930.

18. Аршаруни А. М. Художественная литература Средней Азии. „Кр. нива“, 1929, № 16, стр. 10—11.

Революционные песни узбекских и таджикских певцов.

19. Аршаруни А. М. и Вельтман С. Л. Эпос Советского Востока. Дореволюционные и послеоктябрьские мотивы. М.—Л., „Academia“, 1930, стр. 130.

Стр. 46—65: борьба горцев Кавказа в их творчестве; стр. 67—79: революционный эпос; стр. 79—103: Октябрьская революция и Ленин.

20. Бабкин М. В. 1905 и 1906 годы в Михайловском уезде. Ряз., 1930, стр. 32.

Стр. 31—32: отражение событий 1905—1906 гг. в устном творчестве.

21. Балдаев С. П. Ленин в фольклоре бурят-монголов. „Культ. Бурятии“, 1932, № 4, стр. 26—29.

22. Балдаев С. П. Ленин и Октябрь в фольклоре бурят-монголов „Сов. этногр.“, 1932, № 5—6, стр. 15—27.

23. Бадмаев А. К. В. И. Ленин в бурятской песне. „Бурят. сб.“ вып. 1, Ирк., 1926, стр. 72—75.

Текст и перевод.

24. Бараников А. О влиянии войны и революции на развитие русского языка. „Уч. изв. Самар. ун.“, вып. 1, 1918, стр. 32—35.

Изложение доклада.

25. Баранов С. Народное творчество Льговского округа ЦЧО. „Изв. Курск. общ. краевед.“, № 4—6 (10—12), 1928, стр. 49—57.

Частушки о войне, революции, коммунист. партии, новом быте и пр.

26. Бертагаев М. А. Новые песни бурятской молодежи. (Эхерит-булагатский аймак). „Бурят. сб.“, III—IV, 1927, стр. 31—33.

Песни о Ленине и Коммунистической Партии. Текст и перевод.

27. Б-ов В. Колхозная гармонь. „Подъем“ (Воронеж), 1931, № 4—5, стр. 57—59.

Частушки колхозные, посевные, антикулацкие и антирелигиозные.

28. Бог и чорт. Современный тунгусский сказ. „Сов. страна“, № 3, 1929, стр. 45.

Литературная обработка.

29. Бородкина М. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно-бытовые очерки. „Тр. Томск. краев. музея“, т. 1, 1927, стр. 70—94.

30. Бурятские песни о Ленине. (Из собраний А. К. Бадмаева, Г. А. Бертелева и Г. А. Улаханова). „Сов. страна“, № 3, 1929, стр. 18—19.

31. Буш. В. В. О современном состоянии устно-поэтического творчества в деревнях Вольского уезда по материалам экспедиции 1925 года. „Уч. зап. Саратов. ун.“, т. V, вып. 2, 1926.

32. Буш В. В. Этнографическая экспедиция (Саратовская губ., 1925). „Этнография“, 1926, № 1—2, стр. 299—300.

Фольклор и современность.

33. Вельтман С. Революционный эпос Советского Востока. „Нов. вост.“, 1929, № 26—27.

34. Верховцев И. Красноармейские частушки. М., 1925, стр. 56.

35. Ветров Владимир. „За качество“. „Прожектор“, 1926, № 8 (78).

В тексте три частушки.

36. Виноградов Г. С. Этнография и современность. „Сиб. жив. стар.“ II, 1923, стр. 3—21.

37. Виноградская П. Современная деревня. „Печ. и револ.“, 1924, № 6, стр. 79—98.

По поводу сборника „Старый и новый быт“ под ред. проф. Тана-Богораза, М., 1924.

38. Волин В. Новый быт в отражении современного народного творчества. „Кунгур-Красноуф. край“, 1925, № 4—5, стр. 24—30.

Революционные песни и современные частушки. Антипоповские частушки.

39. Вологин Е. И. Частушки Ульяновской губ. „Край Ильича“, Сб. I, 1926, стр. 20—33.

40. Выставка в частушках Изд. ВЦИК, М., 1921.

41. Выставочные частушки. Изд. ВЦИК, 1921.

42. Г-й Л. Устная поэзия Донецкого края. „Просвещ. Донбасса“, 1924, № 12, стр. 99—101.

Шахтерские частушки.

43. Габрилович Е. Некоторые документы кулацкой агитации. „Прожектор“, 1930, № 14.

44. Гарданов М. Селение Христианское в фактах жизни. Историко-статистико-экономический и революционный очерк. „Изв. Осет. науч. иссл. инст. краевед.“, 1, 1925, стр. 151—222.

Стр. 212: песня старухи при защите села от Шкуро.

45. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Вып. IV. Фольклор Приморья. „Тр. Д.-Вост. Гос. унив.“, сер. III, № 9, Влад., 1929, стр. 14.

Среди разнообразного материала приведены партизанские песни и частушки (антирелигиозные и политические).

46. Георгиевский А. П. Частушка Приморья. „Зап. Владив. отд. Русск. Геогр. общ.“, т. III, вып. 2 (XX), 1929, стр. 245.

Политические и партизанские частушки.

47. Гилев П. Партизанское движение Бурятии в народном творчестве. „Культ. Бурят.“, 1932, № 3, стр. 13—18.

48. Глезер Э. Ф. Частушки окрестных деревень г. Великого Устюга. „Зап. Сев.-Дв. общ. изуч. месгн. края“, вып. 11, 1928.

49. Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. „Сказочная комиссия в 1926 г.“ Л., 1927, стр. 38—45.

50. Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губ. „Ржевский край“, 1, 1926, стр. 98—142.

51. Гришанин Г. Е. Страдания. „Просвещ. Донбасса“, 1923, № 10—11, стр. 138—141.

Рудничные частушки.

52. Груздев В. Ф. Костромские частушки. „Изв. Общ. арх., ист. и этн.“, т. XXX, вып. 2, стр. 122—127.

52а. Гусев, Н. Комсомол в Костромской губ. „Изв. Костр. Губ. Ком. Р. К. П.“ 1924, № 12.

53. Данилевский М. Об организации праздника первой борозды. „Засоц. культуру“, 1930, № 3, стр. 11—13.

54. Деревенский Песенник. М., 1926.

Песни новой деревни; антирелигиозные частушки.

55. Ерошин Ив. Алтайская деревня и город в частушке. „Сиб. огни“, 1926, 1—2, стр. 227—235.

56. Ерошин Ив. Песни новой деревни. „Сиб. огни“, 1927.

57. Жаров А. Красная тальянка. Избранные деревенские частушки. М. 1923, стр. 48.

Прибаутки. Яблочко (стр. 5—35). Припевки.

58. Женска доля. 1924 (Новые частушки).

59. Жирков Л. И. Новая аварская песня. „Дагест. сб.“, № 3.

60. Журинов Н. Г. Старая и новая Бурятия. „Нар. учитель“, 1927, № 4, стр. 68—73.

Современные бурятские песни.

61. Заря. Песенник. Изд. „Федерация“, 1929, стр. 188.

Стр. 79—134: песни и частушки новобитные.

62. Захаров-Мэнский Н. Современные частушки. Из материалов, собранных газетой „Беднота“. „Огонек“, 1927, № 29 (285).

63. Захаров-Мэнский. Частушки современной деревни. 1930, изд. „Театпечатъ“.

64. Иванов Иос. Политика, религия и быт в частушках. „Сов. Сиб.“, 1925, стр. 122.

65. Ильинский В. А., Лебедев В. Ф., Шабанов К. И., Руднев, Ф. Ф. Краеведческая экскурсия на лодке из Орла вниз по Оке до Павлова и обратно. „Бюлет. Орл. губ. Бюро Краевед.“, 1927, № 2, стр. 17—26.

Частушки с тематикой современности; антирелигиозные и комсомольские частушки.

66. Иеропольский К. Революция в частушке. „Нов. жизнь“, 1922, № 4.

67. Искрин Д. И. На торфяных болотах. Бытовой очерк по песням, записанным в Богородском уезде. С пред. проф. С. К. Шамбинаго. Богородск, 1925, стр. 36.

68. Капиев Эффенди. Ленин в дагестанской поэзии. „Штурм“ (журнал оргкомитета союза советских писателей Дагестана), 1933, 1, стр. 9—17.

69. Каринский Н. Заметка о собирании особенностей языка, проникших в деревню в революционное время. Изв. Вятск. науч.-иссл. инст. краевед., 1922, 1, стр. 45—46.

Методы собирания.

70. Каруновская Л. Село Новоселка-Зюзино. Сб. „Революция в деревне“. Очерки под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза. Л., 1924, стр. 52—86.

70-а. Киргизские песни о Ленине. „Кр. Нива“, 1929, № 17.

71. Ключков М. В. Краеведческая работа в станице на Кубани. „Изв. Общ. люб. изуч. Кубан. края“, IX, 1925, стр., 115—141.

Современные частушки.

72. Князев Вас. Современные частушки, 1917—1922, М.—Л., ГИЗ, 1924, стр. 76.

73. Колядки и частушки. Из записей, сделанных учащимися школ Соцвоса. „Провсв. Донбасса“, 1924, № 1—2, стр. 129—130.

Отражение современности в колядках и частушках.

74. Крестьянин. Политика и частушка. „Наш край“ (Тобольск), 1924, № 2, стр. 9—10.

Февральская революция, Октябрь, колчаковщина, партизанское движение.

75. Кукушкин И. В. Новые песни Востока. „Прожектор“, 1927, № 8 (102), стр. 13.

Песни о Ленине, песни о коллективном труде и пр.

76. Левитан С. Комсомол в частушках. Сб. „Комсомол в деревне“. Очерки под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза, ГИЗ, 1926, стр. 138—149.

77. Либликман Ферд. Из быта леса (краеведческий фельетон). „Север“, 1928, № 7—8, стр. 247—259.

78. Лозанова А. Н. Отражение октябрьской революции в устно-поэтическом творчестве. „Нижнее Поволжье“, 1927, 40, стр. 2.

Песни, частушки, легенды, сказки.

79. Макуля А. Остяцкая песнь о Ленине (рукопись). Приведена в книге Аршаруни и Вельтмана. См. № 19, стр. 92—93.

80. Малаховский Всеv. „Советское винограде“. „Сиб. жив. стар.“, вып. III—IV, 1925, стр. 41—46.

81. Маркович Мария. Дети о Ленине. „Вестн. проsv.“, 1924, № 10, стр. 100—108.

82. Масленников И. Частушки Ульяновской губ. „Край Ильича“, вып. 2, 1927, стр. 15—31.

83. Мирер С. и Боровик В. Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. Под ред. М. В. Морозова. М.—Л., 1931, стр. 455.

84. Морев Н. Старое и новое. Очерк из быта чухарей. Сб. „Старый и новый быт“. Под ред. проф. В. Тана-Богораза, Л., 1924, стр. 46—59.

В статье приведены тексты частушек.

85. Морев Н. и Н. Ш. (Шпринцин Н.). Современная частушка. Сб. „Старый и новый быт“. Под ред. проф. В. Тана-Богораза, Л., 1924, стр. 118—126.

86. Мороков. Сто частух. Изд. „Искра“, 1925.

86-а. Муравьев В. Политическая песня в устной поэзии рабочего класса. „Наступление“, 1933, № 2, стр. 27—55.

87. Муртазин Муса. В красной Башкирии. М.—Л., 1929, стр. 64.

В тексте — песни революционного содержания.

88. Мы не знаем, откуда пришел Ленин. „Прожектор“, 1929, № 3.

Узбекская песня о смерти Ленина.

89. Мырдыгеев Р. С. Песни аларских бурят. „Бурятов. сб.“ вып. 1, 1926, стр. 69, 71.

Революционные песни.

90. Насимович А. Стенгазетный юмор. „Печ. и Рево.“, 1927, № 6.

Частушки в стенгазетах.

91. Неверов Т. Приангарская ссылка. „Сиб. огни“, 1926, № 3, стр. 87—107.

Стр. 93: частушки о полиг. ссыльных.

91-а. Николаев И. Период колчаковщины и Семеновщины в Бурятии. Сб. „От царской колонии до Советской Республики“. М.—Ирк., 1933, стр. 59—78.

Стр. 75: Песня бурятской молодежи о Колчаке.

92. Новые и старые песни. Песенник. ГИЗ, 1928.

93. Но-н С. По следам оккупантов на Мурмане. „Карело-Мурм. край“, 1927. № 7—8, стр. 7—10.

Частушки о „добровольчестве“.

94. Облонский А. От „богатырских“ сказаний к песням Октября. „Туркменовец“, 1930, № 71, стр. 10—12; № 12, стр. 30—32.

95. Овезбаев Сеид Мурад. Сквозь тьму веков — к новой культуре. „Туркменовец“, 1927, № 2—3, стр. 32—38.

Народные туркменские рассказы.

95-а. Партизаны. Сборник статей партизанских и красноармейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвященных трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть советов. Чита, 1929.

96. Песенник „Красная Заря“, с пред. А. В. Луначарского. Изд. 2-е, 1931, стр. 192.

Отд. 1: Новая жизнь — новые песни.

97. Песня — диалог. „Прожектор“, 1929, № 3, стр. 173.

Узбекская песни о Ленине.

98. Песня с предводителе Кази Амилтинском. „Дагест. сб.“, III, 1927, стр. 54—56.

99. Попова А. Песни партизан. (Семейские селения Верхнеуд. уезда). „Сиб. жив. стар.“, вып. 1 (V), 1926, стр. 29—37.

100. Попова Е. Простое в великом. Сборник рассказов об Ильиче (Стенографически записала и обработала Е. Попова). М., 1930.

101. Пясковский А. В. Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. М., 1930. (I. Русская народная сказка об Ильиче. II. Восточная легенда о Ленине. III. Ленин в восточной песне и сиб. причитаниях. IV. Легенды: узбекская, китайская, киргизская, африканская, чукотская).

102. Революционные песни и частушки. М., 1924. (Новая деревня в частушках).

103. Рогинская Ф. Советский лубок, „Кр. нива“, 1929, № 12, стр. 14—15.

104. Рыбников Н. Молодняк и песни. „Нар. учитель“, 1930, № 6, стр. 75—77.

105 Самарин Ю. Классовая борьба в устном творчестве (по материалам научной экспедиции в Нижегородский край). „Земля Советская“, 1932, 11, стр. 131—138.

106. Санжеев Г. Песенное творчество аларских бурят. „Бурятов. сб.“, вып. 2, 1926.

Песни о Красной Армии.

106-а. Санжеев Г. Песнопения аларских бурят. „Зап. Коллегии востоковедов“, т. III, стр. 459—522.

107. Саянский А. [Низовцев А. К.]. Партизанские поэты минусинского фронта. „Сиб. огни“, 1925, № 2, стр. 207—222.

108. Свентицкая М. Отражение религиозных представлений и современность в детских разговорах, рассказах, играх и вопросах. „Вестн. Пров.“, 1922, стр. 142—154.

109. Северинов С. Баян. Песенник. 1929. (Новые частушки).

110. Сейфуллина Л. Мужичий сказ о Ленине. „Кр. Новь“, 1924, 1, 161—9 и отд. Л. 1924.

111. Семеновский А. Современная частушка. „Кр. новь“, 1921, № 1.

112. Смерть Ленина. „Прожектор“, 1929, № 3 (173), стр. 26.

Узбекская песня.

113. Смирнов-Кутачевский А. М. Мотивы современной народной поэзии (по данным этнографической экскурсии в Диевогородище, Ярослав. губ.). „Печ. и Революция“, 1925, № 5—6 стр., 72—79.

114. Смирнов В. И. Чорт родился. Творимая легенда. „Тр. Костр. науч. общ. по изуч. местн. края“, вып. XXIX, 1923, стр. 17—20.

115. Смирнов М. И. Частушки Переславль-Залесского уезда. М., 1922, стр. 151.

116. Смирнов-Кутачевский А. М. Страдальная частушка советской деревни. „Нов. мир“, 1926, № 4, стр. 137—148.

117. Соболев П. М. Мещанский фольклор. „Наступление“, 1932, VIII (Смоленск), стр. 49—64.

Стр. 62—64: фольклор мелкой городской буржуазии после Октябрьской революции.

118. Соболев П. Современный фабрично-городской фольклор. „Печ. и Революция“, 1929, № 6, стр. 89—98.

119. Советов М. Современная частушка в Саратовском крае. „Тр. Нижневолжск. обл. общ. краевед.“ вып. XXXIV, 1926.

120. Соколов Б. Русский фольклор. вып. II. Сказка. Изд. Бюро заочного обучения при МГУ, М., 1930.

Стр. 102—105: отражение в сказке современности.

121. Соколов Юрий. Быт и творчество населения. „Изв. Тверского пед. инст.“, 1927, I, стр. 111—136.

По данным Верхнемоложской экспедиции. Современные частушки.

122. Соколов Юрий. Песни фабрики и деревни. „Вестн. просв.“, 1925, 4, стр. 109—124.

123. Соколов Юрий. Русский фольклор. Вып. IV. Частушки. Мещанские и блатные песни. Фабрично-заводский и колхозный фольклор. Центр. инст. повышения квалификации заочников нар. образования. М., 1932, стр. 112.

124. Соколов Юрий. Что поет и рассказывает современная деревня. „Жизнь“, 1924, 1, стр. 279—312.

Частушки, легенды, сказки.

125. Соколова Анна. Материалы для изучения партизанской поэзии. „Сиб. жиз. стар.“, в. V, Ирк., 1926, (№ 1), стр. 153—162.

Песни и причитания.

126. Соловьев Л. В. Киргизские песни. „Кр. нива“, 1929, стр. 21.

Песни о Ленине.

127. Соловьев Л. В. Ленин в творчестве народов Востока. Песни и сказания. Со вст. статей А. Аршаруни. М., 1930, стр. 126.

Песни узбекские, таджикские, киргизские и уйгурские.

128. Старчаков А. Ленин в песнях Советского Востока. „Нов. мир.“ 1926, 3, стр. 172—176.

129. Стебницкий С. Новгородская вольница. Сб. „Комсомол в деревне“. Под ред. проф. В. Тана-Богораза, 1926, стр. 59—82.

Частушки.

130. Страттен В. Творчество городской улицы. „Худож. фольклор“, II, М., 1927.

131. Стрельский В. И. Песни, частушки, заговоры и малопонятные слова деревни „Конево“ Курского уезда. „Изв. Курск. губ. об., краеведения“, 1927, 3.

132. Тан В. Г. Два лица (Очерки современной деревни). „Кр. нива“, 1926, № 24, стр. 554—557.

133. Тан В. Г. Старый и новый быт. Сб. „Старый о новый быт.“. Под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза. Л., 1924, стр. 5—26.

134. Тан-Богораз В. Г. Деревенская Русь. „Огонек“, 1923, № 37.

135. Тан-Богораз В. Г. Новое крестьянство. „Жизнь“, 1924, 1.

136. Тан-Богораз В. Старая и новая деревня. „Россия“ 1 (10), 1924.

137. Тарадин И. П. Песни современной деревни и отражение в них ее быта (Ровеньки, Россопанского у.). „Изв. Ворон. краев. общ.“, 1925, 3, стр. 9—14; № 4, стр. 13—18.

Политические частушки.

138. Тетерин Н. И. Политическая частушка в народной поэзии. „Каторга и ссылка“. 1924, № 6, стр. 200—203.

139-а. Узбекское сказание о Ленине. „Советская страна“, 1928, № 2, стр. 72—74.

139. Улаханов Г. А. Песни унгинских бурят аларского аймака. „Бурятов. сб.“, II, 1926, стр. 72—73.

Песни о создании Бурят-монгольской республики.

139-а. У-н. Самый старший — большой Ильич. Чукотская сказка. „Тихоокеанская звезда“, 1928, № 18.

140. Урманов К. По сибирским колхозам. „Сиб. огни“, 1927, № 5, стр. 188—208.

В тексте — частушки.

140-а. Ухмылова Т. К. Октябрь в устной поэзии. — „Залп“, 1932, 11—12, стр. 76—81.

141. Ушаков Г. В селе Шушенском. „Сиб. огни“, 1927, № 5, стр. 168—179.

Рассказы крестьян о Ленине; легенда о матери Ленина.

142. Фабричная частушка. „Вятск. край“, 1921, 2, стр. 23—38.

143. Февральский П. Песни победы. „Прожектор“, 1928, № 24 (194), стр. 24—25.

Красноармейские песни эпохи гражданской войны.

144. Феноменов М. Я. Современная деревня, ч. I—II. М., 1925, стр. 259, 211.

145. Фомин С. У крымских татар. (Школа, культура и творчество). „Нар. учитель“, 1926, 12, стр. 46—49.

Детские песни о школе.

146. Фролов И. Песни бахши сегодня. „Туркменоведение“, 1927, 4, стр. 47—49.

Песни о Ленине и Октябрьской революции.

147. Хандзинский Н. М. „Покойнишний вой“ по Ленине. „Сиб. жив. стар.“ III—IV, 1925, стр. 53—64.

148. Хребес. Современные крестьянские песни. (Холостая жизнь. Любовь. Брак. Семья. Новые пути). Изд. 2-е, М., 1929, стр. 123.

148-а. Чаговец Вс. Ленин в народном творчестве Украины. „Веч. Москва“, 1928, № 18.

149. Частушки. „Огонек“, 1927, № 23.

Частушки об отпусниках.

150. Частушки. „Просвещение Донбасса“, 1923, 1—2, стр. 141—145.

Записи 1921 г.

151. Чужимов В. Этнографические этюды. Село Донецкая Семица Сазоновской волости Курского уезда. „Изв. Курск. губ. общ. краевед.“, 1927, 6, стр. 52—63.

152. Шацкая В. Песни и быт деревни (Из работ 1-й опытной станции Наркомпроса). „Вестн. просв.“ 1925, 6, стр. 78—90.

153. Шахнович М. Пословицы и поговорки о полах и религии. ГАИЗ, 1933, стр. 122.

154. Эмов Н. Песни времени и народа. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, 1924, № 3 (2038).

Злободневные частушки, Политические частушки, записанные в б. Тамбовской губернии.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ:

ГЛАВНЕЙШИЕ ТЕМЫ

Песни, легенды и сказки о вождях революции: 1, 4, 5, 8, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 26, 30, 33, 60, 68, 75, 79, 81, 97, 101, 110, 124, 127, 128, 141, 147.

Песни и легенды о Коммунистической партии: 1, 4, 5, 18, 19, 25, 26, 33, 60, 75, 87, 114, 124.

Песни о комсомоле: 2, 60, 65, 76, 104, 129.

Антирелигиозный фольклор: 1, 17, 27, 28, 38, 45, 46, 54, 64, 65, 163.

Партизанский фольклор: 3, 4, 5, 44, 45, 47, 74, 83, 93, 95-а, 99, 125.

Красноармейские песни и частушки: 7, 34, 106, 116, 143, 149.

Колхозные песни и частушки: 9, 27, 43, 105, 119, 121, 123, 124.

Рабочие частушки: 4, 9, 10, 42, 51, 67, 118, 123, 142.

УКАЗАТЕЛЬ ЖАНРОВ

Лирика

Песни и частушки: 1, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 30, 31, 32, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 82, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 96, 97, 98, 101, 102, 104, 105, 106, 109, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 130, 134, 137, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 151, 152, 154.

Причитания: 101, 125, 147.

Эпические песни: 16, 17, 18, 19, 33, 94, 127, 128, 146.

Колядки: 73, 80.

Легенды и предания: 36, 78, 79, 101, 114, 124, 141.

Сказки: 6, 8, 16, 17, 28, 49, 78, 95, 101, 110, 120, 121, 124.

Сказы: 83, 100, 141.

Х Р О Н И К А

ФОЛЬКЛОРНАЯ СЕКЦИЯ ИАЭ АН СССР В 1932 г. И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1933 г.

Фольклорная секция Института антропологии и этнографии АН СССР сформировалась при организации данного института в феврале 1933 г., созданного на основе слияния Музея антропологии и этнографии (МАЭ) и Института по изучению народов СССР (ИПИИ). Работа секции в основном явилась продолжением работ Фольклорной секции ИПИИ. Круг научно-исследовательских проблем, в связи с включением в секцию новых сотрудников, был расширен. Так, в составе Фольклорной секции была сформирована особая группа по изучению фольклора докапиталистических формаций, работающая под руководством проф. Е. Г. Кагарова.

1931 год в деятельности Фольклорной секции — период большой организационной работы, обусловленной самим фактом недавнего образования секции (апрель 1931 г.).¹ В этот период выполнен ряд задач по оформлению входящих в секцию вспомогательных учреждений: фольклорного рукописного хранилища, фонограммархива и фольклорно-справочного кабинета; проведена работа по установлению связи с главнейшими организациями и объединениями, ведущими фольклорную работу (Москва, Киев, Иркутск, Петрозаводск и др.). В 1932 г. Фольклорная секция сумела уже более развернуть и научно-исследовательскую работу; вместе с тем она поставила перед собой задачу осуществления подлинной связи с местами путем организации совместных работ (экспедиции, издательская работа) и оказания содействия в работе руководством, инструктаж, проработкой программ и т. п.

Оправданным пунктом в работе Фольклорной секции явилась необходимость коренной перестройки фольклористики на основах марксистско-ленинской методологии и тесной увязки с задачами социалистического строи-

тельства среди народов СССР. В основу всей работы было положено понимание фольклора как одного из факторов классовой борьбы, играющего значительную роль в социалистическом строительстве в качестве элемента, содействующего ему или, наоборот, противодействующего.

Основные разделы работы:

I. Рабочий фольклор и фольклор других городских слоев. О целевых установках изучения рабочего фольклора и о конкретной работе см. заметку А. М. Астаховой и Э. В. Эвальд „Отчет о работе бригады по изучению фольклора рабочей среды“. Советская этнография, 1932 г., № 2, стр. 41.

В дополнение к данной заметке следует указать специальную работу аспирантки П. Г. Ширяевой по розыскам старой рабочей песни, проведенную в течение лета 1932 г. на 12 крупнейших предприятиях Ленинграда. Работа эта дала в результате около 70 номеров песен и нелегальных стихов, ходивших в дореволюционное время по рукам.

В области исследования городского фольклора подготовлена к печати работа А. М. Астаховой „Ленинградская уличная песня“.

II. Фольклор колхозов. В основу изучения колхозного фольклора были положены следующие моменты: 1) определение характера и особенностей колхозного фольклора; 2) изучение процессов зарождения и развития нового, а также изменения и отмирания отдельных видов старого фольклора, как следствия обострения классовой борьбы и развертывающегося социалистического строительства; 3) выявление действенной роли различных видов фольклора в процессе перестройки быта; 4) вскрытие значения фольклорных явлений в борьбе за социальное строительство и реконструкцию сельского хозяйства, как элементов содействующих или тормозящих.

Работа была связана с экспедициями по изучению колхозов Северного Кавказа, Полесья, Терского берега и Карелии.

Совместно с Карельским научно-исследовательским институтом были организованы

¹ Об образовании Фольклорной секции и первоначально поставленных задачах см. информационную статью „Фольклорная секция ИПИИ АН“ в Советской этнографии за 1931 г., 3—4, стр. 242.

и проведены экспедиции в Карелию в составе двух отрядов: Беломорского (фольклор Ловецких колхозов лета 1932 и 1933 гг.) и Заонежского (по следам экспедиции 1926 г. Государственного Института истории искусств в целях выяснения сдвигов, обусловленных коллективизацией, — зимой и летом 1932 г.).

Кроме того, Фольклорная секция приняла участие в комплексной экспедиции Академии Наук СССР и Белорусской Академии Наук в Полесье, организовав отряд со специальным заданием изучения белорусской песни.

Указанные экспедиции дали значительный материал, который позволил приступить исследованию в плане больших монографических работ по фольклору колхозов Белоруссии и Карелии (Белорусский отряд — 400 текстов, преимущественно песенных, кроме того сказки и частушки, 305 фонозаписей, 60 снимков. Беломорский — около 4000 текстов в области всех видов бытующего фольклора, 170 фонозаписей беломорских песен и 150 фотоснимков. Заонежский — большой материал частушки — около 3500, более 200 текстов песен и былин и 120 фонозаписей).

В результате разработок материалов экспедиций 1931 и 1932 гг. состоялись доклады: С. Д. Магид „Отчет о Фольклорной экспедиции в Белоруссию“, А. Н. Лозановой „Ломка и перестройка быта и фольклор колхозов Северного Кавказа“, ее же „Фольклор колхозов Северного Кавказа“, А. М. Астаховой „Фольклор Беломорских колхозов“ и Н. П. Колпаковой „Песни и фольклор Терского берега“.

III. Фольклор гражданской войны. Работа по данному разделу, особо актуальная в связи с постановлением ЦК ВКП(б) об организации работ по истории гражданской войны, преследовала следующие задачи: 1) изучение на материале фольклора идеологической направленности разных социальных слоев и классовых группировок в связи с основными моментами гражданской войны; 2) вскрытие функциональной роли фольклора гражданской войны, как средства идеологического воздействия на массы; 3) изучение творческого преломления событий гражданской войны и образов ее участников в фольклоре различных групп населения.

Кроме того, сама постановка этой новой в фольклористике темы выдвинула ряд принципиальных вопросов о содержании и границах материала, о жанровой дифференциации и т. п.

Для разрешения поставленных задач была организована работа по фольклору гражданской войны в Восточно-Сибирском крае. К работе привлечены местные работники, методически поставившие ее и широко развернувшие. Работа включает моменты как экспедиционного, так и стационарного изучения. Сотрудники в течение сентября—декабря 1932 г. собрали обширный материал, включающий 200 устных рассказов о гражданской войне, 10 легенд и около 20 частушек, песен и посланий.

Работу по собиранию и изучению фольклора гражданской войны проводил также Беломорский отряд Карельской экспедиции. В результате собрано около 50 устных рассказов о гражданской войне и некоторое количество частушек и песен. В настоящее время производится разработка материала для специального сборника.

По данной теме прочитаны доклады: А. М. Астаховой „Фольклор гражданской войны в Карелии“ и А. Н. Лозановой „Партизанские песни колхозов Северного Кавказа“.

IV. Разработка фольклорного наследия. Прочитаны доклады: Е. В. Гиппиус „Свадебные песни Пинежья“, А. Н. Лозановой „Разинщина и Пугачевщина в фольклоре“. Сдана в печать работа Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд по северной русской песне („Пинежские песни“). Работа представляет исследование о путях развития песни на Пинеже на основе материалов, собранных во время экспедиционных поездок в 1927 и 1930 гг. Сдана в печать книга А. Н. Лозановой „Песни и сказания о Степане Разине и Пугачеве“.

V. Национальная специфика в фольклоре. Ввиду того, что Фольклорная секция не имела в своем составе специалистов-словесников, владеющих теми или иными национальными языками, работа по линии изучения национальной специфики внутри секции проводилась преимущественно на материале музыкального фольклора. В связи с указанным положением секция поставила в качестве первоочередных своих задач организацию сотрудничества со специальными институтами, ведущими аналогичную работу в центре и на местах, а также — широкое привлечение сотрудников со стороны. Так, целый ряд работников по национальному фольклору был привлечен к участию в первом сборнике Фольклорной секции, посвященном вопросу отражения Октябрьской революции в фольклоре. Кроме того, в научном заседании секции был зачитан доклад т. Берлинского „Творчество монгольского революционного певца Хурчи“.

Основными задачами в области изучения национального фольклора явились 1) включение в борьбу с извращениями генеральной линии партии на музыкальном фронте на местах; 2) дифференциация музыкального фольклора: а) выявление пережиточных и классово чуждых элементов, тормозящих строительство, б) выявление социально ценных элементов, из которых может развиваться национальная культура.

По линии музыкального фольклора национальностей проводилась большая собирательская работа: массовые записи цыганских песен, таджикского музыкального фольклора, грузинских песен (специальные командировки т. Мигрелидзе в Закавказье в 1932 г.) и Г. Э. Чхиквадзе в Грузию 1933 г.).¹

¹ По общеметодологическим вопросам были прочитаны следующие доклады: М. К. Азадов-

В 1932 г. Фольклорная секция продолжала начатую в предыдущем году работу по библиографии фольклористики за советский период; в этой работе Фольклорная секция установила контакт с Фольклорным кабинетом (ныне расформированным) ГАИС (в Москве).

По линии научно-организационной в качестве важнейшей задачи было поставлено укрепление и развитие связи с местами. В настоящее время Фольклорная секция имеет связь с 15 научно-исследовательскими учреждениями СССР и с целым рядом отдельных работников. Связь эта выражается не только во взаимной информации, но и в активном содействии со стороны секции развертыванию фольклорной работы на местах (руководство, инструктаж, составление программ, непосредственное участие в экспедиционной работе, снабжение экспедиций фонооборудованием).

Из особо крупных организационных работ на местах следует выделить: 1) помощь в организации Кабинета музыкознания в Азгосконсерватории и 2) установление постоянной организационной связи в планировании экспедиционной, исследовательской и изда-

ский „Основные особенности советской фольклористики“; В. М. Жирмунский „Проблема фольклора“; Е. В. Гиппиус „Проблема музыкального фольклора“; Е. Г. Кагаров „Современная итальянская и испанская фольклористика“; Н. М. Маторин „Афанасьев, как фольклорист“; Ю. М. Соколов (Москва) „Теория Наумана о «сниженной культуре»“; Н. К. Пиксанов „Горький и фольклор“; аспирант Пеннер „Современная германская фольклористика“.

тельской работы с Карельским научно-исследовательским институтом.

Проведена работа по дальнейшей концентрации фоноколлекций. Из наиболее крупных поступлений отметим фонограммархив Центрального музея народоведения в Москве (в количестве 1000 фоноваликов). Таким образом, фонограммархив Фольклорной секции насчитывает в настоящее время более 4500 фоноваликов.

По линии научно-просветительной работы Фольклорной секцией проводились консультации по различным вопросам фольклора, научным и организационным, как в Ленинграде, так и на местах во время экспедиций и командировок; велись работы с прикомандированными для научных занятий сотрудниками научно-исследовательских учреждений национальных республик (ГИК Бурягии, Научно-исследовательский институт в Тифлисе) и с аспирантами.

Проводились радиотрансляции из фонограммархива, тематические экскурсии для рабочих, студентов Герценовского педагогического института, педтехникумов и студентов Госконсерватории, разрабатывались программы по собиранию фольклорных материалов (по рабочему и колхозному фольклору, по фольклору гражданской войны).

Осознавая всю важность планирования научной работы, Фольклорная секция проработала проект пятилетнего плана, рассчитанный на широкое сотрудничество целого ряда фольклорных организаций. Проект этот был доложен и обсужден на Ленинградском фольклорном совещании в мае 1932 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Марк Азадовский. Предисловие	3—8
А. М. Астахова. Фольклор гражданской войны	9—40
А. Н. Лозанова. Песни о гражданской войне в северо-кавказских колхозах	41—52
Ю. А. Самарин. Украинский революционный фольклор	53—80
Н. Н. Поппе. К характеристике бурят-монгольской песни послеоктябрьского периода	81—94
Г. И. Карпов и А. П. Поцелуевский. Отражение Октябрьской революции в туркменском фольклоре	95—130
О. И. Шацкая. Мотивы женской доли в туркменской лирике	131—156
И. В. Мегрелидзе. Революция в грузинском фольклоре	157—189

Библиография. Хроника

I. Рецензии:

А. М. Астахова. <i>Партизаны</i> . Сборник.	191—192
А. М. Астахова. <i>С. Мирер</i> и <i>В. Боровик</i> . Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне	192—194

II. Современная тематика в фольклоре. Библиографические материалы	195—201
---	---------

Хроника:

Фольклорная Секция ИАЭ	202—204
----------------------------------	---------

*Технический редактор Д. Бабкин
Ученый корректор А. Суслов*

*Сдано в набор 31/V 1933 г. Подписано
к печати 4 июля 1934 г. 208 стр. Формат
бумаги 72×110 см. 13 п. л. Тип. зн. в 1 п. л.
42378. Тираж 3175 экз. Ленгортит № 8064.
АНИ № 328. Заказ № 1760.*

*Типография Академии Наук СССР.
Ленинград, В.-О., 9-я линия, 12*